„НАША БИБЛІОТЕКА“
XLII

Александръ Плещеевъ

Безъ ужасовъ

РАЗСКАЗЫ

Вступительная статья **Петра Пильскаго**
Портретъ автора раб. худ. **А. П. Апсита**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРА»
РИГА, УЛ. СВОБОДЫ № 8
1928

Эта книга напечатана
въ типографіи „Vārds“,
Рига, Бл. Плавучая 24.

Александръ Плещеевъ

А. А. Плещеевъ

Вступительная статья **Петра Пильскаго**

А. А. Плещеевъ—беллетристъ, А. А. Плещеевъ —журналистъ, но больше всего А. А. Плещеевъ — театралъ. Театральному божеству онъ сложилъ свои гимны и свое сердце, и свои тревоги, и свою любовь. Съ юныхъ лѣтъ его жизнь неразрывно сплелась съ кулисами, сценой, актерами, драматургами и особенно съ порхающимъ міромъ балета.

О немъ Плещеевъ написалъ большую книгу, надъ его вопросами работалъ всю жизнь, имъ взволнованъ и сейчасъ, на склонѣ лѣтъ, въ эти предвечерніе часы своихъ дней.

Эти пристрастія очень къ лицу А. А. Плещеева. Балетъ—созерцаніе, успокаивающія видѣнія, легкость, безтрагичность. Онъ долженъ отвѣчать Плещеевской безоблачности, беззлобности, миру его души и всѣхъ его настроеній. И самъ Плещеевъ—созерцатель, тоже беззлобный, примиряющійся и прощающій. Сливая образъ этого человѣка и писателя съ театральными призраками, сроднивъ его съ этой средой, будемъ и мы опредѣлять его излюбленными театральными словами. На сценѣ почему-то укоренилось особенное почтеніе къ имени и званію «барина». Если актеры вспоминаютъ о тароватомъ, широкомъ и щедромъ антрепренерѣ, они его величаютъ «бариномъ», и точно также этимъ оре-

оломъ окружаютъ имена своихъ особенно уважаемыхъ коллегъ. Я думаю, что и А. А. Плещеева театральный міръ зоветъ тоже этимъ именемъ: «баринъ». Въ самомъ дѣлѣ, у него много красивыхъ «барскихъ» чертъ, и это не только чувствуется въ мягкости его разговора, воспитанности, легкости его бесѣдъ, но и въ его писаніяхъ.

И Плещеева-человѣка и Плещеева-автора отличаетъ мягкая деликатность. Онъ особенно чутокъ къ чужому самолюбію, къ личному достоинству человѣка. За весь длинный періодъ своей критической дѣятельности Плещеевъ рѣшительно никого не обидѣлъ, не ранилъ ни одной строкой даже мелкой балетной пташки. Его судъ былъ неизмѣнно снисходителенъ и приговоры добры.

Если даже здѣсь, въ этой области театральныхъ оцѣнокъ, въ роли критическаго судьи онъ съумѣлъ сохранить милую черту благодушія, то что же говорить объ его разсказахъ, миніатюрахъ, юмористическихъ наброскахъ? Тутъ все — благодушіе, улыбки, миръ и безмятежность. Даже тогда, когда въ толпѣ его героевъ мелькаетъ не умное, уродливое лицо, Плещеевъ умѣетъ вызвать къ нему доброе отношеніе. У Плещеева нѣтъ заклейменныхъ, нѣтъ злыхъ, нѣтъ преступныхъ. Теплота и благожелательность, чисто братская, освѣщаетъ у него всѣхъ людей, уравниваетъ, стирая острые углы, отгоняя осужденіе и непріязнь.

Какъ въ театрѣ онъ является не только зрителемъ, не только судьей, но еще и другомъ, такъ и въ своей беллетристикѣ онъ никого не порочитъ. Рѣдко такъ полно выражается человѣкъ въ авторѣ, душа въ книгѣ, личность въ печатныхъ строкахъ, какъ у Плещеева.

Въ своихъ писаніяхъ онъ тотъ же, что и въ жизни

Кто видѣлъ Плещеева, зналъ его, имѣлъ удовольствіе съ нимъ встрѣчаться, тѣмъ не надо до-

казывать эту истину. Плещеева любили всѣ и не было ни одного, не довѣряющаго ему человѣка.

Всюду онъ вносилъ атмосферу доброты, ласки, любви, готовности помочь и услужить. Эта благорасположенность распространялась на редакціонныхъ коллегъ, на актеровъ, на знакомыхъ и даже незнакомыхъ.

Плещеева любили, цѣнили и почти обожали въ театральной школѣ Суворина, гдѣ онъ былъ однимъ изъ директоровъ, занимая мѣсто на экзаменахъ и совѣщаніяхъ рядомъ съ М. Г. Савиной. Его любили во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ, его выдвигали во всѣ щекотливыя минуты, когда нужно было деликатно провести переговоры, когонибудь убѣдить, на кого-нибудь повліять. И Плещееву это удавалось необыкновенно легко, безъ всякихъ усилій, безъ хитростныхъ уловокъ и пріемовъ діалектики, безъ споровъ, нажимовъ и давленій.

Онъ умѣлъ очаровывать своимъ тономъ, манерами, уступчивостью.

Многочисленные члены петербургскаго Литературно-Артистическаго клуба—въ знаменитомъ Юсуповскомъ особнякѣ на Литейномъ—помнятъ высокаго и стройнаго, чуть полнѣющаго блондина съ тщательнымъ проборомъ, во фракѣ или черномъ пиджакѣ, съ изысканной вѣжливостью, съ чуть-чуть склоненной впередъ головой, директора А. А. Плещеева, такъ осторожно, такъ мягко улаживавшаго всѣ недоразумѣнія, устранявшаго даже конфликты въ азартной карточной игрѣ.

И въ театральной школѣ, и въ обществѣ, и въ клубахъ, и въ редакціи у этого человѣка не было первыхъ или вторыхъ, важныхъ или неважныхъ, не было ранговъ и степеней, — для Плещеева бы-

ли только люди, равные между собой, имѣющіе равныя права на уваженіе и вниманіе.

Надъ иными изъ нихъ Плещеевъ еще могъ добродушно подтрунивать, но никто никогда не услышалъ отъ него злой или ранящей насмѣшки. Такимъ онъ остался и въ своихъ книгахъ.

Его герои могутъ быть спокойны: ихъ имени ничто не угрожаетъ и нигдѣ авторъ не покушается на ихъ честь и достоинство.

Преобладающій тонъ и въ этомъ сборникѣ разсказовъ—юмористически добродушный. Улыбку вызываетъ обжора, типъ грубоватаго русскаго гурмана, въ наброскѣ «На пароходѣ»; улыбаясь, мы слѣдимъ за судьбой газетнаго романа, вынужденнаго внезапно прерваться по редакторской волѣ; съ улыбкой обходимъ «Лавку старинныхъ вещей» и наблюдаемъ за ея ловкимъ хозяиномъ, обманывающимъ своихъ легковѣрныхъ кліентовъ; улыбка сопровождаетъ насъ и въ домѣ Африкановыхъ на ихъ званой средѣ, и нельзя безъ улыбки читать о «Театральной аристократіи», премьерахъ сцены, играющихъ только роли изысканныхъ графовъ и герцоговъ, но не имѣющихъ фрака и т. д., и т. д. Вездѣ у Плещеева —доброта, благость, снисхожденіе.

Но юморъ не вездѣ. Рядомъ съ нимъ временами проглядываетъ и даетъ себя чувствовать ея вѣчный спутникъ — грусть, и она особенно сильно звучитъ въ разсказѣ «Чрезъ двадцать пять лѣтъ»,— старая, никогда не старѣющая тема о власти времени, о перерожденіи человѣка вмѣстѣ съ летомъ годовъ, опустѣніи жизни, о сознаніи и чувствѣ своего одиночества.

Но и тутъ Плещеевъ не заостряетъ трагедіи, не прибѣгаетъ къ мучительству, не ищетъ потрясеній. Его міръ—царство затишья. Это — міръ безъ сильныхъ драмъ и, конечно, безъ ужасовъ. Недаромъ онъ такъ и назвалъ эту книгу, подавленный

вставшими вокругъ него кровавыми и мрачными призраками послѣднихъ лѣтъ.

Вотъ—кто никогда не захотѣлъ бы написать ни авантюрнаго, ни сложно-задуманнаго романа, кто никогда не искалъ зловѣщихъ огней, не зажигалъ пожаровъ въ душѣ и сердцѣ своего читателя, не подавлялъ его и не пугалъ, никогда не грозилъ его покою.

Причина ясна: Плещеевъ любитъ жизнь, вѣритъ въ нее, благословляетъ ея явленія. Онъ хочетъ, чтобъ и тѣ, кто съ нимъ, цѣнили ее такъ же, какъ онъ самъ, видѣли въ ней міръ добра, а не зла, свѣтъ, а не тѣни, рожденія и надежды, а не смерть и разочарованія.

Все темное, уродливое и злое въ этой жизни для Плещеева является не закономѣрнымъ явленіемъ, а лишь случайностью, и отъ этихъ отрицательныхъ сторонъ можно еще испытывать маленькія непріятности, но отъ нихъ нельзя серьезно страдать и они не даютъ права на отрицаніе земной красоты, временныхъ радостей, солнечнаго сіянія, пусть мимолетныхъ, но милыхъ утѣхъ, даруемыхъ отзывчивостью человѣческаго сердца, волненіями искусства, счастливой беззаботностью, призрачностью, волшебствомъ, суетой и измѣнчивостью возникающихъ и гибнущихъ театральныхъ видѣній, приковавшихъ къ себѣ, навсегда полонившихъ и завоевавшихъ душу, все существо А. А. Плещеева.

Освобожденная отъ ужасовъ, чуждая мрачности, обходящая драмы, кровь и жестокость, тихая въ своихъ тонахъ, несущая примиреніе, его новая книга должна придтись по сердцу и вкусу особенно современнаго читателя. Она можетъ стать лекарствомъ отъ усталости, бодрящимъ средствомъ, поднесеннымъ рукой ласковаго доктора.

Въ ней есть умиленіе, въ ней мелькаютъ улыбки, а кто улыбается, тотъ милостивъ, тотъ готовъ къ примиренію, тотъ можетъ благословить жизнь, а эти благословенія никогда ей не были такъ нужны, какъ теперь, и въ этихъ благословеніяхъ нуждается не только она сама, въ нихъ нуждаемся и всѣ мы.

Петръ Пильскій

ПРЕЗИДЕНТЪ ЕРШОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Въ Ершовскѣ, крошечномъ городкѣ на югѣ Россіи, началась паника: ожидали нашествія не то бѣлыхъ, не то зеленыхъ, не то красныхъ. Паника содѣйствовала распространенію нелѣпѣйшихъ слуховъ. Граждане трепетали. Только Ермолай Иванычъ Шило, бывшій почтовый чиновникъ съ репутаціей пройдохи, не растерялся. Онъ совершенно неожиданно объявилъ Ершовскъ республикой, доказывая кому то изъ знакомыхъ, что коренное населеніе города происходитъ отъ венгерцевъ и что здѣшніе граждане съ оливковымъ цвѣтомъ кожи.

Ему никто не возражалъ. Шило отпечаталъ обращеніе къ населенію новой республики и подмахнулъ его своей подписью, назвавшись президентомъ самоопредѣлившейся республики. Граждане равнодушно отнеслись къ столь неожиданной метаморфозѣ и не возражали ни противъ провозглашенія республики, ни противъ своего происхожденія отъ венгровъ, ни противъ титула Шилы, избравшаго себя президентомъ.

— Въ единеніи — могущество,— объяснялъ Шило каждому встрѣчному. Пускай-ка теперь пожалуютъ какія-нибудь войска. А неугодно ли объясниться съ самимъ? Съ какимъ с а м и м ъ? А вотъ —съ господиномъ президентомъ.

Республика просуществовала три съ половиной часа, а затѣмъ на базарной площадкѣ поднялась неописуемая суматоха.

Какъ изъ земли выросли десять солдатъ въ потрепанныхъ френчахъ защитнаго цвѣта и провозгласили республику низвергнутой, потребовавъ для объясненій самого президента. Какъ бы не такъ. Шило не дуракъ. Его и слѣдъ давно простылъ. Онъ плылъ по рѣкѣ Шмель на какой то баркѣ къ ближайшей границѣ. Жители не только не защищали республики, но даже не знали, что они жили въ ней три съ половиной часа.

Всѣ граждане думали — быть бы живу, а все остальное несущественно.

Шило, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, очутился въ Европѣ и пробирался изъ государства въ государство. Его никто не зналъ, и никто имъ не занимался, кромѣ хозяевъ маленькихъ гостиницъ, въ которыхъ онъ останавливался.

Когда ему приходилось въ гостиницахъ давать письменные отвѣты на обычномъ опросномъ листѣ—кто онъ, гдѣ родился, профессія и прочее, онъ четко и твердо выводилъ перомъ: Ермолай Шило, президентъ Ершовской республики. Это мало импонировало. Только одинъ хозяинъ съ почтеніемъ полюбовался его автографомъ.

Въ одной провинціальной газетѣ, впрочемъ, разъ отмѣтили, что «между нами въ данное время находится г. президентъ Ершовской республики, такой то» и помѣстили небольшое интервью съ нимъ.

Шило не жалѣлъ красокъ и разсказалъ интервьюеру исторію возникновенія республики, его единогласнаго избранія въ президенты и затѣмъ о нападеніи варваровъ. Драгоцѣнная жизнь его была спасена по счастливой случайности.

Все это прекрасно, но для чего Шилу понадобилась вся эта трагикомедія? Неужели только для того, чтобы назваться президентомъ Ершовской

республики? И это пріятно. Все таки человѣкъ съ положеніемъ. Но была у него и другая сокровенная, затаенная мысль. Для осуществленія ея онъ нашелъ компаньона, познакомившись съ нимъ въ ресторанѣ гостиницы, за обѣдомъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?—спросилъ у Шила его будущій компаньонъ.

— Президентъ Ершовской республики... Позвольте предложить вамъ, мою такъ сказать, оффиціальную визитную карточку.

— Благодарю... Теперь такъ много новыхъ республикъ, что я плохо освѣдомленъ о вашей республикѣ. Мнѣ казалось, что я гдѣ-то встрѣчалъ васъ ..

— По всей вѣроятности, вы изволили видѣть мой портретъ въ Иллюстраціяхъ. Гдѣ только не было этихъ портретовъ!

— Вѣроятно. О какомъ дѣлѣ вы намекали, г. президентъ?

— Дѣло безусловно доходное, золотое дѣло. У меня есть дѣло, у васъ средства. Давайте наживать. Безъ дѣла мы на чужбинѣ гибнемъ. Кому мы съ вами собственно нужны?

— Мнѣ предлагали дансингъ открыть, предлагали субсидировать ресторанъ съ цыганскимъ пѣньемъ, предлагали открыть зубоврачебную школу...

— Да, но это вздоръ. У меня дѣло большого государственнаго масштаба, имѣющее связь съ возглавляемой мной республикой.

— Прошу освѣтить.

— Потребуется не Богъ вѣсть какой капиталъ и не единовременно. Извѣстно ли вамъ, въ какой модѣ и спросѣ теперь почтовыя марки для коллекцій. Вы слышали, что недавно одну рѣдчайшую марку продали въ Парижѣ за 200 тысячъ франковъ.

— Товаръ ходкій, но гдѣ взять такихъ рѣдкихъ марокъ?

— А мы создадимъ рѣдчайшую почтовую марку. Предупреждаю васъ, что моя идея неприкосновенна, и похищеніе ея я буду строго преслѣдовать.

— Мы порядочные люди...

— Потому я такъ откровенно и говорю. Моя идея, вашъ капиталъ, выгоды пополамъ.

— О какой именно маркѣ вы намекаете?

— О маркѣ Ершовской республики съ моимъ портретомъ. Мы отпечатаемъ ее и пустимъ по высокой котировкѣ въ спеціальные магазины.

— Значитъ этой марки не существовало въ республикѣ?

— Не успѣли заготовить. Были проекты, работали художники, и вдругъ контръ-революція. Мы закажемъ граверу проекты, и дѣло въ шляпѣ. Извѣстно ли вамъ, сколько на поверхности земного шара собирателей марокъ? Если всѣ они купятъ только по одной, такъ мы съ вами уже обезпечены. А кто намъ мѣшаетъ, въ случаѣ успѣха, выпустить новыя марки, скажемъ, съ моимъ портретомъ въ профиль? Не забывайте, я вѣдь не самозванецъ, я президентъ республики. Я все учелъ, все взвѣсилъ, и поэтому прибылъ сюда. Рѣшайте немедленно, а то у меня капиталистовъ и безъ васъ довольно, но вы соотечественникъ, чего ради дѣлиться съ иностранцами. Рѣшайте, и я пойду къ парикмахеру постричься и завиться, а потомъ снимусь въ трехъ позахъ у лучшаго фотографа для воспроизведенія на почтовой маркѣ. Затѣмъ граверы выработаютъ эскизъ для моего утвержденія.

— Это мнѣ улыбается.

Они пожимали другъ другу руки.

— Вотъ что, вы дайте мнѣ прежде всего немного денегъ на фотографію, а то, понимаете, неудобно: президентъ республики и затягиваетъ уплату за работу.

— Охотно дамъ и зачту въ предварительные расходы.

добрый и, занимая деньги для себя, охотно дѣлится ими съ привыкшими ежедневно обѣдать. Минусы Скамейкина — лесть, подхалимство и расточительность по части комплиментовъ, посылаемыхъ всѣмъ безъ разбора, и прохвосту, и порядочному человѣку.

— Василій Петровичъ, — говоритъ Скамейкину Кипарисовъ, – а что же вы съ кофе круасанчикъ не скушаете, вотъ бріоши. Здѣсь они очень вкусны.

— Да, пожалуй... тогда уже предпочту бріоши.

— Прошу. Я нахожу, что здѣсь кофе очень вкусный. Можетъ быть, хотите сухариковъ?

— Ничего больше не хочу. Здравствуйте!

Скамейкинъ привѣтствовалъ застѣнчиво прогуливавшагося взадъ и впередъ предъ кафе сѣдого и худого господина лѣтъ пятидесятивосьми, небритаго въ шляпѣ когда то зеленой, а теперь очень потемнѣвшей. Фигура, напоминающая многихъ изъ насъ.

— Кого это вы привѣтствовали? Я его ежедневно вижу здѣсь. Всегда ищетъ кого-то глазами.

— Служилъ гдѣ-то въ Москвѣ, едва ли не въ судѣ... Валерій Никоновичъ Хроминъ. Очень скромный и милый человѣкъ, отлично на рояли играетъ, бѣдствуетъ.

Какъ и мы всѣ,—вздохнувши, жалостно простоналъ Кипарисовъ...—Еще мнѣ лучше... кое что удалось спасти. А большинству тяжело. Василій Петровичъ, позовите его къ намъ, познакомьте меня... предложите кофе...

Не прошло пяти минтъ, какъ Хроминъ сидѣлъ съ ними и пилъ шоколадъ, жадно уплетая круасаны. Онъ еще ничего не пилъ сегодня и ничего не ѣлъ.

— Валерій Никоновичъ,—ласково поглядывая на Хромина, произнесъ Кипарисовъ, — не откажите позавтракать съ нами? Вы, я и вотъ милѣйшій Василій Петровичъ.

— Съ удовольствіемъ... только я не одѣтъ; надо бы... Очень вамъ признателенъ, Петръ Петровичъ.—Хроминъ конфузился.

— Ничего не надо, такъ вотъ запросто и поѣдемъ... Вы любите омары?

— Все люблю, Петръ Петровичъ. Прежде одно любилъ больше другого, а теперь все одинаково люблю.

— Вотъ, видите ли, я хочу угостить васъ омаромъ, приготовленнымъ по особому способу однимъ изъ старѣйшихъ парижскихъ кулинаровъ.

— Очень вкусно... пальчики оближешь, — поддакнулъ Скамейкинъ,—но жестокое блюдо...

— Жестокое?—переспросилъ Хроминъ.

— Пустяки,—улыбнулся Кипарисовъ и продолжалъ снова объ омарѣ:—онъ называетъ жестокимъ способъ приготовленія. Да вѣдь всѣ способы приготовленія кушаній жестоки. Кромѣ, конечно, вегетаріанскихъ. Омара, изволите-ли видѣть, живого рѣжутъ на части и опускаютъ въ коньякъ, а затѣмъ кипятятъ. Онъ всасываетъ въ себя коньякъ, и получается поэзія, понимаете, что то волшебное. Да вотъ попробуйте...

— Мнѣ бы, Петръ Петровичъ, попроще что нибудь... кусочекъ телятинки или сосиски... знаете, безъ затѣй...

— Ужъ разрѣшите мнѣ вамъ составить меню!

— Вы такъ любезны... Ну, какіе мы гастрономы съ Василіемъ Петровичемъ, да еще въ нынѣшнее время.

— Тамъ бѣлое вино старое—удивительно! Только тамъ и есть, да и то хозяинъ лишь знатокамъ даетъ.

— Да, винцо рѣдкостное... — подтвердилъ Скамейкинъ.—Ну, да вѣдь и цѣна хорошая!

— Вы правы, недешевое вино, но вѣдь какая мягкость, какой ароматъ. Его въ погребѣ у хозяина

ресторана всего бутылокъ сто имѣется. Барашка вы любите?

— Петръ Петровичъ, вы меня конфузите... Повторяю вамъ!..—все люблю... Особенно картофель и антрекотъ.

— Значитъ, симпатіи кое къ чему все таки преобладаютъ?

— Кланяюсь и благодарю за вниманіе.

— Ну что же, господа, часъ такой, что можно и тронуться... Такси и въ дорогу. Мальчикъ... шассеръ! Такси!

Спустя минуту мальчикъ подсаживалъ Кипарисова и равнодушно оглянулъ Скамейкина и Хромина, какъ бы воздерживаясь сказать, что вся суть въ Петрѣ Петровичѣ, а вы мелочь.

Петръ Петровичъ сунулъ мальчику два франка. Скамейкинъ и Хроминъ переглянулись, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Балуете вы ихъ, Петръ Петровичъ.

Ровно въ 2 часа въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана подали искрошеннаго заживо омара. Хроминъ не выдержалъ и растроганно проговорилъ:

— Жаль мнѣ тебя, бѣдный омаръ!

— А вотъ, попробуйте, такъ жалѣть не будете!

— У-у-у! просто чудо!—вскрикнулъ Скамейкинъ. —Валерій Никоновичъ—лакомство! Соусъ умопомрачительный...

Отъ омаровъ ничего не осталось, все съѣли, а самъ Петръ Петровичъ облизывался отъ восторга.

Подавали бараньи котлетки, салаты разные, мороженное трехъ цвѣтовъ, фрукты, сыръ рокфоръ. А въ промежуткахъ пили. Двѣ бутылки шампанскаго сухого 1884 года выпили, ликеры пробовали, и всѣмъ стало легче.

Пока Кипарисовъ обсуждалъ съ погребщикомъ, чего бы еще выпить, Хроминъ шепнулъ Скамейкину.

— Душа на распашку! благороднѣйшій человѣкъ.

— Широкій! Баринъ! Баринъ стараго образца!

Принесли еще пузатенькую бутылочку съ какой то жидкостью, и Кипарисовъ, угощая, рекомендовалъ:

— 1873 годъ, самый лучшій годъ... пригубьте...

Хроминъ привсталъ, словно рѣчь приготовился говорить юбилейную. Его чуть покачивало.

— Петръ Петровичъ, я по русски... я не умѣю... я отъ души... чувство заговорило... разрѣшите быть примитивнымъ... обнять и поцѣловать.

Кипарисовъ не успѣлъ опротестовать это рѣшеніе, какъ раздался звукъ очень звонкаго поцѣлуя.

Петръ Петровичъ отнесся къ проявленію такой симпатіи холодно и не реагировалъ на него.

Подали счетъ,—550 франковъ, 60 франковъ получилъ на чай гарсонъ, да полсотни франковъ метръ д-отель, который живописно раскладывалъ кушанья на тарелки.

— Я васъ, господа, развезу... сначала Скамейкина забросимъ на Пигалль, а потомъ я васъ, Валерій Никоновичъ, завезу... Вы гдѣ живете?

— Моттъ Пике.

— Отлично. Я склоненъ всегда послѣ завтрака взять воздуха, какъ говорятъ французы.

Они завезли Скамейкина и ѣхали вдвоемъ. Хроминъ что-то мялся, хотѣлъ что-то выговорить, но языкъ не слушался его. Разѣвалъ ротъ, многозначительно мычалъ «нда» и закрывалъ его.

Наконецъ, онъ набрался смѣлости и выпалилъ.

— Дорогой мой, Петръ Петровичъ... радостный мой, растрогали вы меня сегодня, до слезъ я захваченъ! Гдѣ нынче такіе люди? Гдѣ диктатура сердца?

— А вотъ я съ васъ беру слово, — перебилъ Кипарисовъ, — на будущей недѣлѣ еще позавтра-

каемъ. Я васъ познакомлю съ настоящей вкусовой гармоніей.

— Не надо, къ чему? Это люксъ! Я проще, я, понимаете, люблю — 3 фр. 75 сантимовъ «ту компри» и вино въ той же суммѣ. Понимаете завтракъ «ту компри»? Люксъ это не существенно, а вотъ, вотъ, что существенно... мать престарѣлая... семьдесятъ шестой пошелъ... въ Тамбовѣ голодаетъ... обуви никакой, чулокъ нѣтъ, Петръ Петровичъ, душа болитъ. Послалъ ей три доллара... Даже слезы у меня... не могу...

— Трагедія.

— И какая! Петръ Петровичъ! одолжите двѣсти!

— Чего — двѣсти?

— Двѣсти франковъ! отдамъ! Крещусь — отдамъ. Двѣсти франковъ! Солнце вы мое, Богомъ посланное!

Кипарисовъ сдѣлалъ паузу.

— Не могу, Валерій Никоновичъ. По принципу не могу. Никому не даю.

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Было около двухъ часовъ ночи, когда Ярлыковъ возвратился въ крошечную парижскую гостиницу, гдѣ онъ недавно поселился.

Онъ часто мѣнялъ мѣста жительства по самымъ существеннымъ причинамъ. Въ одной гостиницѣ Ярлыковъ вынужденъ былъ оставить кое что изъ бѣлья и платья, въ другой – зимнее пальто. Безъ такой гарантіи уплаты по счетамъ выѣхать ему не удавалось. И хозяева, и управляющіе гостиницами самовольно брали залогъ, а жильца выкидывали. Это обычный въ такихъ случаяхъ пріемъ, никого не удивляющій и никого не возмущающій. Иди себѣ съ Богомъ, куда глаза глядятъ.

Ярлыковъ позвонилъ, не нажимая смѣло кнопки, чтобы не безпокоить портье. Онъ слышалъ дискантовый звукъ электрическаго звонка. Дверь щелкнула, и Ярлыкова обдало тепломъ, словно сирокко задулъ. На доскѣ гдѣ висѣли ключи, Ярлыковъ своего ключа не нашелъ.

— Эта дура Мари, — пробормоталъ онъ,—очевидно, убирала комнату и оставила ключъ въ замкѣ двери. Онъ полѣзъ въ пятый этажъ. Лифта не было. Вскорѣ онъ спустился обратно, проклиная горничную Мари. Пришлось нарушить покой портье, который по натурѣ былъ человѣкомъ сухимъ и не любилъ жильцовъ, забывавшихъ о немъ.

— Не знаете ли вы, гдѣ ключъ отъ моей комнаты № 57? Очень извините за тревогу.

— У хозяйки. Она спитъ.

— Но какъ же я попаду въ свою комнату?

— Вы по счету, поданному вамъ на прошлой недѣлѣ, не платили?

— Нѣтъ еще... я отдамъ.

— Ну, такъ вотъ, когда отдадите, тогда получите и ключъ. Если вы въ состояніи уплатить, такъ я разбужу хозяйку.

— Не получилъ сегодня.

— Тогда до свиданія. Очень жаль.

Ярлыковъ былъ удрученъ сюрпризомъ и подчинился. Онъ не могъ не подчиниться и протестовать. Такъ принято и, должно быть, это законно.

Онъ вышелъ на улицу, и ему казалось, что онъ очутился у сѣвернаго полюса. Обдавало ночнымъ холоднымъ вѣтромъ и приближающимся морозцемъ. У Ярлыкова нашлось 50 сантимовъ, припрятанныхъ на два круасана, замѣнявшихъ ему первый и второй завтракъ, а иногда и обѣдъ.

Ярлыковъ пошелъ гулять. Гулялъ по закоулкамъ, бульварамъ и спавшимъ авеню. Когда ноги отказывались, онъ садился на скамейку и дремалъ, похрапывая. Не разъ его будили, то прохожіе, то полицейскій.

Въ парижской жизни Ярлыкова наступали тяжелыя времена. Онъ гулялъ уже четыре дня, и силы ему измѣняли. Лицо его вытянулось, поблѣднѣло. Кое-кто изъ знакомыхъ помогалъ ему, въ томъ конечно случаѣ, если Ярлыковъ обращался къ нимъ. Просить о пріятельской услугѣ онъ вообще стѣснялся, по деликатности, свойственной его натурѣ. Сознаваться въ томъ, что онъ живетъ подъ открытымъ небомъ, было совѣстно, запрещалъ ложный стыдъ... Все ограничивалось перехватомъ пяти или трехъ франковъ, необходимыхъ

для питанія. Иногда можно было выпить кофе, иногда только хлѣба купить.

Ярлыковъ, говоря символически, ходилъ въ маскѣ. На лицо его была надѣта тяжелая маска: онъ старался казаться и сытымъ, и выспавшимся. Ярлыковъ улыбался, встрѣчая знакомыхъ, а знакомые ему вѣрили, а иные старались убѣдить себя, что вѣрятъ, для успокоенія совѣсти.

Нѣсколько дней гулялъ Ярлыковъ и боролся съ измѣнявшими ему силами, съ дождями, вѣтрами и холодомъ. Несмотря на свою выносливость, Ярлыковъ изнемогалъ, душа стонала, безсонница поневолѣ подтачивала его силы.

— Не понимаютъ и не хотятъ меня понять! — думалъ онъ, проходя въ восемь часовъ вечера по Итальянскому бульвару.

— Ярлыковъ, здравствуйте! — привѣтствовалъ его знакомый.

— Здравствуйте.

— Идете на докладъ Василенько? Онъ талантливый экономистъ... Пойдемъ. Входъ безплатный.

— А гдѣ?

— А вотъ и адресъ залы, гдѣ онъ читаетъ... на метро черезъ пять минутъ пріѣдемъ, и билетъ у меня на метро есть...

— Пожалуй, я не прочь...

Они поѣхали. Прибыли во время.

Зала была полна, электрическихъ лампъ въ ней было столько, что ослѣпляло, словно на солнце смотришь. Собралось много слушателей, много дѣловыхъ людей, представителей промышленности и пр. Ярлыковъ вошелъ, какъ и многіе, въ пальто. Онъ потерялъ въ толпѣ пріятеля и занялъ покойное и пріятное кресло въ глубинѣ зала.

Начался докладъ, по окончаніи котораго затянулись дебаты.

Ярлыковъ, какъ сѣлъ въ кресло, такъ и заснулъ. Иногда онъ слегка всхрапывалъ, но его дергалъ за пиджакъ сосѣдъ, и храпъ прекращался.

Спорили много, дебаты были бурные. Наконецъ, всѣ разошлись, моментально воцарился мракъ, и портье заперъ на ключъ главную дверь.

Объ Ярлыковѣ забыли, онъ спалъ, какъ убитый и проснулся часовъ въ пять ночи. Онъ не представлялъ себѣ, гдѣ очутился, и зажегъ спичку. Увидя дверь, Ярлыковъ хотѣлъ отворить ее, но понялъ, что это невозможно. Что дѣлать? Стучать! подумаютъ, воръ забрался, подымутъ тревогу. Онъ рѣшилъ поспать еще, придвинулъ къ своему креслу другое, чтобы протянуть ноги, снялъ съ себя пальто и покрылся имъ, потому что его знобило.

Портье слышалъ, какъ будто шумъ въ залѣ, и заподозрилъ неладное, но мертвая тишина, наступившая снова, успокоила его.

Портье и Ярлыковъ снова отлично заснули.

Утромъ портье пришелъ убирать залъ и, открывъ дверь, увидѣлъ спящаго человѣка.

— Кто ты такой? — спросилъ пораженный портье.

— Я вчера заснулъ во время доклада, а вы меня заперли здѣсь. Тревожить васъ я постѣснялся.

— Пойдемъ, въ такомъ случаѣ, ко мнѣ вы умоетесь и выпьете со мной и моей женой кофе. Извините за этотъ случайный арестъ, но вы сами виноваты.

— О, помилуйте... я давно такъ крѣпко не спалъ... только вотъ подъ голову нечего было подложить.

РАСТОЧИТЕЛЬ

Въ три часа, когда Брусникинъ, много лѣтъ живущій въ Парижѣ, читалъ послѣ завтрака газету, въ его квартирѣ, на улицѣ Жоржъ Зандъ, протяжно и нѣжно зазвонилъ электрическій звонокъ. Чувствовалось, что кто-то чуть-чуть надавилъ кнопку. Брусникинъ вздрогнулъ.

— Смерть не люблю этихъ застѣнчивыхъ звонковъ, да еще въ непоказанное время, — проговорилъ онъ, поглядывая на себя въ зеркало.—Пари держать готовъ, что опять какой-нибудь проситель... тѣмъ болѣе скоро праздники. Сколько ихъ шляется! Надоѣли!

Звонокъ, послѣ длинной паузы, простоналъ снова. Брусникинъ былъ дома одинъ, своего стараго слугу Анри онъ куда то послалъ. Онъ самъ пошелъ отворять дверь. Отворилъ и увидѣлъ передъ собой небольшую фигуру молодого человѣка въ лѣтнемъ сѣромъ пальто, безнадежно полинявшемъ.

Сушкинъ! — робко рекомендовался незнакомецъ. — Павелъ Дмитріевичъ Брусникинъ?

— Я Брусникинъ. А вы, собственно, что же? Что вамъ угодно?

— По дѣлу, Павелъ Дмитріевичъ.

— По какому дѣлу? Я никакими дѣлами не занимаюсь... да и вообще я не Ротшильдъ... и состоянія моего не хватитъ на жизнь, если я всѣмъ буду раздавать.

— Заимообразно... у меня есть виноградники въ Крыму.

— Бюджетъ и безъ того поколебленъ... по сравненію съ предположенной смѣтой, по которой я живу.

— Разрѣшите объяснить...

— Да мнѣ эти детали совершенно не интересны. Ко мнѣ по десять человѣкъ въ день приходятъ... у меня времени нѣтъ наконецъ.

— Всего нѣсколько минутъ, Павелъ Дмитріевичъ.

Брусникинъ показалъ Сушкину жестомъ, чтобы тотъ вошелъ.

— Не трудитесь снимать пальто, войдите такъ.

Онъ провелъ Сушкина въ пышную пріемную, гдѣ была настоящая выставка старинныхъ вещей, исключительно цѣнныхъ и рѣдкихъ.

— Все «ампирчикъ», — сказалъ Брусникинъ на ходу.

Сушкинъ сѣлъ въ кресло и почувствовалъ, что тонетъ. Тонетъ, какъ блинъ въ сметанѣ.

— Павелъ Дмитріевичъ, я столько слышалъ о вашей сердечности...

— Вотъ видите, молодой человѣкъ, вы слышали о моей сердечности и не жалѣете меня. Выходитъ, что гораздо спокойнѣй жить эгоисту. Вы курите?

— Курю-съ!

— Я не предлагаю вамъ папироску, потому что я сегодня покашливаю и дымъ раздражаетъ мое горло.

— Я, Павелъ Дмитріевичъ, живу подъ Парижемъ..

— Не продолжайте, не продолжайте, я знаю, что вы мнѣ скажете. Вы скажете, что живете здѣсь давно, занимаете комнату у подлой хозяйки, которая требуетъ за комнату деньги. Денегъ нѣтъ и она задержала ваше послѣднее имущество — бѣлье, калоши... не знаю что еще! Вѣдь это, милѣйшій, все, какъ по расписанію... Варіаціи на знакомые мотивы.

— Мнѣ бы франковъ 50 и я бы вывернулся.

— Пятьдесятъ! Къ сожалѣнію, это, даже при желаніи моемъ, неисполнимо, у меня наличность очень ограниченная... при себѣ почти не имѣю денегъ. И не скрою отъ васъ, умышленно не имѣю при себѣ. Я часто задавалъ себѣ вопросъ, почему я такой сердечный человѣкъ! Вѣдь я способенъ все отдать. Пять-десять франковъ — это вовсе не такіе пустяки, какъ вы думаете. Но... но я пойду вамъ навстрѣчу... у меня есть десять франковъ и пять изъ нихъ вы получите. Вѣрьте мнѣ, что и пять франковъ деньги! Однако, я ставлю условіе: скажите мнѣ, молодой человѣкъ, почему вы обратились именно ко мнѣ?

— Павелъ Дмитріевичъ, ваша репутація, ваше человѣколюбіе...

— Да неужто въ цѣломъ, огромномъ Парижѣ, только я одинъ добръ! Дорого мнѣ обходится эта репутація. Никто не знаетъ, сколько мнѣ стоятъ эти просители! Кормилъ ихъ.. А я вѣдь себѣ во всемъ отказываю. Хотѣлъ купить старинное, удивительное трюмо маркизы Помпадуръ и, вѣрите-ли, не посмѣлъ! Отказалъ самому себѣ... Отчего вы къ другимъ не обращаетесь?

— Да, къ кому же, Павелъ Дмитріевичъ?

Брусникину только и нуженъ былъ этотъ вопросъ, чтобы отвѣтить на него. Онъ оживился и у него забѣгали глазки. Въ нихъ блеснулъ пламень радости.

— Вы меня, господинъ Сушкинъ, не выдавайте, но я скажу къ кому обратиться. Знаете вы Пузыревича? У него огромное состояніе, да у жены такое же, да недавно онъ хапнулъ гдѣ-то два милліона. У него свой домъ, да актриса обвѣшанная жемчугами. Идите къ нему сегодня же, что вамъ стѣсняться.

— Позвольте, Павелъ Дмитріевичъ, искренне благодарить васъ.

— Имѣйте въ виду, что онъ обожаетъ лесть. Вы не жалѣйте комплиментовъ. Восторгайтесь его картинами. Картины ужасныя! Стыдъ и срамъ. Просите у него не меньше ста франковъ. Не унижайте себя. Если на лицѣ его... ахъ какое гнусное лицо!.. если на лицѣ его увидите улыбку — просите двѣсти франковъ. Онъ жаденъ, но вы лестью успѣшно вытянете съ него.

— Вы безгранично трогаете меня, Павелъ Дмитріевичъ, вашимъ участіемъ къ моему горю и я не знаю, какъ благодарить.

— Я бы самъ готовъ и вамъ и всѣмъ помочь серьезно, но вѣдь я не хапаю по два милліона. А сколько я роздалъ. Я прямо возмущенъ своей добротой! Я, дѣйствительно, добрѣе всѣхъ! Я расточитель.

— Объ этомъ всѣ въ Парижѣ говорятъ.

— Позвольте, вотъ еще... Есть тутъ нѣкто Ониксъ... Я вамъ тоже напишу его адресъ. Не то турокъ, не то грекъ... Вѣдь онъ легко проигрываетъ на биржѣ сотни тысячъ. Вы къ нему паровите послѣ завтрака, когда онъ налопается краснаго вина и нажрется. У него коллекція фарфора, уступающая по цѣнности моей, но обширная. Вы ему захватите какую-нибудь русскую разбитую чашку или скажите, что она у васъ дома, что чашка завода Попова. И просите франковъ двѣсти! Скажите что онъ удивительно одѣвается. Онъ это очень любитъ.

— Облагодѣтельствовали вы меня, Павелъ Дмитріевичъ.

Брусникинъ ликовалъ, что науськалъ Сушкина на другихъ богатыхъ людей и тѣмъ самымъ застраховалъ себя отъ непріятныхъ визитовъ. Сушкинъ скажетъ Петросенко, Петросенко—Парасевичу, Парасевичъ—Игольникову... Такъ и пойдетъ.

— Пожалуйте, вотъ они ваши пять франковъ; а вотъ и адреса, запишите ихъ. Отъ всего сердца

желаю вамъ успѣха. Позвольте! главнаго-то—позабылъ! Директоръ... не знаю чего онъ директоръ! Общества какого-то... дѣлецъ! Съ Лондономъ что-то имѣетъ... личность не кристаллическая, ну да вѣдь для васъ безразлично. Наровите попасть къ нему до завтрака: онъ тучный и любитъ отдохнуть послѣ ѣды и питья. Онъ большая каналья. Скажите ему, что онъ собой очень хорошъ. Словомъ, говорите въ этомъ направленіи и просите—триста! Онъ можетъ уменьшить въ десять разъ, такъ необходимо запрашивать больше. Это бестія... какъ его?.. да... Щука. Я помнилъ, что рыбная фамилія.

— Павелъ Дмитріевичъ!

— Что, дорогой мой.

— Я Щуку знаю-съ!

— Знаете? И были у него? Надѣюсь взяли?

— Взялъ-съ!

— Молодчина!

— Это, Павелъ Дмитріевичъ, онъ меня и направилъ къ вамъ.

НА СОЛНЫШКѢ

Поѣздъ на Ривьеру отходилъ съ Ліонскаго вокзала въ Парижѣ въ 3 ч. 50 мин. дня.

Я уѣзжалъ въ Ниццу и пріѣхалъ на вокзалъ, по свойственной мнѣ привычкѣ, за полчаса ранѣе, думая, что буду первымъ изъ торопившихся. Не тутъ то было! На вокзалѣ я засталъ уже, страшно суетившимся, Жихаревича. Я съ нимъ встрѣчался, но близко его не зналъ. Мы поздоровались.

— Куда? — спросилъ я. — На солнышко? Въ Ниццу?

— Нѣтъ, по дѣлу, въ Монте-Карло.

Въ Монте-Карло и по дѣлу, — подумалъ я, — что за дѣла въ княжествѣ Монакскомъ!

Жихаревича многіе знали за человѣка, у котораго всегда были дѣла, кончавшіяся, если не катастрофой, то мыльнымъ пузыремъ. Одно время онъ занимался «мулеводствомъ», придумавъ такую разводку мулей, что на франкъ надѣялся отпускать ихъ цѣлый возъ и наживать на каждомъ возѣ 40 сантимовъ. Предпріятіе угасло.

— Вотъ жду четырехъ пріятелей,—продолжалъ Жихаревичъ,—назначилъ имъ часъ и мѣсто, и опаздываютъ. Какъ трудно положиться на нынѣшнихъ людей! Распоясались, недисциплинированы. Можетъ быть, вы ихъ знаете и видѣли здѣсь? Кувшинниковъ, Шарикъ, Шиленко и Гете... не родственникъ поэту, чистѣйшій москвичъ.

— Нѣтъ, не знаю. Вмѣстѣ ѣдете?

— Да, т. е. везу ихъ, далъ имъ работу, въ качествѣ представителя нашей компаніи.

— Отъ какого-нибудь треста работаете?

— Нѣтъ. Я противникъ трестовъ вообще. Въ Монте-Карло у меня примѣненіе изобрѣтенной мною системы игры въ рулетку.

— Вѣрите въ системы?

— Какъ видите, не я одинъ, а цѣлая группа людей, доставившая незначительный, правда, основной капиталъ... Моя теорія очень сложная и запутанная. Достаточно вамъ сказать, что я и 4 мои секретаря, которыхъ поджидаю, работали полгода, по десять часовъ ежедневно. Да вотъ, напримѣръ, посколько кропотлива эта работа! Мы высчитали, сколько въ теченіе полугода на всѣхъ столахъ рулетки вышло зеро. Я везу пятнадцать пудовъ только литературы по вопросамъ рулетки. Ахъ, вотъ они, наконецъ.

Къ нему приближались секретари.

— Вы не знакомы?—спросилъ меня Жихаревичъ.—Позвольте представить! Шарикъ, Гете, Кувшинниковъ, Шиленко.

Мы пожали другъ другу руки.

— Сегодня работали?—спросилъ Жихаревичъ секретарей.

— И съ хорошимъ результатомъ, Георгій Петтровичъ. Васъ интересовало, сколько въ 1920 году на одномъ столѣ рулетки вышелъ № 5-й. 523 раза.

— Я такъ и думалъ, что не менѣе 500 разъ. Это весьма цѣнное статистическое указаніе.

Онъ задумался и про себя произнесъ:

— Помножить на три, раздѣлить на семь... вычесть... неоспоримое подтвержденіе. Однако, пора садиться въ вагонъ. Паровозъ пыхтитъ и торопится.

Поѣздъ былъ переполненъ пассажирами разныхъ національностей, кончая негромъ, на черномъ

пальцѣ котораго блестѣлъ, какъ электрическій фонарь въ темной улицѣ, крупный брилліантъ.

Вечеромъ объявили первую очередь обѣдающихъ и въ вагонъ-ресторанъ поползли изъ своихъ отдѣленій проголодавшіеся.

Качало, какъ въ бурю на пороходѣ. Мало по малу всѣ размѣстились. Среди сосѣдей были мои соотечественники, а за ближайшимъ къ намъ столомъ расположился Жихаревичъ съ своей канцеляріей.

Мои сосѣди—оба пожилые съ посеребренными головами, заговорили на ту же тему, что и Жихаревичъ. Говорили они громко, чего не любятъ за границей. Дама съ золотымъ обручемъ на лбу, обѣдавшая недалеко отъ насъ, была поражена громкимъ разговоромъ и вытаращила глаза, а потомъ, какъ будто съ досады, принялась смотрѣть въ зеркало и пудрить длинный горбатый носъ.

— Вы въ Монте-Карло?—интересовался узнать сосѣдъ у сосѣда.

— 15 лѣтъ подъ рядъ ѣздилъ туда до войны и вотъ въ третій разъ пріѣзжаю послѣ Версальскаго договора.

— Счастливо выступали?

— Своя система. Играю только на три номера —единица, зеро и пять.

— Почему же только на три?

Своя математика-съ.

— Не вѣрю ни въ какія системы.

— Это дѣло ваше, а я вѣрю. Своихъ еще гроша не заплатилъ, много обже д-аръ пріобрѣлъ за счетъ рулетки. Женѣ шубу сшилъ... а вы знаете, какія цѣны на хорошіе мѣха послѣ революціи?

— Вы на дюжины не играете?

— Это для ребятишекъ. Два мѣсяца я игралъ какъ то на шесть послѣднихъ номеровъ рулетки и только послѣ четырехъ часовъ наблюденій, когда шаръ достигалъ извѣстной рѣзвости.

— Вѣдь это не лошадь.

— Не лошадь, а приглядитесь. Сначала шаръ, какъ будто сонный, вращается вяло, а потомъ даже скачетъ. Видите, вотъ этотъ чемоданъ свиной кожи... вотъ надъ моей головой лежитъ. Это сувениръ игры на шесть послѣднихъ номеровъ. Хотите видѣть, какъ я играю въ рулетку, приходите завтра... я выступаю въ 4 часа 30 минутъ, въ саль приве — въ отдѣлной залѣ... въ залѣ для тѣхъ, «которые почище»...

— Я теперь не хожу въ игорные салоны. Я на солнышко ѣду погрѣться.

— Да и я на солнышко. Утромъ солнышко, а потомъ работа. Работать надо.—Бритый господинъ съ шарфомъ на горлѣ, пріютившійся въ уголку, не сказалъ ни слова за весь обѣдъ, а только глоталъ зеленоватыя конфетки. Онъ оказался извѣстнымъ пѣвцомъ оперы, приглашеннымъ въ Монте-Карло. Когда его спрашивалъ о чемъ нибудь метръ-д-отель, онъ шепталъ и опять глоталъ зеленоватую конфетку.

Жихаревичъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, подсмѣивался надъ моими сосѣдями, надъ чемоданомъ свиной кожи и надъ глупыми и наивными системами.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, для него чемоданъ свиной кожи или шуба? Онъ мѣтилъ на домъ, на имѣніе, на виллу или на нѣсколько сотъ тысячъ франковъ.

— Завтра я не выступлю — убѣдительно замѣтилъ чинамъ канцеляріи Жихаревичъ.—Надо, такъ сказать, освоиться, приглядѣться, постичь психологію игры. Сколько по моимъ и вашимъ выкладкамъ я долженъ ежедневно имѣть выигрыша для акціонерной группы?

— Двѣ тысячи сто франковъ.

Да, потому что я бралъ минимумъ... будутъ дни и болѣе счастливые... А это ужъ такъ сказать, ассюрированный выигрышъ... навѣрняка! Шестьде-

сять три тысячи въ мѣсяцъ. 756 тысячъ франковъ въ годъ. Это не котъ наплакалъ.

— Это, Георгій Петровичъ,—произнесъ улыбаясь, Гете — не чемоданъ свиной кожи.

— И не дамская шуба,—хохоталъ Жихаревичъ.

А мои сосѣди продолжали свой діалогъ.

— Въ нынѣшній пріѣздъ я рѣшилъ пріодѣться за счетъ Монте-Карло... обновить гардеробъ... смокингъ закажу, два пальто... здѣсь сукна англійскія, потомъ халатикъ тепленькій хочу и два-три легкихъ костюма... Начнутся жары...

Дама, пудрившая поминутно носъ, подсѣла къ пѣвцу. Она обращалась къ нему съ пустыми вопросами, причемъ ея французскій языкъ отличался англійскимъ акцентомъ. Пѣвецъ говорилъ такъ тихо, что его случайная собесѣдница не разбиралась въ отвѣтахъ и дѣлала видъ, что во всемъ согласна съ нимъ.

— Ну-съ, друзья мои, за работу.

Жихаревичъ всталъ и канцелярія тоже поднялась. Они пошли въ его купэ, гдѣ разложили нѣсколько фунтовъ какихъ-то таблицъ и просматривали ихъ. Гете и Шарикъ, проходя изъ ресторана послѣдними, перекинулись двумя-тремя фразами.

— А вѣдь вотъ подите, находятся дураки, которые даютъ деньги Жихаревичу.

— И отлично, что находятся. Благодаря этому мы получили работу, да въ благословенные края попали.

— То-то будетъ чудо, если онъ милліонъ хватитъ.

— Я его системы не понимаю. Вчера онъ всю ночь работалъ на счетахъ. До того заработался, что спросилъ меня... это было подъ утро: пятью-пять, Гете, 25 или 20?..

* * *

Лазоревый край. Цвѣты, не знающіе равныхъ себѣ по красотѣ, пальмы, кактусы, мандарины, шум-

ливыя, но нѣжныя, какъ ласки «любимой женщины», голубоватыя волны... «Дансинги», обѣды подъ музыку, «файфъ о клокъ ти» тоже съ музыкой... драгоцѣннѣйшіе каменья въ витринахъ ювелировъ... жемчуга съ грецкій орѣхъ. Красота во всѣхъ формахъ, и одушевленная, и неодушевленная... И натура, и искусство...

Все къ услугамъ того, кто превратится въ баловня сумасшедшаго счастья или... легко сказать, изобрѣтетъ систему для побѣды надъ машиной игры.

Около знаменитаго казино въ Монте-Карло, на верхней площадкѣ, откуда раскрывается сіяющая, безпредѣльная панорама моря — пестрая толпа.

Кувшинниковъ и Гете тутъ же. И тотъ и другой угрюмы.

— Какъ же это могло случиться. Вѣдь онъ рѣшилъ первый день присматриваться и отнюдъ не играть.

— Рѣшилъ. Мало вы знаете Жихаревича.

— Неужели все бухнулъ? Весь капиталъ своихъ пайщиковъ?

— Нѣсколько сотъ франковъ осталось...

— А какъ же мы то всѣ?

— Не знаю. Онъ сегодня восемь телеграммъ послалъ, я съ нимъ былъ на почтѣ.

— Что же онъ писалъ въ телеграммахъ?

— Циркулярно... одну и ту же телеграмму отправилъ по восьми адресамъ.

— Да содержаніе-то телеграммы вамъ не удалось прочесть?

— Начало видѣлъ: «анвуайе телеграфикманъ»... ну и все въ этомъ родѣ... «иммедіатманъ» и еще что-то.

— Что же онъ самъ-то о несчастномъ случаѣ говоритъ?

— Говоритъ, что это была провѣрка, что именно теперь нуженъ капиталъ, дабы примѣнить систему безъ промаха.

— Ну, конечно, такъ ему и вышлютъ еще... Онъ вотъ подтрунивалъ надъ тѣмъ господиномъ, который на три номера играетъ, а самъ...

— Это который въ вагонѣ разсказывалъ. Который чемоданъ настоящей свиной кожи купилъ на выигранныя деньги? Полчаса тому назадъ видѣлъ его и именно съ этимъ чемоданомъ. Несъ продавать его... мнѣ предлагалъ.

— Готовъ, значитъ?

— Спрашивалъ, гдѣ здѣсь «монтъ де піете», что значитъ касса ссудъ.

Вдали показались фигуры трехъ мужчинъ. Впереди былъ Георгій Петровичъ, а за нимъ Шиленко и Шарикъ. Чѣмъ болѣе эти фигуры приближались, тѣмъ яснѣе было видно, что Жихаревичъ энергично жестикулировалъ, оборачиваясь часто къ своимъ спутникамъ.

Наконецъ, всѣ трое подошли къ Гете и Кувшинникову и соединились.

— Убійственное невезеніе. Трагедія,—громко и съ отчаяніемъ произнесъ Жихаревичъ, не обращая вниманія на публику, гулявшую и сидѣвшую здѣсь.

— Понимаете вы, господа, — продолжалъ онъ, —какая это трагедія. Великая трагедія.

— Вы про вчерашнюю неудачу говорите, Георгій Петровичъ?—мягко и нѣжно спросилъ его Гете.

— Про вчерашнюю... Что такое вчерашняя трагедія по сравненію съ нынѣшней?

— Стало быть, вторая трагедія, Георгій Петровичъ?

— Я проигралъ сегодня 950 тысячъ франковъ въ теченіе трехъ часовъ.

— Съ вами была такая сумма денегъ?

Жихаревичъ опустился на зеленый стулъ.

— Въ томъ-то и ужасъ, что у меня ничего не было. Вся игра въ рулетку сложилась такъ, что это было полное и исключительное торжество моей системы. Имѣй я 50 тысячъ, я бы пришелъ сюда съ милліономъ. Проиграть такую сумму, не использовать неповторяющагося въ жизни счастья, это ли не трагедія?

— Здравствуйте, Георгій Петровичъ,—привѣтствовала его полная дама съ обнаженными чуть чуть больше, чѣмъ полагается, ногами. Она напоминала аиста.

— Мое почтеніе-съ. Я проигралъ сегодня около милліона.

— Бѣдный, зачѣмъ вы играете?

— Можете понять мою психологію переживаемаго момента.

— Я понимаю, понимаю, какъ это непріятно. Вы знаете,—остановила она знакомую даму постарше ея—мой знакомый—Жихаревичъ... вотъ который сидитъ на зеленомъ стулѣ и ухватился за голову, проигралъ сейчасъ въ рулетку полтора милліона франковъ.

— Смотрите, какъ бы еще не застрѣлился... отъ такихъ подальше, избѣгайте.

— Господа, — обратился Жихаревичъ къ представителямъ своей канцеляріи,—пойдемте чай пить. У васъ найдется пятнадцать франковъ. Я вамъ отдамъ.

Всѣ переглянулись между собой и промолчали. Очевидно, что пятнадцати франковъ не нашлось. Жихаревичъ не смутился.

— Тогда пойдемъ, погуляемъ по главной улицѣ Монте-Карло... да кстати я зайду въ гостиницу и скажу: какъ только принесутъ деньги по телеграфному переводу, чтобы мальчикъ разыскалъ меня.

— Георгій Петровичъ, съ вами несчастіе... — почти шопотомъ и участливо, съ соболѣзнованіемъ

привѣтствовалъ Жихаревича бритый старикъ съ толстой сигарой въ зубахъ.

— Да, счастіемъ этого никакъ не назовешь.

— Неужели, около двухъ милліоновъ?

— Это бы еще полбѣды... а то предчувствую, что вечеромъ повторится то же самое...

— Что вы, что вы... сдѣлайте перерывъ.

— Легко сказать.

Черезъ шесть дней Жихаревичъ, гуляя вечеромъ по Монте-Карло, спустился на вокзалъ желѣзной дороги, купилъ билетъ и, оглядываясь, чтобы никто не замѣтилъ, прыгнулъ въ вагонъ третьяго класса.

Всего онъ проигралъ милліоновъ двадцать пять, да еще 30 тысячъ франковъ, которые привезъ съ собой, какъ основной капиталъ акціонерной компаніи. Онъ въ Парижѣ, а канцелярія его такъ и завязла на Ривьерѣ и даже не бомбардируетъ его письмами, потому что и почтовыя марки надо экономить.

ИНСПИРАЦІЯ

Вулкановъ, мрачный, коренастый мужчина съ весьма строгой физіономіей и длинными сѣдыми усами, бродилъ утромъ по улицамъ Ниццы и казался очень озабоченнымъ. Суровость Вулканова не мѣшала ему быть милымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ.

— Ѣдете? — спросилъ онъ знакомаго соотечественника, шедшаго ему навстрѣчу.

— Куда?

— Ну, куда! Конечно, туда, въ крутилку!

Такъ онъ называлъ рулетку въ Монте-Карло.

— Нѣтъ, не ѣду.

— Неужели вамъ не наскучило гулять по берегу моря? Вы Бѣлобрысенко не видали?

— Онъ совсѣмъ проигрался и все заложилъ.

— Это пустяки. Я принялъ бы его въ долю безъ денегъ... У него инспирація удивительная!

— Какъ вы говорите?

— Инспирація хороша — вдохновеніе есть... Отгадываетъ нумера, которые должны выйти въ рулеткѣ... Знаете, это въ своемъ родѣ этакій внутренній огонекъ!

— Какъ ваши-то дѣла, Смарагдъ Павловичъ?

— Жаловаться не могу... Вчера проигрался, но не жалѣю: игралъ правильно... Самому на себя пріятно было смотрѣть — вотъ какъ игралъ!

— На которомъ столѣ вы играли?

— Вообразите, вчера совершилъ небывалый подвигъ!.. На трехъ рулеткахъ игралъ одновременно. Вѣдь это только я могу постичь, потому что, такъ сказать, выросъ на рулеткѣ, изучилъ ее и каждый крупье меня знаетъ...

— По системѣ играли?

По голосовому методу, изобрѣтенному мною самимъ... Напримѣръ, выкликаю нумера – три, тринадцать, двадцать три, тридцать три... То-есть всѣ нумера, оканчивающіеся на «три»... Я называю такіе нумера «финальками» и анонсирую игру такъ... «три и финальки!»

— Какихъ-какихъ ни примѣняли системъ въ Монте-Карло, и всѣ проигрывали!..

— Даю вамъ честное слово, что выиграю... Невозможно проиграть, если умѣете играть... Съ кѣмъ это вы поклонились сейчасъ?

— Это полковникъ Булыжниковъ, лечится отъ астмы.

— Я его не видѣлъ въ рулеткѣ.

— Онъ не ѣздитъ.

— Вы меня познакомьте съ нимъ при случаѣ... У этихъ людей, которые не ѣздятъ въ Монте-Карло, инспирація замѣчательная. Мнѣ нужно только чтобъ онъ, войдя въ залъ, назвалъ нѣсколько нумеровъ...

— А вы долго еще останетесь въ Ниццѣ?

— Видите ли, — онъ отвелъ знакомаго въ сторонку, — тутъ дѣло вотъ въ чемъ... я заложилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, домъ въ Кредитномъ обществѣ, такъ хочу въ нынѣшнемъ году его очистить.. то-есть, погасить оставшійся долгъ въ 23 тысячи рублей.

— Какое же это имѣетъ отношеніе къ вашему пребыванію на Ривьерѣ?

— Я пріѣхалъ сюда нарочно выиграть эти 23 тысячи... Выиграю и сейчасъ же восвояси... Развѣ еще прибавлю тысченки три на подарки

роднѣ... Но это въ предварительную смѣту не вошло.

— А если проиграете?

— Не могу, даю вамъ честное слово, не могу... Сегодня банкъ сорву, право, сорву... Мнѣ сегодня всю ночь снилась таблица рулетки... Одиннадцать разъ подъ рядъ «зеро» вышло...

Когда?

— Во снѣ, разумѣется, во снѣ, но вѣдь одиннадцать разъ «зеро» выходитъ! Это имѣетъ свое значеніе... Знаете, дорогой, здѣсь во всей Ниццѣ никто такъ рулетку не знаетъ, какъ я... Разбудите меня ночью и спросите: какіе нумера окружаютъ въ рулеткѣ, скажемъ, напримѣръ, нумеръ 3? Ну, проэкзаменуйте...

— Извольте... нумеръ 5 какими нумерами обставленъ справа и слѣва...

— Направо отъ него 10, 23, 8, 30! Налѣво 24, 16, 33 и 1. Вотъ вамъ карманная табличка рулетки — провѣрьте.

Вулкановъ произносилъ нумера безостановочно и безошибочно.

Они пожали другъ другу руки и разошлись. Смарагдъ Павловичъ сдѣлалъ пять шаговъ и сѣлъ на скамейку около худенькой, бѣдно одѣтой, смуглой брюнетки. Чтобъ защитить глаза отъ палящаго солнца, онъ накинулъ на носъ пенснэ съ дымчатыми стеклами, купленное тутъ же у мальчишки за пять-десять сантимовъ. И дама, и Вулкановъ улыбнулись... Первая усмотрѣла въ этой улыбкѣ поводъ къ романическому знакомству, но сосѣдъ ея былъ далекъ отъ такихъ мыслей и думалъ только объ игрѣ.

— Кель бо танъ! — сказалъ онъ громко и вынулъ платокъ, чтобы обтереть лобъ.

— Въ Неаполѣ еще теплѣе, — отвѣчала сосѣдка тоже по-французски, но съ акцентомъ, обличавшимъ итальянку.

— Не ошибусь, если скажу, что вы прелестная итальянка. У васъ совсѣмъ южный типъ.

— Мы пріѣхали съ мамой, я танцую въ кордебалетѣ Казино.

— То то я смотрю, что ваше лицо мнѣ знакомо... Вѣдь, я думаю, не широко оплачивается вашъ тяжелый трудъ?

— Я получаю сто франковъ въ мѣсяцъ, ангажементъ по 1-е апрѣля, а потомъ приглашена въ Геную...

— А въ Монте-Карло вы не танцовали?

— Нѣтъ.

— И никогда тамъ не были?

Она утвердила, кивнула головой.

— Хотите посмотрѣть игорный домъ?

— Да отчего же... Только дорога стоитъ не дешево, а мы еще жалованья не получали. Авансъ прожили съ мамой...

— Потрудитесь пожаловать завтра въ 11 час. 15 м. утра на вокзалъ, я васъ приглашаю, угощаю завтракомъ и, кромѣ того, подарю вамъ золотой! Я на ваше счастье буду играть... У васъ, должно быть, необыкновенная инспирація.

— Мы репетируемъ завтра въ три часа менуэтъ изъ «Манонъ».

— Къ репетиціи вы будете дома, я вамъ гарантирую... Не опоздайте къ 11 ч. 15 м. утра.

Она протянула ему руку и ушла. Мѣсто итальянки быстро занялъ сѣденькій, добродушный старичокъ съ козлиной бородкой и съ массой бриллiантовыхъ и изумрудныхъ колецъ на пальцахъ. Этотъ старичекъ пріѣзжаетъ въ Ниццу изъ Москвы ежегодно и проводитъ здѣсь мѣсяца по три.

— Кажется, я васъ видѣлъ въ Монте-Карло? Вы играете въ первой залѣ, на лѣвомъ столѣ... обратился къ старику Вулкановъ.

— Я только наблюдаю, но игры пока не начиналъ... — отвѣчалъ старикъ. — Я начну ее дней

черезъ десять... Я играю мою систему... Одиннадцать лѣтъ ѣзжу...

— Мнѣ помнится, что вы систематикъ, но я врагъ системъ.

— Напрасно!.. Моя система очень сложная и я совершенствую ее... Два мѣсяца каждый годъ приходится только записывать нумера, которые выбиваютъ намѣченные мной крупье... Я избралъ себѣ четырехъ крупье, на которыхъ буду играть...

— Да вѣдь это, батюшка, устанешь записывать!..

— А еще бы... Наконецъ ежегодная умственная работа утомляетъ.

— Какая умственная работа?

— Я встаю въ семь утра и до завтрака занимаюсь цифровыми работами, дѣлаю всевозможныя исчисленія... Затѣмъ группировка! Очень, очень сложная система... Всѣ удары я раздѣляю на правые и лѣвые. Правые – т. е. тѣ, которые каждый крупье выбиваетъ правой рукой, лѣвые — лѣвой... Я играю только на удары лѣвой руки... И при этомъ опять-таки, замѣтьте, исключительно на удары вечерніе, когда крупье утомленъ, когда рука его дѣйствуетъ машинально... А днемъ онъ вамъ, пока руку не набилъ, выкинетъ что угодно!

— Покажите мнѣ вашу систему, можетъ быть, я войду въ компанію...

— Мою систему? Нѣтъ... Она умретъ со мной... Никому не покажу... База вамъ извѣстна, а планировку, группировку и комбинаціи — не скажу! Да и опять мудрено, тутъ самъ чортъ ногу сломитъ!

— Мало того, напримѣръ, пришлось потратить пять дней на просмотръ всѣхъ нумеровъ, вышѐдшихъ въ рулетку за прошлый годъ.

— И выигрываете?

— Своихъ, слава Богу, ни за что еще здѣсь не платилъ, ассигновалъ проиграть 25 тысячъ, а все рулетка платитъ!

— Въ результатѣ вы по вашей системѣ играете на нумера, а не на простые шансы?

— Конечно, на нумера. А на какіе нумера — вотъ это вопросъ!

— И я играю тоже на нумера, но не по системѣ... а по инспираціи.

— Не признаю инспираціи, и никогда ее не признавалъ!

— А играли на нее?

— Никогда!

— Милѣйшій, вамъ не составитъ убытка и труда, поѣдемъ сегодня вмѣстѣ. Назовите мнѣ нумерка три при входѣ въ залъ... Можетъ быть, проявите инспирацію...

— Извольте, вѣдь я ѣхать обязанъ и безъ того... Довѣриться нынче людямъ нельзя... Нанялъ я двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ, по сто франковъ каждой въ мѣсяцъ положилъ и приказалъ записывать съ 6 до 11 вечера нумера, которые выбьютъ мои крупье... Что вы думаете? Обманули! Слушали музыку, а потомъ взяли да написали нумера какіе вздумалось. Хорошо, что я контролирую! Прогналъ обѣихъ и обращался съ просьбой къ знакомому систематику за нумерами... Одолжилъ, но вы знаете, какъ нашъ братъ систематикъ не любитъ этого... Сто франковъ ему заплатилъ...

— Удивляюсь, сударь мой, вашему характеру, то-есть тому, что вы можете присутствовать въ залѣ, наблюдать и не играть!

— Иногда я позволяю себѣ золотой на дюжину поставить... Вотъ недавно двѣ кокотки Сюзанъ и Жерменъ просили обѣдомъ ихъ накормить... Обѣщалъ, если выиграю, и выигралъ, на одинъ золотой четыре... Ну и угостилъ... Приставали въ долгъ дать — отказалъ!

— А до какой степени иногда сосредоточиваешься на игрѣ!.. Съ вами это, вѣроятно, случалось?.. Пятнадцать лѣтъ ѣзжу изъ Ниццы въ

Монте-Карло... Вчера въ Ниццѣ сѣлъ не въ тотъ поѣздъ и пріѣхалъ въ Каннъ вмѣсто Монте-Карло.

Ну вотъ... Это и со мной сколько разъ бывало!.. Ну-съ, такъ сегодня въ 5 ч. 30 м. поѣдемъ.

— Превосходно... Я намѣренъ на третьемъ нумерѣ сегодня поиграть... Встрѣтилъ собаку на трехъ ногахъ. Это рѣдкое явленіе. Если выиграю, разыщу эту несчастную собаку и отдамъ ее на прокормленіе... Пожизненно буду вносить за ея пансіонъ десять франковъ въ мѣсяцъ. Вы знаете, тутъ есть собачій пансіонъ.

— Все это случайность, одна случайность, тогда какъ моя система почти что математическая побѣда. Конечно, бываютъ моменты, но разсчитывать на нихъ нелья... Напримѣръ, пять лѣтъ тому назадъ, мнѣ въ одинъ вечеръ четыре дамы полусвѣта призналисъ въ любви — взялъ три тысячи на четвертый нумеръ. Но вѣдь это случайность!.. Противъ машины нужно самому быть машиной, это вѣрнѣе! Итакъ, въ 5 ч. 30 м... Рѣшетниковъ... Позвольте представиться...

— Вулкановъ! Очень, очень буду радъ познакомиться съ вашей инспираціей... Въ случаѣ удачи —тонкій обѣдъ. .

— Съ самыми красивыми дамами...

Въ тотъ же вечеръ, позднѣе Вулканова видѣли въ Ниццѣ, въ зимнемъ саду Казино; онъ былъ мраченъ и сердитъ по возвращеніи изъ Монте-Карло.

Вы, господа, Рѣшетникова знаете? Ну, старикашка — что по системѣ играетъ, которую никто еще не понялъ, не исключая и его... Ерунда!—произнесъ Вулкановъ, подсѣвъ къ столу, за которымъ сидѣла знакомая компанія.

— Знаемъ... Кто его не знаетъ! — отвѣтили знакомые хоромъ.

— Чортъ меня дернулъ положиться на его инспирацію!.. Ну, хоть бы подобіе выходило... Или ужъ

онъ выдохся совсѣмъ, или у него никакой инспираціи отъ рожденья не было... А хвастался и обнадеживалъ... Вѣроятно, и система его такая же, какъ инспирація.

— Много проиграли?

— На двѣ съ половиной тысячи франковъ влетѣлъ! И такъ мнѣ скверно, досадно стало... разсердился я... Сказалъ этому Рѣшетникову, чтобъ онъ прочь убирался и что знать его не хочу!.. Теперь ужъ это отлегло, но вѣдь обидно... Хоть бы малѣйшій намекъ на инспирацію!.. Я бы лучше взялъ съ собою Бѣлобрысенко... Онъ бы мнѣ хоть одинъ нумеръ, да отгадалъ бы!

— А на себя больше не надѣетесь?

— Вторую недѣлю никакой инспираціи, ну, и гоняюсь за чужой! Сегодня... ужъ послѣ погрома, подхожу къ первому столу въ большой залѣ и внезапно почувствовалъ приступъ инспираціи... Увѣренъ былъ, убѣжденъ, не знаю вотъ почему, что выйдетъ № 3-й... Словно голосъ таинственный шепчетъ... Пустили шаръ, а денегъ нѣтъ! Какъ тутъ быть! Снялъ изъ манжетки запонку... Вы знаете мои запонки изъ французскихъ 20 франковыхъ монетъ. И моментально бросилъ одну изъ нихъ, анонсировавъ — третій нумеръ. Что вы думаете — исторію затѣяли, не хотѣли брать... «Это, говорятъ, вещь!» «Нѣтъ-съ, это деньги, — заявилъ я, — да еще увеличенныя въ цѣнѣ, благодаря придѣланной золотой ножкѣ».

— И что же?

— Да что же... пока спорилъ, горячился, инспирація и исчезла... Вышло 12.

— А запонка пропала?

— Возвратили... Завтра одну танцовщицу везу для инспираціи... Не отгадаетъ—не знаю за кого и ухватиться... Тяжелый годъ переживаю!

РЫБОЛОВЫ

— Сегодня я даю генеральное сраженіе! — твердо сказалъ Курдюмовъ женѣ Софьѣ Ѳеоктистовнѣ и пріѣхавшимъ къ ней знакомымъ.

— Кому ты даешь сраженіе?

— Всей рыбѣ въ нашей рѣченкѣ! Изводила она меня недѣли три, не понюхаетъ, но теперь мы поговоримъ съ госпожами щуками и господами головлями. Молодая луна!.. Въ это время всегда клюетъ.

— Ловишь ты, ловишь, Аркадій Николаевичъ, удочекъ завелъ цѣлый лѣсъ, а поймалъ двухъ ершатъ. Ну, какой ты рыболовъ, вѣдь про тебя разсказать, такъ на смѣхъ подымутъ: щуку на ерша ловилъ, а щука ерша-то одного и боится.

— А вотъ погоди... вчера еще мужикъ около меня вытащилъ щуку вотъ какую!.. по локоть длины!

— Кругомъ тебя таскаютъ, а ты все съ ершомъ или верхоплавкой сидишь по шести часовъ.

— Черви были не тѣ... Тутъ нужны покраснѣй, поаппетитнѣе, а у насъ червякъ апатичный, бѣлый, меланхолическій. Жизни въ немъ мало. Завтра и тебя и гостей угощаю ухой. Такъ и знай, супа Агашѣ не заказывай!

Нагрузившись удочками, съ ведромъ Курдюмовъ направился къ рѣченкѣ. Онъ долго выбиралъ мѣсто, гдѣ расположиться, но все не рѣшался. Хотѣлъ-было около осоки устроиться, но былъ воз-

мущенъ появленіемъ мальчишки безъ штановъ, который съ корзинкой лѣзъ въ воду за рыбой.

— Только пугаетъ, слюнтяй. Ну, чего другимъ мѣшаетъ, молокососъ! Пшелъ!

Мальчишка посмотрѣлъ и не обратилъ никакого вниманія на грозный крикъ Курдюмова, который сдѣлалъ еще десять шаговъ по берегу.

— Вотъ здѣсь вчера щука брала! Здѣсь и поговоримъ съ ней сегодня. Не щуку, такъ щучку вытащу... Впрочемъ, до щуки еще долго, вотъ къ девяти она начнетъ скакать, а теперь шесть... Ну-ко, Господи благослови, на краснаго червячка... Всѣ три удочки закину въ почтительномъ разстояніи одну отъ другой.

Онъ оглянулся направо и налѣво и увидѣлъ вдали еще рыболововъ.

— Поваръ ловитъ, и мужикъ тутъ, и сынъ лавочника тутъ. Поваръ что-то вытащилъ.

Аркадій Никалаевичъ продолжалъ разговаривать самъ съ собой. Задавалъ себѣ вопросы и самъ себѣ отвѣчалъ. Мало того, самъ просилъ себя самого говорить тише, чтобы рыбу не разогнать. Заходившее за полемъ солнце отражалось въ водѣ.

— Ну-ко, ну-ко.. шевелитъ... повелъ. Голавль, повелъ... такъ вотъ и вижу! Знаю тебя, подлеца. Заводиловка!.. задумался! Удивительное дѣло – ничего. Сытая рыба! не перехитришь.

Вынувъ удочку, онъ плевалъ на червяка, покряхтывая.

— Всякое терпѣніе лопнетъ.

Онъ оставилъ удочки и пошелъ къ повару Ивану Данилычу.

— Вытащили что-нибудь?

— Два окунька-съ, малюсенькіе... щучка взяла-было червя, да соскочила. Въ нынѣшнемъ году рыбы меньше стало.

— Не меньше, а сыта и поумнѣла она.

— А должна бы клевать... новолуніе, пора самая лучшая.

— Если я къ вамъ подвинусь, ничего? у васъ примѣтъ нѣтъ, Иванъ Данилычъ?

— Милости просимъ... тутъ глубоко...

Курдюмовъ перетащилъ удочки и ведро. Перемѣнивъ червей и поплевавъ на нихъ, онъ зорко слѣдилъ за поплавкомъ.

Поваръ вытащилъ щучку.

— Игрунья!

Аркадій Николаевичъ былъ недоволенъ. Онъ вытянулъ удочку съ осокой на крючкѣ, очистилъ отъ травы и забросилъ на то самое мѣсто, гдѣ поваръ поймалъ щуку, будучи убѣжденъ, что сейчасъ тоже поймаетъ.

Мужикъ вытащилъ большую щуку.

— Счастливый каналья.

— Да... Ему везетъ.

— А вотъ я сейчасъ къ нему перейду... Тутъ плохо... Тамъ уютнѣе..

Минутъ пятнадцать спустя онъ былъ около мужика, закинулъ удочку и разсматривалъ въ ведеркѣ щуку.

— Бываютъ жирнѣй! Я до нея не охотникъ! — сказалъ онъ, напомнивъ лисицу и виноградъ.

— Всяка бываетъ! — отвѣтилъ мужикъ. — И большихъ уношу... Вчера унесъ.

— Я бы окунька хотѣлъ!

— Клюетъ и окунь...

— А вы изъ деревни? здѣшній?

— Рѣзчикъ по дереву.. Изъ Калуги... А здѣсь работаю... Кустари мы...

— Тс... шалитъ...

Онъ взялъ за кончикъ удочки и рванулъ.

— Сорвалась подлая!.. Ишь, какъ обгрызла червя. Налакомилась.

— У васъ крючекъ великъ... Такъ что на маленькомъ и червякъ глядитъ вкуснѣй... Для рыбы-то вкуснѣй...

— Ага! Попалась.

Курдюмовъ вытащилъ плотичку.

— Рыбеха крошечная, новаженъ починъ... Въ ведро ее!..

— Это верхоплавка... Она больше муху любитъ... На червя рѣдко беретъ... Хлѣбъ любитъ.

Мужикъ рванулъ и на берегу затрепеталъ окунь.

— Веселый!..

— Странно, почему у меня не беретъ... Позвольте-ка я поближе къ вамъ... вамъ все равно?

— Вода не моя, нешто я могу...

— Окунекъ славный... А бываютъ еще лучше.

— Бываютъ... Разные бываютъ и лучше и хуже.

— Дай-ка я туда же заброшу, на окунька!

Аркадій Николаевичъ забросилъ такъ, что чуть не зацѣпилъ удочекъ сосѣда.

— А я подальше...

Мужикъ смолкъ, насторожился и поймалъ опять щуку.

— Даже смотрѣть противно! — ворчалъ Курдюмовъ. — Почему не я! Хоть бы разъ серьезно поплавокъ понырялъ.

— Добрая щука! — приговаривалъ мужикъ, снимая щуку съ крючка. — Еврей дорого дастъ...

— А зачѣмъ тебѣ жиду продавать, я самъ у тебя эту щуку возьму за полтинникъ. Жидъ — всегда жидъ.

— Еврей дастъ шесть гривенъ.

— Получай пятьдесятъ копѣекъ.

Курдюмовъ взялъ щуку въ руки...

— Зубастая.

Онъ пустилъ ее въ ведро.

— Ну, чѣмъ вотъ это объяснить?.. Рыбья разборчивость! Рядомъ идетъ, а ко мнѣ не хочетъ... Не посмотритъ. Ну, а сколько за окуньковъ возьмешь?

— Сорокъ пять!

— Бери тридцать пять... Вотъ и деньги.

— Да что-жъ, давай!..

Аркадій Николаевичъ съ удовольствіемъ пустилъ окуньковъ въ свое ведро.

— Хоть бы для потѣхи клюнуло! Непостижимо! да что, у васъ секретъ, можетъ быть, есть?

— Окромя червя, да удочки — ничего...

— Тсъ... Беретъ... Ишь... Вотъ я тебя! — Онъ дернулъ за удочку. — Ершенокъ... Весь съ муравья. Иронія, а не рыба.

— Ерши для ухи очень идутъ.

— Хоть бы на вершокъ подлиннѣе... Ну, что это за фигура!..

Часъ спустя озлобленный Курдюмовъ наматывалъ удочку, громко ругаясь... Всю рыбу онъ называлъ сволочью.

Придя домой, онъ съ важностью поставилъ ведро на столъ и обращаясь къ женѣ при гостяхъ, игравшихъ по три копѣйки въ стуколку съ гольцомъ, произнесъ:

— Софья Ѳеоктистовна, распорядитесь насчетъ ушицы... Но только укропцу, побольше укропцу, да лимончику! Не въ духѣ я былъ сегодня... Могъ бы всю рыбу поймать... Не въ настроеніи былъ...

САНОВНИКЪ

Е. Н. Рощиной-Инсаровой

— Второй звонокъ, пожалуйте въ вагоны! — прокричалъ хриплымъ голосомъ кондукторъ, и на вокзалѣ губернскаго города К. поднялась обычная суматоха, которую наблюдаетъ каждый при отходѣ поѣзда.

Одни обнимались и цѣловались, другіе плакали, третьи едва удерживались отъ слезъ, нервно стискивая зубы, бѣгали, толкались. Скоро третій звонокъ и свистокъ, а потомъ загудитъ послѣдній разъ локомотивъ. Этотъ послѣдній вздохъ локомотива особенно сильно ударяетъ по нервамъ провожающихъ и уѣзжающихъ и долго раздается, какъ эхо, въ ихъ сердцахъ.

Въ вагонъ второго класса вошла молодая пассажирка, смугленькая, худенькая, очень изящная, съ черными живыми глазами и милой, совсѣмъ еще дѣтской улыбкой. Въ рукахъ у нея было много свертковъ, саквояжъ, картонка и корзиночка. Она поглядѣла на пассажировъ, поморщилась, какъ будто желая произнесть: «какъ тутъ тѣсно», и остановилась на секунду въ раздумьи.

Поѣздъ тронулся. Она покачала головой и повернула обратно къ двери, направляясь въ сосѣдній вагонъ. Передвигаясь осторожно, она перебралась на другую площадку, отворила съ трудомъ

дверь и вошла. Этотъ вагонъ выглядѣлъ салономъ, роскошной залой; по бокамъ бархатные диваны, посерединѣ столъ и кресла, и ни одного пассажира. Бирюлина,—это была юная, начинавшая карьеру актриса,—не отдавая себѣ отчета, въ какой вагонъ попала, отлично расположилась въ немъ. Размѣстивъ вещи, она открыла корзину, сѣла у стола, развернула курицу, хлѣбъ, соль и принялась за завтракъ. Ее никто не тревожилъ, и чувствовала она себя отлично. Вдругъ дверь въ слѣдующее отдѣленіе открылась и вошелъ сѣдой господинъ въ форменномъ пальто

Онъ взглянулъ на пассажирку и ласково спросилъ:

— Откуда вы взялись?

— Изъ К., я только что сѣла въ вагонъ.

Кто же вы такая?

— Я-то? Актриса.

— Вы актриса? Гм...

Онъ улыбнулся.

— Актриса, ѣду въ С. Хотите курицы?

— Я завтракалъ на вокзалѣ, благодарю васъ, а вотъ чай пить вмѣстѣ давайте.

— Да гдѣ жъ мы тутъ кипятокъ возьмемъ? Чай у меня есть съ собой.

— Намъ подадутъ... я распоряжусь, у кондуктора все есть, а у меня варенье хорошее...

— Ну, такъ распорядитесь, милый, — произнесла она необыкновонно наивно, совсѣмъ какъ ребенокъ.—А вотъ мнѣ сейчасъ пить очень хочется, стаканъ воды...

— Я вамъ принесу.

— Принесите, пожалуйста, только мнѣ совѣстно...

— Что тамъ совѣстно, я сейчасъ вамъ принесу.

Онъ пошелъ за водой, а Бирюлина благосклонно покачивала головой ему вслѣдъ.

Старикъ принесъ стаканъ воды, Бирюлина быстро выпила.

— Спасибо. Здѣсь вотъ мнѣ нравится, а рядомъ въ вагонѣ душно, набилась публика и какимъ-то лекарствомъ пахнетъ.

— И отлично. Здѣсь и оставайтесь.

— Скушали бы курочки-то, чего вы стѣсняетесь?

— Да, право сытъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее и улыбнулся.

— Что вы смѣетесь?

— Такъ вы актриса?

— Вѣдь я вамъ сказала, что актриса... Второй годъ на сценѣ... вы не смотрите, что я молода на видъ, мнѣ восемнадцатый годъ.

— Вонъ сколько! а мнѣ кажется, что вы не актриса.

— А кто же я по-вашему?

— Просто цыпленокъ!

— А вотъ посмотрите... роли со мной! Вотъ двѣ пьесы... я учу роли!

— Скажите, пожалуйста! Не думалъ!

— И афиши могу показать... Вы не обидитесь на меня?

— За что?

— Да что жъ кондукторъ-то самоваръ намъ не несетъ, у меня жажда.. Поторопите его.

— Съ удовольствіемъ.

— Да погодите... вареньица-то захватите. Я люблю чай съ вареньемъ.

Старикъ отправился къ кондуктору, а Бирюлина сидѣла на мѣстѣ, чувствуя себя счастливой, что нашла такого пріятнаго спутника.

Онъ принесъ двѣ банки варенья, а потомъ появился кондукторъ и подалъ чай, при чемъ вытянулся въ струнку и скороговоркой произнесъ:

— Чашекъ, ваше превосходительство, извините, не имѣю-съ! стаканы...

— Все равно, ступай.

— А вотъ вы мнѣ скажите, кто вы такой? желала бы я знать,—принимая умышленно серьезный видъ, спросила она.

— Служащій на желѣзной дорогѣ...

— Какъ ваша фамилія?

— Самая обыкновенная фамилія, я потомъ вамъ скажу.

— Вы превосходительство?

— Да, это онъ меня такъ называетъ.

— Что же вы, начальникъ станціи или больше?

Вродѣ начальника станціи, контролеръ...

— То-то онъ васъ побаивается. Онъ даже забылъ и билетъ у меня посмотрѣть.

— Да вѣдь у васъ есть билетъ?

— Даже два зачѣмъ-то дали! А скажите, это не въ первый ли классъ я попала, пожалуй, штрафъ возьмутъ?

— Не возьмутъ... это второй классъ, будьте спокойны...

— А вы далеко ѣдете?

— Я часа черезъ два васъ покину, но вамъ будетъ хорошо, я попрошу, чтобы васъ не тревожили. Вагонъ пойдетъ далѣе... Я потомъ пересяду въ другой.

— Ну, вотъ и очень вамъ благодарна... Цыпленокъ и доѣдемъ. Пріѣзжайте меня смотрѣть въ Маріи Стюартъ.

— Если будетъ возможность... съ удовольствіемъ.

— Отворите, пожалуйста, окно! — обратилась она къ нему такимъ тономъ, какъ будто они давнишніе знакомые. Тотъ повиновался и исполнялъ всѣ ея желанія.

Бирюлина забавляла его всю дорогу, читала ему стихи, онъ любовался ею, какъ милымъ ребенкомъ, стараясь развлекать интересную собесѣдницу.

Поѣздъ остановился у большого вокзала, гдѣ старикъ долженъ былъ проститься съ Бирюлиной. Онъ предложилъ ей что-нибудь скушать въ буфетѣ, и они вмѣстѣ вышли изъ вагона. Передъ ними въ шеренгу выстроились какіе-то инженеры, начальникъ станціи, жандармы отдавали честь. Старикъ что-то шепнулъ начальнику станціи, указывая на Бирюлину, съ которой прошелъ въ буфетъ. Здѣсь онъ закусывалъ и опять пилъ чай вмѣстѣ со своей спутницей, а потомъ, пожелавъ ей всего хорошаго и поблагодаривъ за пріятную компанію, простился.

Она не успѣла спросить, кто онъ, и обратилась съ этимъ вопросомъ къ начальнику станціи, который отвѣтилъ неопредѣленно: «служащій на дорогѣ». Бирюлина однако сообразила, что это былъ не простой, не маленькій чиновникъ, а сановникъ. Начальникъ станціи буквально не отходилъ отъ нея и выказывалъ чрезвычайную предупредительность и заботливость. По всей вѣроятности, онъ въ душѣ помышлялъ, что это вовсе не незнакомка, а близкій человѣкъ пріѣхавшему начальнику.

Провожая Бирюлину и подсаживая ее въ тотъ же самый вагонъ, въ которомъ она пріѣхала, онъ что-то шепталъ кондукторамъ, на одного строго смотрѣлъ и грозилъ пальцемъ.

— Позвольте пожелать добраго пути и всякаго благополучія!—сказалъ на прощанье начальникъ станціи, почтительно снявъ форменную фуражку. Зазвонилъ звонокъ, и поѣздъ двинулся.

Бирюлина находилась въ самомъ благодушномъ настроеніи, хотя одной ей было скучновато.

Кондукторъ нѣсколько разъ входилъ къ ней, предлагая подогрѣть самоваръ.

— Ну, подогрѣйте, пожалуй, выпью еще, я чай очень люблю.

Служилъ ей кондукторъ съ такимъ усердіемъ и рвеніемъ, что Бирюлиной становилось стыдно. Она не привыкла, не сроднилась съ такой любез-

ностью и съ такимъ комфортомъ за кулисами, да и въ родной семьѣ, которая недовѣрчиво и порою презрительно относилась къ ея сценической карьерѣ.

Она ушла тайкомъ на сцену, благодаря знакомству съ режиссеромъ театра, сумѣвшимъ понять и оцѣнить ее. Съ его благословенія она начала свою сценическую карьеру. Довольно было поговорить съ Бирюлиной, посмотрѣть на нее, чтобы назвать ее умницей. Она увлекала каждаго, кто съ ней говорилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала какъ будто сожалѣніе. Всѣ ей искренно желали счастья, именно въ эти молодые годы, когда впереди открывалась цѣлая жизнь. Ласковость, сердечность Бирюлиной трогательны.

Часа два спустя поѣздъ остановился снова у большого вокзала, гдѣ кондукторъ кричалъ: «двадцать минутъ остановки». Не успѣла Бирюлина высунуть носа изъ двери вагона, какъ передъ ней выросъ новый начальникъ станціи и еще болѣе любезный, чѣмъ прежній: и поддерживаетъ ее, и козыряетъ ей, и что-то бормочетъ: что — нельзя разобрать, но, должно быть, чрезвычайно пріятное. Она въ буфетъ—онъ за ней, Бирюлина спросила два бутерброда съ сыромъ, онъ кричитъ: «поскорѣе, свѣжіе закажите», она сѣла у окна, онъ ей предлагаетъ пересѣсть, чтобы не продуло. Бирюлина послѣ такой предупредительности только улыбалась и раздумывала:

«За кого они меня принимаютъ?»

— Я бы хотѣла, — обратилась она къ буфетчику, — чтобы мнѣ въ вагонъ бутылочку Нарзану подали.

Лакей рта не разинулъ, какъ начальникъ станціи крикнулъ:

— Двѣ бутылки Нарзану, похолоднѣе... нѣтъ ничего хуже теплаго Нарзана...

— Одну довольно, зачѣмъ же двѣ бутылки!..

— Одна можетъ лопнуть... онѣ часто лопаются... Не прикажете ли еще чего-нибудь?

— Нечего больше не хочу... Получите!

Она заплатила и дала двугривенный мальчику изъ буфета на чай.

— Напрасно изволите безпокоиться... — началъ и не договорилъ начальникъ станціи, на котораго удивленно поглядѣла Бирюлина.

— Прошу пожаловать! — произнесъ начальникъ станціи и пошелъ за Бирюлиной.

За ними слѣдилъ глазами еще какой-то желѣзнодорожникъ въ форменной фуражкѣ.

У вагона суетились кондуктора, а двое, не то сторожа, не то рабочіе, выдвинулись впередъ. Они такъ низко поклонились Бирюлиной, какъ будто собирались упасть въ ноги.

— Что вы, что вы, съ ума сошли! — возвысилъ голосъ начальникъ станціи и показалъ рукой, чтобы ихъ отстранили.

— Кому они мѣшаютъ, за что вы на нихъ? — вступилась Бирюлина. — Развѣ они мѣшаютъ?

— Сударыня, ваше превосходительство, заступитесь...

Бирюлина оглянулась, не понявъ, кого же они «вашимъ превосходительствомъ» называютъ. Тѣ все кланялись и умоляли помочь имъ.

— Что вамъ нужно, говорите?.. помочь чѣмъ? — интересовалась она, приблизившись къ нимъ.

— Не извольте обращать вниманія... пьяницы! — объяснилъ начальникъ станціи. — Прогналъ я ихъ за пьянство.

— Не будемъ больше, ваше превосходительство... Вступитесь...

— Оставьте ихъ! — нѣжно сказала Бирюлина, посмотрѣвъ умоляюще въ глаза начальнику станціи.

— Ну, хорошо уходите... я прощаю васъ, но, смотрите, въ послѣдній разъ... впередъ не пощажу...

Опять поклоны. Бирюлина благодарила начальника станціи за пощаду провинившихся и затѣмъ, смекнувъ, что ея слово въ его глазахъ очень вѣское, замѣтила:

— Не написать ли мнѣ объ нихъ его превосходительству!

— Зачѣмъ же, помилуйте, стоитъ ли тревожиться... я простилъ ихъ, будьте покойны... Ступайте!

— Покорно благодаримъ!

Бирюлина, счастливая, что помогла имъ, пожала руку начальнику станціи и вошла въ свой вагонъ-салонъ.

Рано утромъ она добралась до С., гдѣ ее встрѣчалъ антрепренеръ, мужчина страшнаго и удручающаго вида, державшій въ одной рукѣ пучокъ зеленыхъ пальмовыхъ листьевъ изъ бумаги, которые онъ выписалъ большой скоростью для грандіозныхъ постановокъ и получилъ тутъ-же на вокзалѣ.

Антрепренеръ бросился искать Катюшу Бирюлину инстинктивно къ вагонамъ третьяго класса, потомъ къ вагонамъ второго класса.

«Нѣтъ ея! Неужели плутовка въ первый классъ забралась... роскошествовать начала въ молодые годы!» — подумалъ онъ, но и въ первомъ классѣ не нашелъ своей будущей звѣзды.

— О, ужасъ! — воскликнулъ онъ, увидя Катюшу Бирюлину выходящей изъ особеннаго вагона, въ сопровожденіи мѣстнаго начальника станціи и кондуктора.

— Принцесса или она? Катюша, объясни!

— Тише не кричите... потомъ все разскажу! — тихо обратилась она къ антрепренеру и затѣмъ не безъ важности раскланялась съ провожавшими ее.

— Нарочно выписалъ тропическія растенія! — онъ помахивалъ передъ ней пучкомъ бумажныхъ листьевъ. Только что получилъ эти растенія,

хочу удивить публику великолѣпіемъ. Тридцать копеекъ за листъ.

Шествіе направилось къ выходу, а начальникъ станціи, наэлектризованный свѣдѣніями кондуктора о томъ сановникѣ, съ которымъ слѣдовала Бирюлина, умиленно слѣдилъ за ней издали.

НА ПАРОХОДѢ

Пароходъ, вышедшій изъ Нижняго Новгорода, былъ переполненъ. Пассажиры были самые пестрые: татары, татарки, господа въ фуражкахъ гражданскихъ вѣдомствъ, актеры, купечество, дамы, путешествующія для наслажденія природой и др. Плотный высокій, не молодой баринъ съ жиденькой бородкой, въ сѣрой щеголеватой поддевкѣ и бѣломъ картузѣ смотрѣлъ очень озабоченнымъ. Онъ поминутно выходилъ изъ своей каюты перваго класса въ столовую, оглядывался, пробѣгалъ карточку кушаній и нервно бросалъ ее.

— Человѣкъ — окликнулъ онъ служившаго четыремъ татарамъ у стола.

— Чего изволите?

— Раки хорошіе есть. На завтракъ раки и «кольчикъ». Стерлядку «кольчикомъ»!

— Раковъ нѣтъ.. Всѣ мелкіе были и скушали ихъ.

— Нѣтъ раковъ на Волгѣ! Такъ телеграфируйте немедленно на промежуточныя пристани, чтобы запаслись раками... Я буду три раза въ день ѣсть раки...

Можетъ быть въ Васильсурскѣ достанутъ.

— Необходимо срочно телеграфировать, чтобы приготовили раки въ Яринѣ и Козмодемьянскѣ. Да дайте арбузъ... И дыню прихватите.

— Арбузы есть, но не очень сладкіе.

— Я самъ пойду на пристаняхъ искать арбузы и дыни, чтобы запасы сдѣлать. Я ѣду до Перми... На Камѣ необходимо достать большихъ камскихъ раковъ...

— Въ Чистополѣ попадаются хорошіе.

—Прикажите телеграфироватъ за мой счетъ по Камѣ, чтобы мужики выносили раковъ. Всѣ возьму! Пусть ловятъ, время есть...

— Стало быть «кольчикъ»?

— На второе, а на первое...—Что можно закоптить севрюжку?

— Я спрошу у повара... Если есть мѣсто, гдѣ коптить...

— Въ шкафу пусть коптитъ... Наконецъ въ пароходной трубѣ можно закоптить... На обѣдъ закажете ущицу изъ стерлядей съ растегайчиками... Затѣмъ мнѣ хочется леща съ кашей... Есть лещи?

— Лещь, кажется есть.

— Каши, больше каши... На третье арбузъ. А что вашъ поваръ къ чаю куличъ не можетъ испечь — обыкновенный куличъ, какъ на Пасхѣ.

— Печетъ-съ.

— Ну, такъ вотъ, куличъ къ чаю. На завтра къ завтраку прикажите закоптить стерлядку, а на второе раки... Чтобы обязательно были раки. На Волгѣ нѣтъ раковъ. Чортъ знаетъ, что такое!

— Судачка не позволите ли?

— Увольте. На Волгѣ я хочу хорошо поѣсть и ужъ, конечно, не по московски. Икру подавать передъ раками ежедневно самую свѣжую...

— Самой свѣжей нѣтъ.

— Телеграфируйте, чтобы была теплая икра, парная.

— Я скажу буфетчику.

— На завтра къ обѣду у меня желаніе опять уху ѣсть. Нѣтъ ли камскихъ стерлядей, онѣ нѣжнѣе?

— У насъ почти всѣ камскія, въ Елабугѣ куплены.

— Тогда ушицу изъ камскихъ, а потомъ волжскую стерлядку «кольчикомъ». Если зрѣлаго, сладкаго арбуза нѣтъ, придется телеграфировать. Въ Казани запастись хорошимъ балыкомъ. Какъ зовутъ вашего буфетчика?

— Иванъ Васильевичъ.

— Я сейчасъ спущусь въ кухню, скажите ему... Можетъ быть онъ посовѣтуетъ мнѣ заказать что-нибудь особенное. Надо переговорить. Вотъ этотъ столикъ у окна оставить за мной... Я его буду занимать до Перми и отъ Перми до Нижняго. Я ѣду для удовольствія.

Баринъ спустился въ трюмъ и, вмѣсто того, чтобы любоваться Волгой, пробылъ тамъ часъ, бесѣдуя съ буфетчикомъ и поваромъ. Кромѣ того, онъ выходилъ на всѣхъ пристаняхъ и спрашивалъ у крестьянъ и рабочихъ:

— А раки у васъ, ребята, есть? Я хочу раковъ. За камскіе плачу вдвое.

Въ Чебоксарахъ, когда упитавшійся баринъ сидѣлъ за кофе, прищуривая сонные глазки, человѣкъ объявилъ ему:

— Это Чебоксары... Принесли сотню раковъ, только не очень крупныхъ.

— Принесли? Ну слава Богу! Великолѣпно, а о большихъ камскихъ всетаки хлопочите. Я собственно для нихъ и по Камѣ ѣду, потому что Пермь меня совсѣмъ не интересуетъ. На Камѣ, въ Рыбной Слободѣ, вѣроятно, все найдемъ. Камскій ракъ крупенъ и жиренъ... Славный ракъ.

— Теперь всѣ раки линяютъ, готовятся шкуру мѣнять.

Вотъ тутъ-то ихъ и варить съ укропцемъ... Возможно больше укропу. Да прикажите закоптить осетринки. Я копченую очень люблю и самъ ее не разъ коптилъ.

Баринъ задремалъ у стола, прихрапывая и забывъ о Волгѣ совершенно. Проснулся онъ въ Казани.

— Получены молодые рябчики и дупеля — порадовалъ его человѣкъ,

— Отлично... За мной. Все съѣмъ. Скоро Кама... Что-то скажутъ насчетъ раковъ. Подавайте стерляжью уху.

— Казань не изволите взглянуть?

Да что-же тамъ, вѣдь городъ далеко отъ пристани.

— Верстъ шесть.

— Мыло, татары, расшитыя туфли... Не стоитъ! Впрочемъ я выйду на четверть часа подыскать вкусный арбузъ. Лучше дороже дамъ, но на вырѣзъ возьму. Готовъ полдюжины купить.

Въ Казани онъ нашелъ дыни и арбузы, которыхъ два татарина принесли на пароходъ цѣлую корзину.

Ѣдучи по Камѣ, баринъ былъ глубоко возмущенъ тѣмъ, что раки тамъ оказались еще мельче, чѣмъ на волгѣ.

Разошлите всюду депеши съ ночи, чтобы всюду искали раковъ. Я бы не поѣхалъ, если бы зналъ, что получу только мелочь. У насъ въ Москвѣ, крупнѣе, а на Камѣ, гдѣ ихъ родина — мелочь! Что за подлость!

— Получили случайно необыкновенно жирнаго леща.

— А если бы его подкоптить, да каши, больше каши напихать. Обожаю когда много каши напихано.

На другой день баринъ около пристани Каракулино прямо ожилъ и чуть не закричалъ. Нашли полсотни раковъ внушительнаго размѣра.

— Наконецъ-то. А то Волга, да Кама, а никакой радости... Ну что мнѣ красота природы, дикіе лѣса и зеленые лужайки. А вотъ ты мнѣ рака въ кулакъ покажи, такъ я скажу — спасибо. Удиви.

— Партію стерлядей получилъ сейчасъ, Иванъ Васильевичъ.

— Пусть закоптитъ мнѣ двѣ-три сегодня-же. На стерлядей надо особенно накинуться. У камской стерляди пріятный ароматъ.

— Ихъ одобряютъ очень.

— Волжскія кокетливѣй, красивѣй, а навара камской стерляди на бульонъ изъ волжской я не промѣняю. Вотъ еще что, скажите Ивану Васильевичу, чтобы закоптилъ мнѣ, въ дорогу изъ Нижняго въ Москву, фунтовъ шесть севрюжки Въ Москвѣ доѣмъ ее, я очень неравнодушенъ къ ней. А гдѣ арбузы?

— На холоду-съ...

— Прекрасно Помните, въ леща каши, больше каши, чтобы выпирала оттуда... Красивыя мѣста у васъ тутъ на Волгѣ и Камѣ, горки и все такое. Благодарите повара и Ивана Васильевича отъ меня.

СМЕРТЬ

Редакторъ въ нервномъ состояніи кусаетъ карандашъ, его тревожатъ поминутно.

Онъ отбивается, какъ отъ мухъ, отъ разныхъ авторовъ, антрепренеровъ и комп. Входитъ его сотрудникъ, романистъ Пика.

— Господинъ Пика, это вы? — спрашиваетъ редакторъ.

— Да, это я, Матвѣй Ивановичъ.

— Придушить, придушить, придушить, непремѣнно придушить.

— Кого? Меня? Но за что же?

— Не васъ, но героя вашего романа. Въ завтрашнемъ фельетонѣ его надо придушить. Всѣ читатели жалуются, что эта скучная исторія затянулась, а вы умышленно размазываете и растягиваете, чтобы больше получить за романъ.

— Я не могу придушить человѣка, предъ которымъ раскидывается цѣлая жизнь.

— Напишите новый романъ, а героя этого прикончите.

— Позвольте, но публика назоветъ меня палачомъ.

— Я требую, чтобъ онъ утопился, застрѣлился, попалъ подъ поѣздъ, но чтобы его не было.

— Какъ вы хотите, но я отказываюсь... у меня есть имя, меня читаютъ, я не могу...

— Назаръ Ильичъ, но позвольте васъ спросить, редакторъ я или нѣтъ? Если я вамъ говорю — уморите героя... вѣдь вы получаете жалованье... значитъ, обязаны подчиниться. Вообще это такъ легко сдѣлать...

— Легко. Онъ поѣхалъ на балъ...

— Отлично-съ... поѣхалъ на балъ... лошадь понесла и прыгнула съ экипажемъ въ Мойку, увлекая туда героя. Подобный случай былъ.

— Позвольте, но вѣдь нужно же характеръ дорисовать, вѣдь цѣльности впечатлѣнія нѣтъ.

— Какое же вамъ еще нужно впечатлѣніе. Это цѣлая трагедія, захватывающая, страшная трагедія. Итакъ, онъ завтра утонетъ.

— Не согласенъ. Вонъ гоните меня, но я не могу оборвать жизнь человѣка... Гдѣ же правда?

Вонъ чего захотѣлъ, въ романѣ, да правду ему подай... Вѣдь это фельетонъ ..

— Позвольте мнѣ хоть подумать... ну дня два...

— Ужъ который день вы думаете, а все тоже самое. Потомъ опять вдохнете ему жизнь... Тутъ нужна операція, оперативное вмѣшательство и удаленіе части романа, тѣмъ болѣе, что онъ еще и не написанъ.

— Я вамъ дамъ завтра категорическій отвѣтъ...

— Смерть единственный выходъ изъ этого положенія, иначе вы и читателей и меня изведете этимъ романомъ.

— Я все взвѣшу, обсужу и представлю, Матвѣй Ивановичъ, мои соображенія.

— Соображенія! Хорошо-съ, но обязательно соображенія со смертельнымъ исходомъ. Чикъ — и готово, какъ говоритъ приказчикъ у Островскаго. Чикъ !

— Завтра рѣшимъ-съ.

Пика вышелъ задумчивымъ и грустнымъ. Каково приказаніе умертвить человѣка, героя, котораго онъ обрисовывалъ третій мѣсяцъ. Пика пони-

малъ, что придется подчиниться: онъ беллетристъ на жалованьи.

Они разстались. Пика прослезился, сѣвъ на извозчика, и думалъ: хоть этотъ человѣкъ и не существуетъ въ дѣйствительности, хоть это только герой романа, но за что же, за что же, такъ взять да и въ воду!

Въ Пикѣ заговорило озлобленіе, онъ внезапно измѣнилъ свое рѣшеніе и захотѣлъ вновь объясниться съ редакторомъ.

— Я заставлю его иначе смотрѣть на мое творчество, на моихъ героевъ. Они люди, живые люди.

——

На другой денъ Пика опять очутился у редактора и началъ было говорить задорнымъ тономъ.

— Вы о комъ? спросилъ редакторъ.

— О немъ, о моемъ героѣ...

— Извѣщаете съ глубокимъ прискорбіемъ о внезапной кончинѣ?

— Ну, нѣтъ! Онъ долженъ жить, иначе мы разстанемся съ вами и я не буду работать.

— Увы, дать жизнь герою вашего романа я не могу!

— Позвольте хоть двѣ недѣли.

— Да какъ же это сдѣлать?

— Вы увидите, тогда онъ умретъ нормальной смертью.

— Вторично?

— Какъ вторично?

— Да вѣдь онъ утонулъ уже.

— То-есть... вы хотите сказать: онъ утонетъ!

— Вы читали сегодня вашъ фельетонъ?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ прочтите... Я знаю, что вы человѣкъ нерѣшительный, нервный и поэтому...

— Что?..

— Самъ утопилъ его вчера, добавилъ строкъ тридцать къ фельетону.

— Скончался! — въ изступленіи произнесъ Пика.

— Трупъ его еще не найденъ.

Пика схватилъ газету, нервно развернулъ ее, прочелъ конецъ фельетона и упалъ въ кресло, закричавъ — «умеръ, умеръ»!

Изъ другихъ комнатъ высовывались головы, желавшія узнать, кого не стало на свѣтѣ.

Читатели фельетона удивлялись несчастію, постигшему героя, но не скорбѣли о послѣднемъ

Онъ умеръ своевременно, не успѣвши окончательно вывести публику изъ терпѣнія.

ЧЕРЕЗЪ 25 ЛѢТЪ

Къ подъѣзду коричневаго дома подъѣзжала публика, кто на извозчикѣ, кто въ собственномъ экипажѣ, а изрѣдка подкатывали на автомобиляхъ. Въ тотъ же широкій подъѣздъ гуськомъ пробирались пѣшеходы. Гимназистовъ было особенно много. Въ коричневомъ домѣ помѣщалась гимназія, церковь которой была переполнена собравшимися къ заутрени наканунѣ дня св. Пасхи.

Добрая половина пріѣхавшихъ, для которыхъ не нашлось мѣста въ церкви, осталась въ сосѣдней залѣ, выглядѣвшей очень пышно, чему способствовали свѣтлые дамскіе туалеты, фраки, смокинги, офицерскіе мундиры. Среди нихъ конфузливо проталкивались гимназисты со своими родственниками, бывшіе воспитанники гимназіи, кое-кто изъ преподавателей, не попавшихъ въ церковь.

Въ этой залѣ больше разговаривали, чѣмъ молились. Совсѣмъ какой-то раутъ.

Ермолаевъ врѣзался въ эти толпу и остановился, почувствовавъ себя какъ-то неловко. На немъ былъ рыжеватый сюртукъ,. довольно потертый, съ такими длинными рукавами, что виднѣлись только кончики пальцевъ. На шеѣ у Ермолаева повязанъ узенькій бѣлый галстукъ, слегка съѣхавшій на лѣвую сторону. Курчавая голова и безформенная борода низенькаго Ермолаева придавали его коренастой фигурѣ комическій видъ.

Географію кто у васъ преподаетъ? — спросилъ онъ тихо у гимназиста въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Крогъ, Сергѣй Леопольдовичъ... онъ и нашъ классный наставникъ во второмъ классѣ...

— А Барашкинъ не учитъ географіи больше?

— Такого нѣтъ... Я слышалъ фамилію, но, должно быть, умеръ.

Батюшка отецъ Александръ?

Какой Александръ, отецъ Николай...

— Я кончилъ у васъ курсъ.

— Когда?

Маленькій гимназистъ оглянулъ его.

Двадцать пять лѣтъ назадъ. Директоромъ былъ Каземировъ, а инспекторомъ Кулингъ, Эрнстъ Львовичъ.

У насъ директоръ Пискаревъ, а инспекторъ Мурло.

А старикъ французъ Сюшэ живъ?

— Французовъ у насъ два: Кювье — очень сердитый, придира и крикунъ, и Девуазье... Этотъ добрѣе... Длинный такой, на американскаго чорта въ банкѣ похожъ.

— А математику кто преподаетъ?

— Гурьинъ.

— Антонъ Семеновичъ! — обрадовался Ермолаевъ.

— Петръ Антоновичъ.

— Значитъ, его сынъ... Любили мы Антона Семеновича, съ душой былъ былъ человѣкъ... Предпочиталъ пятерки ставить.

— Этотъ любитъ колы ставить.

Никого, никого изъ прежняго состава! О комъ ни справлялся, никого, и ни одного знакомаго лица... Хоть бы кто-нибудь попался. Только стѣны знакомыя.

— Вы развѣ не каждый годъ у насъ подъ Пасху бываете?

— Двадцать пять лѣтъ не былъ, въ провинцію попалъ... университета не кончилъ, уѣхалъ... пришлось уѣхать... вотъ первый разъ въ Петербургѣ...

Гимназистъ проскользнулъ дальше, а Ермолаевъ поглядывалъ по сторонамъ и искалъ глазами кого-нибудь, кто бы напомнилъ ему былые гимназическіе годы.

Взоръ его остановило круглое, сытое лицо съ подстриженными коротко усами. Полный мужчина былъ во фракѣ, со звѣздой и лентой. Рядомъ съ нимъ стояло крошечная дама, выглядѣвшая по сравненію со своимъ кавалеромъ, какъ изюмина по сравненію съ куличемъ.

— Костромичевъ, ей-Богу, онъ!

Ермолаевъ просіялъ, придвинулся къ нему и вглядывался, стараясь такъ называть про себя его фамилію, чтобы тотъ слышалъ.

— Костромичевъ... Нѣтъ сомнѣнія! Онъ, онъ!..

Тому, видимо, не особенно было по душѣ, что какой-то невзрачный незнакомецъ смотритъ въ упоръ, да еще фамилію называетъ.

Скажите, вы сейчасъ съ кѣмъ говорили? — спросилъ Ермолаевъ кого-то изъ сосѣдей, это Костромичевъ? Павелъ Костромичевъ?

— Тайный совѣтникъ Костромичевъ.

— Чуть не товарищъ министра, говорятъ.

— Не «чуть», а онъ и есть товарищъ министра.

— Вотъ онъ какой! Помню, вмѣстѣ въ раекъ Александринскаго театра ходили. . Развезло...

Ермолаевъ хотѣлъ подойти, но колебался, а Костромичевъ старался не взглядывать на него.

— Не узнаетъ!—думалъ Ермолаевъ.

Раздалось «Христосъ Воскресе», словно вся зала дрогнула, всѣхъ охватила радость свѣтлая. Ермолаевъ отъ восторга прослезился. Забылъ онъ свое петербургское одиночество, одиночество въ этой гимназіи, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить препо-

давателей и товарищей, все забылъ и вздохнулъ свободно.

Спустя нѣкоторое время, Ермолаевъ неуклюже повернулся и смѣло пошелъ къ Костромичеву.

— Здравствуй, Павликъ! Христосъ Воскресе!.. Не узналъ?

— Во истину воскресъ! — тихо проговорилъ Костромичевъ, котораго крѣпко поцѣловалъ Ермолаевъ.

— Неужто не узналъ, Павликъ?

— Вы что же... Ваша фамилія...

Костромичевъ чувствовалъ себя неловко.

— Неужто не узнаешь, Павликъ? Да вглядись хорошенько! Ермолаевъ! Аркадій Ермолаевъ. Правда, что четверть вѣка не видались, но я тебя сейчасъ узналъ.

— Припоминаю, но понимаешь... столько лѣтъ, не мудрено!.. Я очень, очень радъ...

— Вчера пріѣхалъ, дай, думаю, пойду къ заутрени къ себѣ въ гимназію... и вотъ... ни души, никого... одинъ, чужой всѣмъ...

— Да ты откуда? Откуда явился-то?

— Изъ Полтавской губерніи... Я, братъ, учительствую, вѣдь у меня жизнь вся изломана, изъ Петербурга меня, когда былъ въ университетѣ, убрали... Ну, какъ тебѣ сказать... предложили выбыть изъ столицы... Теперь все перебродило, другой я... Спокойный...

— А какъ же теперь?

— Легальный, братъ... Разрѣшено давно... Но не могъ собраться...

— Ага... Ну, что жъ, Ермолаевъ, я очень радъ... Ты заходи ко мнѣ какъ-нибудь...

— Помнишь, ты марки заграничныя собиралъ?

— Марки? Что-то смутно помню... Заходи какъ-нибудь, я буду очень радъ... Будь здоровъ... Пріятная встрѣча...

Онъ протянулъ ему руку, и они разстались. Ермолаевъ ждалъ, что онъ пригласитъ къ себѣ разговѣться, познакомитъ съ дамой, но Костромичевъ не догадался.

Ермолаева это придавило, омрачило въ душѣ его великій праздникъ. Искалъ онъ еще знакомыя лица и, можетъ быть, не узнавалъ ихъ, а можетъ быть, ихъ не было здѣсь.

Заговорилъ онъ еще съ гимназистомъ старшаго класса.

— Колюпановъ латынь не преподаетъ у васъ?

— Акимъ Иванычъ?

Да!.. Преподаетъ?

— На Охтенскомъ кладбищѣ лѣтъ семь лежитъ, я смутно его помню...

Кто изъ стариковъ-то живъ?

— Беркутовъ...

— Беркутова хорошо не помню... Вѣроятно, послѣ меня вступилъ.

— Учителя греческаго языка Януса не помните?

— Онъ русскій языкъ преподавалъ... Знаю, знаю!

— Тутъ гдѣ-нибудь... Встрѣтитесь.

— Я у него не учился, но какъ же не знать!.. Интересно будетъ взглянуть... Добряга такой...

— Тогда былъ добряга, а теперь гроза учениковъ. Извините, мои сестры идутъ... Я васъ оставлю.

— Очень благодаренъ.

Ермолаевъ почувствовалъ опять полное одиночество и не зналъ, куда дѣваться, гдѣ разговѣться. Никого нѣтъ! Некому его позвать, и не къ кому ему самому назваться въ гости.

Ермолаевъ, растерявшійся, огорченный, пришибленный, направился потихоньку къ лѣстницѣ, запруженной публикой. Когда публика порѣдѣла, Ермолаевъ пошелъ внизъ, подалъ нумеръ отъ пальто, одѣлся и двинулся къ выходу.

У входной двери провожалъ всѣхъ старый, старый сгорбившійся швейцаръ, популярный и любимый человѣкъ среди гимназистовъ. На его глазахъ нѣсколько поколѣній гимназистовъ прошло. Не только учащіеся, но родители ихъ отлично знали и любили старика. Это была живая хроника гимназіи. Ермолаевъ поровнялся съ нимъ и остановился. Хотѣлъ заговорить, но отъ счастья горло сжало. Онъ думалъ, что старика въ живыхъ давно нѣтъ, а онъ передъ нимъ стоитъ, въ своей ливреѣ съ пелеринкой.

Захаръ Иванычъ! Это вы!—какъ-то заикаясь, проговорилъ Ермолаевъ.

Это я, а вы кто будете?

— А вотъ поглядите - ка, узнаете, или не узнаете?

— Ну-ка, подойдите сюда поближе къ свѣту, я посмотрю.

Ермолаевъ приблизился къ нему. Швейцаръ отвелъ его къ столу.

— Нашъ?

— Вашъ, а фамилью не припомните?

— Ермолаевъ 2-й, Аркадій?

— Захаръ Иванычъ! Христосъ Воскресе.

Ермолаевъ сжалъ его въ объятіяхъ и, не стѣсняясь никого изъ присутствующихъ, расцѣловалъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! Вы гдѣ же служите?

— Учитель въ Полтавской губерніи въ земской школѣ. Пріѣхалъ вчера, думалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ у заутрени встрѣтить — никого! Нашихъ никого...

Мало, есть кой-кто, сразу не припомнишь... У васъ родня въ Петербургѣ?

Ни одного человѣка... Самый близкій — вы.

— Гдѣ же разговляться-то собираетесь?

— У себя на Пушкинской, въ меблированной комнатѣ... старая, угрюмая комната, окно въ желтоватую стѣну упирается, словно все время ненастье на улицѣ.

— Такъ что же... Чѣмъ Богъ послалъ, идите ко мнѣ.

— Захаръ Иванычъ! Такъ обрадовали, такъ обрадовали! Не знаю, какъ и благодарить васъ, что пріютили... Безъ васъ бы праздникъ не въ праздникъ.

— Своимъ всегда радъ... Погодите, вмѣстѣ пойдемъ, Ермолаевъ 2-й, Аркадій, а перваго звали Ермолаевъ 1-й, Никандръ... Полупансіонеръ былъ, по два года въ классѣ сидѣлъ, а теперь пѣвцомъ сдѣлался.

— Костромичева встрѣтилъ сегодня, рядомъ когда-то сидѣли...

— Этого не достанешь!..

— Большой человѣкъ?

— Очень большой, а со мной попросту... Сегодня руку протянулъ... Пойдемте...

Утро было ясное, теплое. Ермолаевъ веселымъ возвращался домой отъ Захара Ивановича. Его провожалъ сынъ швейцара.

— Да вы, Семенъ Захарычъ, не утруждайтесь, я дорогу знаю...

Что за утружденіе... Все-таки забыть могли... До угла провожу и объясню вамъ, какъ въ Пушкинскую попасть.

— Выпилъ я у васъ...

— Ну, что выпили-то, всего ничего.

— Выпилъ, вспомнили съ вашимъ родителемъ всѣхъ, и точно вотъ я изъ гимназіи гимназистомъ иду, только ранца на спинѣ нѣтъ... Иду вотъ и думаю, а вдругъ по греческому языку провалюсь... Понимаете, всколыхнулось все, прежнее, молодое въ душѣ поднялось. . А вѣдь это какъ дорого! Какъ это сердцу пріятно! На двадцать пять лѣтъ отодви-

нуться назадъ и увидѣть свою гимназію... родителя вашего встрѣтить.

— Завтра навѣстите насъ?

— Надоѣсть боюсь, а хочется, хочется еще разъ взглянуть и на гимназію, и на вашего старика... А память-то какая!

— Все помнитъ! Больше семидесяти ему.

— Много, очень много! А помните, говоритъ, какъ съ папироской вы учителю исторіи попались? И вѣрно, попался... Тогда испугался, а теперь съ удовольствіемъ вспоминаю... Ну, идите домой, Семенъ Захарычъ... А я вотъ кланяюсь! Вамъ кланяюсь и ей!

— Кому ей?

— Гимназіи своей кланяюсь! Выросла: была низенькая, а теперь вонъ какая! Съ перваго взгляда не узналъ ее! До свиданья...

— Приходите!

— Спасибо, всему вашему семейству спасибо!

Онъ быстро удалялся слегка пошатываясь.

НА ГРАНИЦѢ

Иностраннымъ землямъ близился конецъ. Поѣздъ летѣлъ, какъ стрѣла. Скоро русская граница съ русскими газетами, щами и другими отечественными соблазнами. Пассажиры и радуются, и волнуются. Волнуются потому, что предстоитъ таможенный осмотръ. Каждый пассажиръ, особливо пассажирка, заблаговременно начинаютъ подозрѣвать самихъ себя въ контрабандѣ и испытывать если не Танталовы, то все-таки сильныя муки. Надъ ними не виситъ какъ надъ сыномъ Зевса, скала, готовая обрушиться, но рисуется взысканіе просто пошлины и пошлины усиленной, за обманъ. «Какъ же вы, сударыня, говорили, что у васъ ничего нѣтъ,—обратится хитрый чиновникъ,—а вы кружева везете... придется вамъ штрафъ заплатить». Даже тѣ пассажиры, которые везутъ по три флакона духовъ и по дюжинѣ галстуковъ, безпокоятся, что къ нимъ русскій чиновникъ придерется. Они всѣ отлично знаютъ, потому что ѣздили за границу ранѣе, что русскій чиновникъ застѣнчивѣе, деликатнѣе не только нѣмецкихъ, но даже французскихъ, которые въ старыхъ сапогахъ склонны искать сигары и папиросы.

Приближаясь къ родинѣ, тѣмъ не менѣе, слышишь прежде всего шипѣніе по адресу таможеннаго чиновника.

— Поль,—совѣтуется жена съ мужемъ, — не объявить ли, что я везу клочки этихъ матерій...

— Конечно, объяви, гроши...

— Да вѣдь начнутъ развертывать, все изомнутъ, не такъ положатъ. Отчего это за границей къ намъ проявляютъ полное довѣріе, какіе тамъ милые чиновники и таможенные служащіе, спросятъ: «есть что-нибудь предъявить», «нѣтъ», отвѣчаешь, и ставятъ мѣломъ мѣтку или лѣпятъ билетикъ.

— Да и у насъ то же самое. Я того правила держусь—лучше платить. Слава Богу, средства наши достаточныя.

— Какъ будто мнѣ денегъ жаль! Вѣдь тебѣ извѣстно, что я сорокъ восемь часовъ укладывалась, и если все перетормошатъ... За границей это такъ мило...

Въ другомъ отдѣленіи бесѣдуютъ на ту же тему пожилой человѣкъ и молодой.

— Везу три шляпы, вы знаете, какъ у насъ плохи фасоны шляпъ! — объявляетъ молодой человѣкъ.

— Дамскія?

— Нѣтъ, для себя, мужскія.

За нихъ и пошлина-то по цѣлковому.

— Не въ томъ дѣло, но вынимать надо, легко помять. Какъ вы думаете, придерутся? То ли дѣло во Франціи, а у насъ придирки...

— Да, гдѣ же онѣ, эти придирки, вы предвидите ихъ, это пока ваша фантазія...

— У русскаго таможеннаго чиновника есть подозрительность, а у заграничнаго нѣтъ.

— Развѣ къ вамъ придирались ранѣе?

— Положимъ, нѣтъ, но это общее мнѣніе.

— А вотъ ко мнѣ и при желаніи не придерутся: я купилъ себѣ чемоданъ и положилъ въ него вещи, купилъ пледъ и покрываюсь имъ, купилъ подушку и сплю на ней. Предметы новые, а ничего подѣлать нельзя.

Къ пожилой дамѣ въ купе просовываетъ голову другая, незнакомая, помоложе.

— Простите меня тысячу разъ... у васъ такъ мало ручного багажа, не можете ли вы взять мою картонку, а послѣ осмотра таможни я возьму обратно.

— Что у васъ въ картонкѣ?

— Шляпа! Двѣ корзинки я раздала, только одну необходимо пристроить.

— Пожалуй, хотя я не охотница.

— Мерси, вы не знаете, какъ лютъ и подозрителенъ русскій таможенный чиновникъ. Онъ счастливъ, если можетъ уличить тебя. А того въ разсчетъ не принимаетъ, что намъ и безъ таможни шляпа обходится въ полтораста-двѣсти франковъ.

— Развѣ у насъ такіе придирчивые чиновники на таможнѣ. Я не замѣчала.

— И я не замѣчала, но, говорятъ, они бываютъ сердитыми, раздражаются и готовы всѣхъ обыскивать. Какое довѣріе къ пассажиру за границей! Какое уваженіе...

Русскаго таможеннаго чиновника ни за что, ни про что, а вѣрнѣе на случай, пробирали въ вагонѣ.

Въ корридорѣ международнаго вагона вели оживленную бесѣду богатый коммерсантъ изъ Петербурга съ окладистой бородой, наряженный въ клѣтчатый костюмъ, и музыкантъ. Послѣдній совѣтовался съ коммерсантомъ.

— Неужели за полдюжины склянокъ духовъ и за четыре фиксатуара пошлину взыщутъ?

— Вздоръ, и разговаривать не станутъ.

— Я сейчасъ слышалъ, что до такой степени придирчивы...

— Отъ кого слышали? отъ бабъ? бабы постоянно дрожатъ, потому что сундуки у нихъ всякой дрянью изъ «Лувра» и отъ модистокъ наполнены.

— Какъ вы думаете, фиксатуаръ и духи пройдутъ безъ исторіи? А то вѣдь какіе-то протоколы

съ двойнымъ штрафомъ составляются. За границей—ничего подобнаго.

— Тоже гдѣ какъ, меня въ Австріи за костяной портсигаръ лишній день въ Вѣнѣ продержали.

— У насъ прежде было очень хорошо, а потомъ начали подробнѣе осматривать...

— Еще бы, если провозили цѣлые магазины.

— Это справедливо. Покойный мой дядюшка однажды ѣхалъ изъ Парижа и везъ огромную статуэтку изъ бронзы, которую завернулъ въ подушку и тащилъ въ рукахъ. Его спросили, что это у васъ? Подушечка, отвѣчалъ онъ, мягкая думка... Такъ и провезъ. А теперь слегка пощупаютъ.

Какой-то глубокій провинціалъ, ѣздившій съ путеводителемъ осматривать Европу и сидѣвшій въ своемъ купе въ халатѣ, приступилъ по причинѣ близости границы къ укладкѣ. Онъ потѣлъ, пыхтѣлъ, садился и обдудавлся платкомъ.

— О-охъ... одѣяло то бы шелковое протащить! —говорилъ онъ настолько тихо про себя, что и сосѣдъ и проводившіе по коридору слышали. Дверь у него въ купе была отворена. — Н-да... французскіе флаги у меня запиханы далеко — не доберутся, сорочки тоже... Не помню только, хорошо ли я спряталъ новый зонтикъ. Ишь ты, кончикъ одѣяла торчитъ... Кирпичный цвѣтъ такъ и выдастъ, хорошо, что замѣтилъ.

Какъ будто шепотомъ пассажирскій поѣздъ подкрался къ русскому вокзалу, влетѣли артельщики и потащили багажъ въ таможенный залъ. Муки пассажировъ все усиливались и усиливались. Приближалась развязка.

Жандармъ у дверей отобралъ паспорта, отнесъ ихъ для отмѣтки, и скоро начали выкликать фамиліи владѣльцевъ багажа.

— Не имѣете ли чего объявить? — спрашивали деликатно чиновники. — Позвольте ключи.. Откройте!

Артельщики открывали сундуки, вытаскивали вещи и послѣ быстраго, но опытнаго осмотра укладывали обратно.

— А это что такое у васъ въ картонкѣ? — спросилъ чиновникъ робкаго пассажира.

— Десятокъ галстуковъ новѣйшаго цвѣта. По два тремъ сыновьямъ везу, а четыре себѣ. Большая пошлина?

Чиновникъ не препятствовалъ, а пассажиръ сіялъ, словно двѣсти тысячъ выигралъ. Есть, должно быть, непонятное и необъяснимое удовольствіе въ томъ, чтобы провезти какую-нибудь мелочь безпошлинно черезъ границу. Это тѣшитъ даже милліонеровъ, которые не прочь при случаѣ на четвертную убавить государственную доходность, провезя потихоньку какую-нибудь пустяковину. Другое дѣло человѣкъ небогатый, разсчитывающій гроши, имъ, конечно, руководитъ желаніе сдѣлать экономію, но почему торжествуетъ милліонеръ, провезя женѣ шелковый платокъ, для меня непонятно. Никакъ не пойму этого.

Между дамами и чиновниками происходили легкія перестрѣлки словами, такъ что неожиданно выростала фигура управляющаго таможней для умиротворенія возникшихъ вопросовъ. Двумъ особамъ прекраснаго пола пришлось близко познакомиться съ размѣрами пошлины.

Пассажиры, багажъ которыхъ уже осмотрѣли, собирались въ буфетѣ, накидывались на щи, борщъ, русскія газеты, квасъ и проч. Здѣсь всѣми овладѣвало новое оптимистическое добродушное настроеніе, смѣнившее нападки на таможеннаго чиновника.

— А знаете, что я вамъ скажу,—глотая кусокъ говядины изъ щей, говорилъ толстякъ сосѣду, пившему квасъ, — совершенно не основательны всѣ эти нападки на нашихъ чиновниковъ въ таможнѣ. Милѣйшіе, учтивѣйшіе люди, довѣрчивые.

— Конечно, они деликатнѣе заграничныхъ.

— Меня всегда возмущали въ таможняхъ нѣмцы и французы! — увѣрялъ тотъ, который хвалилъ нѣмцевъ и французовъ, подъѣзжая къ русской границѣ.

— Все бабы сочиняютъ! Онѣ хотятъ, чтобы чиновникъ вѣрилъ имъ!.. Показываютъ кусокъ матеріи, а говорятъ, что это носовой платокъ.

— У меня галстуки, я прямо и сказалъ—у меня галстуки. И таможенные ясно поняли, что я не для торговли везу ихъ, а для подарковъ себѣ и дѣтямъ.

— Въ насъ сидитъ какой-то бѣсъ, — резонировалъ господинъ въ пенсне, — обрушиваться, будучи за границей, на все свое, отечественное, родное. А пріѣхали и хвалить начали. Вы вотъ увѣряли, что чиновники на таможнѣ злые, а теперь хвалите ихъ, смѣялись надъ щами и ихъ тяжестью, а всю тарелку съѣли.

— Попробовали бы побывать въ Америкѣ, — добавилъ коммерсантъ, — тамъ ничего не провезете, всѣ каюты перешарятъ. У меня при себѣ двое часовъ было, такъ за одни заплатилъ.

Двѣ дамы изъ числа недовольныхъ вошли въ буфетъ и приказали подать чаю.

— Нигдѣ въ Европѣ ничего подобнаго.

— Рыться на самомъ днѣ сундука...

— Недовѣріе! я говорила, что ничего особеннаго нѣтъ.

— А что нашли у васъ?

— Два куска матеріи.

— Двойную пошлину взыскали?

— Не посмѣли, я вѣдь не такая наивная и, видя, что матеріи найдутъ, заявила о нихъ сама.

— По принципу непріятно платить, мы вѣдь не модистки.

— Вообще платить непріятно!

— Далеко еще намъ до европейскихъ обычаевъ, до культурной деликатности.

— На слово не вѣрятъ.

— Еще хорошо, что у меня были деньги, а то пришлось бы въ Петербургѣ таскаться по таможнямъ.

— Не говорите!.. эти таможни въ столицѣ на краю свѣта... Нигдѣ въ Европѣ онѣ не отдалены такъ отъ центра.

Дамы продолжали восторгаться Европой и порицать придирчивость русскаго таможеннаго чиновника.

ВЪ ДЕРЕВНѢ

Двадцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, когда Иванъ Родіоновичъ и Павелъ Родіоновичъ — родные братья, разъѣхались изъ Петербурга.

Они подѣлили состояніе, оставшееся послѣ бабушки, и ликвидировали счеты со столицей. Старшій, Иванъ, гдѣ-то, для чего-то числившійся, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Парижъ.

Младшій, Павелъ, купилъ имѣніе недалеко отъ Москвы, хозяйничалъ, женился. У него дочь и сынъ, взрослые.

Иванъ Родіоновичъ и Павелъ Родіоновичъ другъ друга любятъ, но переписываются очень рѣдко, и при томъ больше на «вы». Они и разговариваютъ на «вы», иногда переходя на «ты».

Двадцать лѣтъ братья не видались, постарѣли порядкомъ, порастрясли состояніе.

Павелъ отъ Ивана получилъ краткую депешу: «Буду завтра, проѣздомъ изъ Виши въ Москву, у тебя. Вышли лошадей въ три часа. Иванъ».

Телеграмма произвела переполохъ. У Павла жена и дѣти, которыя никогда не видѣли родственника, и появленіе дяди Ивана волновало ихъ. Павелъ Родіоновичъ позаботился, чтобы приготовили хорошій обѣдъ и накрыли столъ на террасѣ, выходящей въ густую рощу.

Былъ іюль въ началѣ и стояли жаркіе дни, а около террасы, въ тѣни, чувствовалось и дышалось

свободнѣе. Только мухи не давали покою, несмотря на всѣ изобрѣтенія для ихъ уничтоженія... тучи мухъ летали у стола, покрывая его словно черной скатертью.

Лучшую комнату въ ремонтированномъ слегка барскомъ домѣ отвели, конечно, для гостя, перетащивъ къ нему самую мягкую мебель.

— Братъ любитъ комфортъ, — объяснилъ Павелъ женѣ Аннѣ Герасимовнѣ. — Прикажи положить ему коверъ изъ твоей комнаты, а столъ пусть у меня возьмутъ... На ломберномъ онъ заниматься не станетъ.

Еще наканунѣ, къ вечеру, для пріема все было готово. Павелъ приказалъ запрячь на другой день пару въ коляску, одиночку для багажа, зная, что всего багажа братъ съ собой не возьметъ, пославъ его прямо на Москву, или на Петербургъ.

Павелъ Родіоновичъ служилъ прежде въ гвардіи, по старой привычкѣ носилъ военную, полковую фуражку, одѣваясь въ русскую рубашку, шаровары, при высокихъ сапогахъ.

Дочь Настя, 12 лѣтъ, и сынъ Миша, 14 лѣтъ, загадывали между собой, привезетъ ли имъ дядя подарки изъ Парижа, а если привезетъ, то что именно.

Они его не знали, но слышали отъ отца, что онъ добръ и широкъ, готовъ отдать все, что у него есть.

— Пожалуйста, при дядя Иванѣ не накидывайтесь на кушанья за обѣдомъ, въ особенности ты, Миша... Всѣ гости замѣчали, съ какой жадностью ты набрасываешься на ѣду.

— Развѣ кто-нибудь жаловался?

— Никто не жаловался, конечно, но повѣрь, что замѣтили... въ прошлый разъ были земскій начальникъ и отецъ Матвѣй...

— Вотъ, мамочка, отецъ Матвѣй все и съѣлъ...

— Неправда, — набросилась на него Настя, — вы оба съѣли девять битковъ... не знаю только, кто четыре, а кто пять...

— Ну, ужъ кто бы говорилъ, а не ты, — отвѣчалъ Настѣ братъ. — Только ты больше насчетъ сладкаго... варенье фунтами глотаешь...

— Не вздумайте сказать дядѣ, — просила мать, — что у насъ въ домѣ крысы водятся... онъ можетъ уѣхать... онъ очень нервный...

— Пожалуйста, вотъ Придворная вода для куренья! — передалъ Аннѣ Герасимовнѣ мужъ склянку... Попрыскайте вездѣ!.. Братъ любитъ парфюмерію и хорошій запахъ. Онъ всѣ духи знаетъ и самъ пахнетъ, какъ дорогое мыло.

Изъ коляски вылѣзли братья Иванъ и Павелъ. Анна Герасимовна съ дѣтьми, а за ними прислуга встрѣчали гостя.

— Вотъ, братъ Иванъ Родіоновичъ, рекомендую вамъ, моя жена, мои дѣти... Когда ты уѣзжалъ въ Парижъ, я былъ одинъ. Полная перемѣна картины.

— Весьма радъ!.. Очень радъ!..

Иванъ поцѣловалъ руку женѣ брата и потрепалъ по головамъ дѣтей, произнося:

— Молодцы!.. Выросли какъ... совсѣмъ съ меня ростомъ... Учатся?

— Готовимъ ихъ прямо въ седьмой классъ гимназіи, Иванъ Родіоновичъ.

— Самое лучшее.. А то семи или восьмилѣтнее шатаніе въ гимназію—потеря времени! И жизнь всю надо ломать, везти въ городъ...

— Безъ того, братъ Иванъ, совсѣмъ все-таки не обойдешься... Учиться имъ придется... Ну, вотъ что, пойдемъ, я тебя сведу въ твою комнату, ты умоешься и давайте обѣдать.

— Пыль меня облѣпила.... Я быстро приведу себя въ порядокъ... Ждать не заставлю... Я за границей ни разу къ обѣду не опоздалъ...

— Иванъ Родіоновичъ, вы овощи любите?

— Особенно люблю. У меня вѣдь подагрическія явленія, и овощи рекомендуются...

— У васъ, попрежнему, всѣ болѣзни, а вотъ мы въ деревнѣ не знаемъ болѣзней!..

— Хотя докторъ, разумѣется, есть?

— Еще бы, земскій врачъ Перекрестовъ... отличный малый...

— Долженъ сказать вамъ, Павелъ Родіоновичъ, что я весьма и весьма окрѣпъ, несмотря на полвѣка. полсотни стукнуло!.. Окрѣпъ, подбодрилъ себя... Ну, я черезъ двадцать минутъ выйду къ супу.

Онъ взглянулъ на часы и ушелъ въ свою комнату, куда пронесли два блестящихъ чемодана, какіе можно видѣть только въ окнахъ магазиновъ.

И дѣйствительно, ровно черезъ двадцать минутъ показался Иванъ Родіоновичъ.

Всѣ ахнули.

Онъ былъ въ смокингѣ и лаковыхъ ботинкахъ.

— Братъ, Иванъ Родіоновичъ, да что ты! Въ смокингѣ?.. Да у насъ никто никогда этого костюма здѣсь не носилъ...

— Павелъ, я—Европа. Извини! Я тебѣ больше скажу: одинъ обѣдаю, у себя дома—зимой во фракѣ, лѣтомъ въ смокингѣ. Привычка, обычай, культура, по-вашему—дикость... Принято такъ!..

Онъ предложилъ руку Аннѣ Герасимовнѣ и провелъ ее на террасу, къ столу.

— Мухъ у насъ много. Иванъ... вотъ, видишь, и бумага и графинъ для нихъ... ничего не подѣлаешь...

— А надо завести заводные вентиляторы... колесо такое... Заведешь, оно вертится и мухи исчезаютъ... Американское изобрѣтеніе.

— Ну, гдѣ ужъ намъ... Мы нуждаемся въ болѣе насущныхъ изобрѣтеніяхъ, чѣмъ машины отъ мухъ.

— Славный супъ у тебя!.. Капустка, стручки, картофель, укропъ, питательно и здорово!.. Семь лѣтъ я суповъ не бралъ въ ротъ, а вотъ опять началъ... не могу!..

— Выглядите вы, дядя, прекрасно!—рѣшилась завести разговоръ Настя.

— И замѣтьте...

— Братъ Иванъ, ты хоть бы моимъ дѣтямъ говорилъ «ты».

— Представь, не могу... Европа... тамъ такъ все утонченно, деликатно... И замѣтьте, барышня, это послѣ дороги... утомился... А вотъ завтра я буду еще лучше смотрѣть!..

Иванъ Родіоновичъ накидывался на все, что подавали, и буквально обжирался, поминутно отдуваясь.

— Прекрасная, здоровая кухня, — похваливалъ онъ. — Только чуть-чуть тяжеловата... Не надо увлекаться...

— Ѣшь на здоровье!..

— Можетъ быть,—спросила Анна Герасимовна, — у васъ, Иванъ Родіоновичъ, есть наиболѣе излюбленныя кушанья? Вы намъ скажите... Поваръ у насъ хорошій, семь лѣтъ жилъ у уѣзднаго предводителя... готовилъ званые обѣды...

— Я, Анна Герасимовна, не привередникъ и кушаю рѣшительно все... Спасибо вамъ, но не думайте обо мнѣ. Заботы меня конфузятъ и стѣсняютъ...

Подали кофе, коньякъ, но въ бутылкѣ, какъ и вообще ко всѣмъ бутылкамъ, стоявшимъ на столѣ, никто не прикоснулся.

— Братъ, Павелъ Родіоновичъ, а вѣдь вы пивали много въ своей жизни... въ полку-то, помните? Подъ арестомъ сидѣли за буйство во хмелю.

— Преданье... теперь присягнулъ... трезвенникъ... въ ротъ не беру. Да вѣдь и ты шампанское хлебалъ...

— Хлебалъ, что говорить!.. Но теперь ни... ни... ни... Ревматизмъ, утолщеніе суставовъ, покалыванія тутъ и тамъ отучили отъ питья...

Онъ вздохнулъ.

— Хорошо у васъ тутъ... Есть что-то особенное въ русской усадьбѣ... ароматы.

— Въ комнатахъ мы курили для тебя Придворной водой, а здѣсь цвѣты и деревья.

— Куренье мнѣ понравилось... оно нѣжно и деликатно... я люблю... грѣшенъ, люблю хорошіе запахи... У меня есть модные, послѣдніе духи... креасьонъ отличнаго парфюмера... Я подарю Аннѣ Герасимовнѣ.

— Вы лишите себя, Иванъ Родіоновичъ...

— Чего другого, а парфюмеріи везу много... Парфюмерія и различныя снадобья, которыхъ здѣсь не найдешь... Я, братъ, тебѣ и всѣмъ твоимъ подарковъ не привезъ... Ну, что такое подарки!.. Я понимаю привезти что-нибудь практическое, нужное... а что всѣ эти бездѣлушки... Нельзя ли вотъ сюда, на стулъ, дать мой красный чемоданчикъ?..

— Сейчасъ чай подадутъ!..

— Сейчасъ, послѣ кофе?

— У насъ самоваръ вѣчно кипитъ...

— Такъ прикажи, Павелъ, дать сюда чемоданъ...

— Я прикажу! — закричалъ Миша, и радостно настроенный, въ надеждѣ что-нибудь заполучить, побѣжалъ приказать подать чемоданъ.

— Братъ, вѣдь ты бы завтра успѣлъ... Иванъ Родіоновичъ!..

— Павелъ не безпокойся... не чувствую никакой усталости. Отлично спалъ въ дорогѣ... хорошее мѣсто попало, не надъ колесами вагона.

— Тащи, Илья, сюда, тащи... зажигай подсвѣчники съ стеклянными колпаками, а то темно... Дя-

дюшка, не лучше ли въ комнату? Вамъ не сыро?— безпокоился Миша.

— Напротивъ... вечеръ на рѣдкость...

Илья поставилъ около Ивана Родіоновича чемоданъ и зажегъ двѣ свѣчки. Иванъ Родіоновичъ открылъ чемоданъ съ ключемъ и фокусомъ и рылся въ немъ, вынимая какіе-то сверточки, коробочки скляночки.

Настя и Миша старались запустить глаза въ эти сокровища, но, видимо, конфузились и отворачивались при взглядѣ матери.

— Чего тутъ только нѣтъ... необыкновенно вмѣстительный чемоданъ, добросовѣстно устроенный англичаниномъ... Анна Герасимова, парфюмерія у меня въ другомъ сундукѣ... поэтому духи для васъ послѣ выну... славные духи...

— Иванъ Родіоновичъ, пожалуйста, не безпокойтесь!..

— Нарочно везъ для васъ... А это вотъ разные предметы!.. Ахъ, вотъ... братъ Павелъ... вотъ это для тебя... пилюли отъ безсонницы, спеціальность англійской аптеки въ Парижѣ...

— Иванъ, я отлично сплю...

— Но я прекрасно помню, ты мнѣ писалъ, что страдаешь безсонницей...

— Это случилось 11 лѣтъ назадъ и продолжалось всего четыре дня.

И вотъ, это тебѣ поможетъ... спрячь и береги .. Испытанное средство .. выручитъ!..

— Спасибо... пусть полежатъ.. давай сюда!..

— Ты писалъ мнѣ, однажды, что у дочери твоей есть голосъ..

Я пою романсы, дядя... вы мнѣ ноты хотите дать?

— Нѣтъ .. Я тебѣ привезъ популярныя парижскія лепешки для пѣвцовъ и пѣвицъ... Чудеса объ нихъ говорятъ... Отъ 3-хъ до 5-ти въ день... Тутъ эйкалиптъ... Удивительно.

— Мерси, дядя!..

Она сунула коробочку въ карманъ, не ожидая подобнаго подарка.

— Анна Герасимовна, не пригодится вамъ... кремъ для бѣлизны кожи .. я его самъ употребляю... лучшій... быстро дѣйствующій... Отчего у васъ, Миша, правая щека немного припухла? Муха укусила?

— Зубъ болѣлъ вчера.

— Да? Ну, такъ вотъ и вамъ подарокъ... Зубная паста, американская. Здѣсь ничего подобнаго не найдете... Держите!.. Бралъ Павелъ!.. Я тебѣ дамъ баночку цинковой мази... случалось тебѣ видѣть нашу цинковую мазь? Совсѣмъ другое!.. Ахъ, какая тамъ фармакопея... Настя... вамъ еще презентъ... мыло отъ укусовъ насѣкомыхъ, напримѣръ, комаровъ... берите... у меня запасъ... я купилъ для деревни...

— Аптеку везете, братъ Иванъ Родіоновичъ!..

— Ненавижу лѣкарства!.. Но это, Павелъ Родіоновичъ, такія средства, которыя требуются не больнымъ, а здоровымъ. Разрѣшите, Анна Герасимовна... вамъ пластырь-коллодіумъ... незамѣнимая вещь... Укололи или разрѣзали руку...

— Братъ, ты насъ засыпалъ подарками...

— Павелъ трунитъ надо мной, а между тѣмъ тутъ безполезныхъ предметовъ нѣтъ. Хочешь, Павелъ, я тебѣ удѣлю половину банки вотъ этого уксуса для туалета?..

— Нѣтъ ужъ, Иванъ, довольно!.. Спасибо за пилюли!.. Ты одного не хочешь понять, что мы совершенно здоровы, бодры, живемъ въ деревнѣ, дышимъ отличнымъ воздухомъ, не сидимъ въ душныхъ театрахъ. Мы здоровы и лѣчиться не любимъ.

— Предосторожность никогда не излишняя... наконецъ...

— Очень тебѣ благодарны, а знаю, ты это отъ души, но мы спимъ безъ пилюль, цвѣтъ лица у всѣхъ хорошій, комаровъ не боимся. Ты деревни не

знаешь... поживи съ нами, ты выбросишь весь чемоданъ съ этой дрянью.

— Развѣ я противъ деревни? повѣрь, я отлично ее знаю, но почему же и здѣсь въ деревнѣ не прививать европейскую культуру, для Россіи нужна гигіена, Россія гибнетъ отъ заразы... А между тѣмъ у меня есть удивительное антисептическое средство

— Иванъ, избавь насъ отъ твоей аптекарской культуры... Мы свободно дышимъ, полной грудью... Да сними ты хоть смокингъ-то!

— Ты и я — два полюса! любимъ мы другъ друга, братъ Павелъ Родіоновичъ, но время... эти 20 лѣтъ сдѣлали насъ совершенными противоположностями.

— Ты культура, а мы невѣжество! не сердись, дай я тебя обниму, Иванъ Родіоновичъ. Что ты изъ себя сдѣлалъ! залѣчился.

— Не хочетъ понять, что я не лѣчусь, а предупреждаю нежелательныя явленія.

— Смерть не люблю я эту Европу...

— Какую?

— А вотъ съ латинской кухней. Я тебя завтра ботвиньей накормлю! лучше всякихъ пилюль. Послѣ завтра—гусемъ угощу съ яблоками, потомъ блинами! И смокингъ твой куцый къ чорту! Надѣнь завтра мою поддевку!

Иванъ Родіоновичъ отъ души смѣялся.

ПОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ

Утро. Пробило девять часовъ. Въ передней позвонили, и минуту спустя въ спальню Леонида Ивановича вошелъ здоровенный массажистъ Либе, аккуратный какъ хорошіе часы. Леонидъ Иванычъ только-что открылъ глазки, заплывшіе слегка жиромъ, думалъ повернуться и опять захрапѣть, но видя передъ собой фигуру аккуратнаго массажиста, зѣвнулъ.

— Прошу подвинуться на край постели — началъ обычными словами свой сеансъ Либе, снявъ сюртукъ и растирая въ рукахъ вазелинъ.

— Прошу! — не препятствовалъ Леонидъ Иванычъ.

И пошла писать губернія. Леонидъ Иванычъ охалъ, кряхтѣлъ, но сознавая пользу, достигаемую массажемъ, нѣтъ-нѣтъ да и улыбался. Либе мялъ его, давилъ и тоже пыхтѣлъ и кряхтѣлъ.

— Главное кишечникъ! — указывалъ Леонидъ Иванычъ.

— Будьте спокойны, ужъ онъ у васъ значительно понравился. Мягкость.

— Сорокъ восемь лѣтъ прожилъ безъ всякихъ леченій, а подъ пятьдесятъ кишечникъ ослабѣлъ, подгонять его надо. Многихъ вы сегодня массировали?

— Четырехъ.

— Результаты?

— Вездѣ прекрасные! у одного въ мѣсяцъ брюшко наполовину пропало.

— Такъ мнѣ нахвалили этотъ массажъ, что пришлось ухватиться за него. Между ребрышками тоже слегка...

— Захватилъ!

— И сколько времени продолжается такой курсъ массажа? мѣсяцъ, два и болѣе?

— Обыкновенно всю жизнь!

— Какъ всю жизнь?

— Кто началъ, тотъ рѣдко кончаетъ. При здѣшнемъ климатѣ, когда трудно много гулять, массажъ всѣмъ необходимъ. Повернитесь на спинку.

— Всю жизнь, но вѣдь это съума сойдешь. Глаза продерешь и изволь мять кишечникъ, потомъ печенку.

— Является бодрость, исчезаетъ вялость.

— Да у меня никакой вялости! Мнѣ всѣ завидуютъ.

— Вы полны и безъ массажа обходиться трудно.

— Отчего не поспустить жирокъ, но потомъ...

— Вы спустите его, сдѣлаете антрактъ, а животикъ опять увеличится. Подгонять надо его, чтобы не увеличивался.

— О, Господи! каждый день превращаюсь въ какой-то кусокъ тѣста.

Сеансъ окончился, массажистъ надѣлъ сюртукъ и ушелъ, проговоривъ «до завтра». Леонидъ Иванычъ всталъ, выпилъ стаканъ кофе, пробѣжалъ газеты и направился къ парикмахеру. Онъ любилъ выглядѣть покрасивѣй.

Парикмахеръ причесывалъ его и остановился задумавшись.

— Ну, что же вы, Пьеръ?

— Сѣдыхъ то, сѣдыхъ-то, страсть!

— Откуда вы ихъ взяли!—поразился Леонидъ Иванычъ.

— Все сѣдыя и падаютъ... Нужно мѣры принять.

— Какія?

— Два раза въ недѣлю употреблять лосьонъ съ нефтью, а сѣдые придется подтемнять... Вамъ неловко быть сѣдымъ.

— И вѣдь всего сорокъ восемь лѣтъ! Отчего бы, кажется! И что же, отъ этого лосьона паденіе волосъ скоро остановится?

— Уходъ нуженъ постоянный, до самой смерти!

— Скажите, какая непріятность, а вѣдь ничего не подѣлать... Быть лысымъ или сѣдымъ я вовсе еще не склоненъ. Какъ скучно, какъ тяжело, однако, всю жизнь — лосьонъ и краситься. Прежде ничего этого не было, отлично сохранялся...

Уговорившись съ парикмахеромъ на счетъ указанныхъ послѣднимъ операцій, Леонидъ Иванычъ пошелъ за какой-то справкой въ одинъ изъ департаментовъ министерства финансовъ, который помѣщается чрезвычайно высоко. Рядомъ съ нимъ поднимался молодой, розовый военный докторъ.

А вы не торопитесь! — обратился ласково розовый докторъ къ Леониду Иванычу.

— А что?

— У васъ одышечка.

— Но я поднимаюсь совершенно легко и могу даже еще скорѣй! Посмотрите!

Онъ храбрился и старался прыгать черезъ ступеньку.

— Не хорошо! надо беречься, вашъ возрастъ...

— Но я никогда не хворалъ и дышу свободно.

— Одышечка! ожирѣнье.

— Ахъ, чортъ ее возьми! да что же, отъ нея можно избавиться?

— Извѣстный режимъ, не торопиться, не...

— И продолжительный режимъ?..

— Да ужъ это до самаго конца.

— Т. е., что вы подразумѣваете подъ концомъ? излѣченіе?

— Нѣтъ! финалъ вообще... ad patres!
— Вѣчный режимъ?
— А непремѣнно!
— Для чего же жить въ такомъ случаѣ?
— Умирать непріятнѣе.
— Благодарю васъ во всякомъ случаѣ... Уфъ!
— Вотъ видите, какая одышка.
— Хоть бы провалился этотъ докторъ, — подумалъ Леонидъ Иванычъ, — вотъ привязался! Смущаетъ только.

Ѣдетъ онъ однажды изъ театра въ клубъ и чувствуетъ, что палецъ на ногѣ покалываетъ и вообще ноги ломитъ.

Въ клубѣ Леонидъ Иванычъ увидѣлъ четырехъ врачей, сражавшихся въ винтъ.

— Сколько ученыхъ людей! — сказалъ онъ, протягивая докторамъ поочереди руку.

— А, здравствуйте! ну, что... откуда? — отвѣчали голоса сосредоточенныхъ игроковъ.

— Изъ театра. А вотъ, господа ученые, покалываетъ у меня на ногѣ палецъ. Что это, къ непогодѣ, что ли?

— Къ подагрѣ — мимоходомъ произноситъ первый врачъ.

— Не кушайте чернаго мяса, не пейте вина много, не ѣшьте вообще много. Излишества не хороши! — добавилъ другой врачъ съ длинной сѣдой бородой.

— Ага, нужно, слѣдовательно, сѣсть на діэту, недѣли на три.

— Лучше навсегда, вѣрнѣе будетъ. Дичи не кушайте, дичь особенно вредна для такихъ, какъ вы.
— А я какой же?
— Артритикъ, ясно...

— Я вашихъ нынѣшнихъ болѣзней и не знаю... Понимаю простуду, ломоту, лихорадку...

— Сосудики у васъ не того, вѣроятно... хрупки.

Іодъ пейте противъ склеротическихъ явленій... бутылочекъ по пять, дважды въ годъ.

— Но я совсѣмъ здоровъ.

— Страховка необходима отъ несчастныхъ случаевъ.

— Пейте іодъ всю жизнь и самочувствіе будетъ жизнерадостное.

— Вы шутите, господа медики! Хороша жизнерадостность — пить всю жизнь іодъ. Жилъ и веселился, работалъ и обезпечилъ себя, и вдругъ пей іодъ до конца дней своихъ. Сласть какая! А бодрость мою вы ни во что не ставите?

— Ни въ грошъ! — смѣясь, замѣтилъ толстый докторъ. — Не хотите слѣдовать дружескимъ совѣтамъ — живите, какъ я: никакихъ лекарствъ и режимовъ!.. только другимъ ихъ прописываю и и предписываю.

— Вотъ это я понимаю!

— И знаю, что скоро умру!

— Я этого совсѣмъ не хочу.

— Тогда страхуйтесь... Мѣшаете вы намъ играть, ошибку сдѣлалъ... экая досада! Имущество вы страхуете отъ пожара, страхуйте себя отъ преждевременной кончины! Отойдите, опять глупость.

— Въ самомъ дѣлѣ, Леонидъ Иванычъ! отойдите, милѣйшій.

Каждый день почти Леонидъ Иванычъ натыкался гдѣ-нибудь на совѣты. Это его тревожило, а еще больше удивляло, потому что онъ хотя и жаловался, но считалъ себя здоровякомъ, которому ни режимы, ни лекарства, ни воды, ни гимнастика не нужны. Онъ въ молодые годы не разъ выпивалъ чуть не по полдюжинѣ бутылокъ шампанскаго и держался на ногахъ. Мало того, дирижировалъ въ такомъ видѣ оркестромъ въ увеселительномъ саду. У него прорывалась страстишка въ пьяномъ видѣ дирижировать. Потомъ Леонидъ Иванычъ остепенился, кутилъ сдержаннѣе, дѣлалъ дѣла, ухажи-

валъ за прiѣзжими иностранками, не находя въ русской женщинѣ потребной веселости.

Не угодно ли перемѣнить подобный удалой режимъ на гимнастику, iодъ, бѣлое мясо, спокойствiе и пр.

— Бросьте вы думать о леченiи! — урезонивалъ Леонида Иваныча знакомый. Ходите ежедневно не менѣе шести верстъ въ день и больше ничего. Почувствуете себя великолѣпно. Я живу на Крестовскомъ островѣ и ежедневно, несмотря ни на какую погоду, туда и назадъ хожу пѣшкомъ. Посмотрите, плохъ, что ли?!

— 180 верстъ въ мѣсяцъ.

— Даже для вѣрности скажемъ до 200 верстъ.

— Вѣдь это каторжная работа для меня.

— Лучше, чѣмъ давать себя мять на кровати, да пичкать произведенiями латинской кухни.

— Не могу, не могу... хочу жить, какъ жилъ! у меня нѣтъ болѣзней, можетъ быть онѣ будутъ, но теперь нѣтъ. Я не долженъ вѣрить никому. Посудите сами, если отказаться отъ всего, что соблазняетъ, лечиться всю жизнь, такъ какая это будетъ жизнь! Я здоровъ, совершенно здоровъ.

Безусловная вѣра въ свое здоровье и одновременно вѣра поколебленная боролись въ немъ. Съ одной стороны отличное самочувствiе, съ другой стороны развивающаяся мнительность, подозрительность. Не начни онъ дѣлать массажа, возбуждать кишечникъ, можетъ быть жизнь текла бы по-старому, хорошо, улыбаясь. Вздумалъ онъ поправить кишечникъ, какъ потребовался будто бы болѣе сложный ремонтъ, обновленiе и страховка организма. И вскорѣ все разрослось въ какую-то грандiозную болѣзнь, предстоитъ борьба съ этой болѣзнью, отъ которой то въ глазу колетъ, то ногу ломитъ, то сердце бьется не такъ, какъ надо ему биться.

У Леонида Иваныча есть близкій другъ, ровесникъ, который думаетъ о себѣ, что жизнь его прожита, что наступаетъ конецъ. Онъ постоянно внушалъ свое разочарованіе Леониду Иванычу, въ которомъ бьетъ еще ключъ полной жизни, несмотря на описанныя обстоятельства, вѣчныя запугиванія и незначительное недомоганіе.

— Странное дѣло, — говорилъ Леонидъ Иванычъ этому другу, — если довѣриться медицинѣ и человѣческому опыту, я взялъ отъ жизни свое и долженъ только думать, что мнѣ можно и чего нельзя, и такъ прозябать. А я живу и все мнѣ можно и знать не хочу. По-старому...

— Не радуйся, Леонидъ Иванычъ, мы больны, у насъ съ тобой одна болѣзнь, подлая, самая жестокая, неизлечимая... Называется она «подъ пятьдесятъ»! Какъ ни храбрись...

— Да убирайся ты прочь съ своимъ мракомъ, душишь ты меня! Подъ пятьдесятъ! развѣ это такъ много?

— Да ты въ зерало посмотри, ну, какіе мы, куда намъ тянуться за другими, за крѣпкими, здоровыми.

— Говори ты это о себѣ самомъ, не обобщай.

— Подъ пятьдесятъ — плохо, братъ! У меня вонъ и нижняя челюсть какъ будто отвисаетъ и носъ острѣе сдѣлался.

— Ну, и чортъ тебя возьми! вѣдь ты неврастеникъ, какихъ тысячи...

Не долго, однако, Леонидъ Иванычъ боролся съ опутывавшими его, какъ паутина, случайными медицинскими совѣтами, наставленіями и т. д. Онъ сдался. Онъ скоро увѣровалъ, что дѣйствительно хилъ, старъ, весь развинченъ. Началъ серьезно

лечиться, превратился въ мнительнаго человѣка и открываетъ въ себѣ все новыя и новыя болѣзни.

— Подъ пятьдесятъ! ничего не подѣлаешь! — жалуется онъ. — Въ дѣйствительности его недугъ въ томъ и заключался, что онъ не устоялъ, духу, характера не хватило, рано началъ лечиться... Попалъ подъ вліяніе этой модной эпидеміи.

ВЪ ЛАВКѢ СТАРИННЫХЪ ВЕЩЕЙ

Въ маленькой, грязной лавченкѣ, заваленной хламомъ, роются коллекціонеры. Хозяинъ Никодимъ Никодимовичъ даетъ объясненія, поглядывая порою зорко на незнакомца, который представляется ему подозрительнымъ и способнымъ сунуть въ карманъ чашку или фигурку для пополненія своей коллекціи.

— Васъ что интересуетъ, — пытаетъ хозяинъ даму, отъ которой по всей лавкѣ разливается ароматъ дорогихъ духовъ.

— Я люблю бисеръ, интересуюсь театральными предметами.

— Вѣерокъ не угодно-ли?.. Рашели принадлежалъ... Рашель изволите знать?

— Но какія доказательства? Позвольте, позвольте... вы говорили мнѣ недавно, что это вѣеръ актрисы Асенковой?

— Знатоки смотрѣли... Вѣеръ Рашели... Халатъ есть Щепкина, комодъ Каратыгина...

— А бюстовъ нѣтъ?

— Одинъ только... вотъ съ...

— Александръ Македонскій?

— Основатель русскаго театра Волковъ.

— Вы ошибаетесь... по моему — это Македонскій!

— Они похожи — это такъ-съ... но тутъ подпись есть карандашомъ.

— Подписать не трудно...

— Карандашъ старый, теперь такого нѣтъ.

— Сколько стоитъ этотъ диванъ, — любопытствуетъ незнакомецъ.

— Сто.

— Такъ дорого?

— Графу Милорадовичу принадлежалъ, а другіе говорятъ, что Пушкинскій.

— А чашка?

— Чашка десять рублей, потому что безъ ручки... Елизаветинское время... Будь ручка, за двѣ сотни не отдалъ бы.

— Что вы сочиняете?

— Купилъ у такого человѣка, который не ошибется.

— Нѣтъ ли у васъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ музыкѣ, къ композиторамъ?

— Вотъ-съ... халатъ Глинки.

— Вы сейчасъ увѣряли, что это халатъ Щепкина.

— Извините, ошибся. Точно, что это халатъ Глинки, купленъ въ Эртелевомъ переулкѣ, гдѣ Глинка жилъ. А то есть еще халатъ...

Волковъ или Македонскій? — интересовалась надушенная дама.

— Ручаюсь вамъ, что Волковъ.

— Что это за картина?

— Говорятъ, Рембрандтъ, купилъ въ Ковнѣ.

— Бюсты есть?

Два, но оба безъ носовъ... судя по костюмамъ, какіе-нибудь артисты, и позы такія...

— А носовъ нѣтъ совсѣмъ или они цѣлы?

— Носовъ нѣтъ, придется заказать... Вѣдь это не порокъ-съ... Я недавно одинъ носъ продалъ за сорокъ рублей!

— Кому же понадобился носъ отъ бюста?

— Московскому коллекціонеру понравился... Я, говоритъ онъ, къ этому носу все остальное придѣ-

лать закажу. Въ носѣ стиль замѣтенъ настоящій... Александровская эпоха.

— У васъ нѣтъ случайно кровати краснаго дерева?

— Кровать есть... Надо думать, что она Бирону принадлежала... Интересная вещь...

— А гдѣ она у васъ?

— Я самъ теперь сплю на ней, но во всякое время могу уступить... Она у меня на квартирѣ... У родни Бирона купилъ. Вотъ позвольте предложить...

— Что за штука?

— Перстень Олега. Самъ показывалъ археологамъ. Объ немъ писать въ газетахъ будутъ.

— Гдѣ вы могли достать его? Перстень, какъ перстень.

— У потомковъ Олега купилъ въ провинціи. И такъ скажу, никогда бы мнѣ его не купить, если не нужда у нихъ была. За долги описывали, а я ихъ спасъ. Извольте видѣть...

— Ничего не вижу.

— А вотъ лупу возьмите и пристально смотрите въ одно мѣсто.

— Ничего не вижу и въ лупу.

— А вотъ здѣсь-то ясно — буква О. Олегъ. Про него пѣснь извѣстная написана. У меня была еще шкатулка его же. Въ Москву купили, нарочно пріѣзжали. Щукинъ опоздалъ на три съ половиной минуты, а то бы его была. Пикантности васъ не интересуютъ?

— И смотрѣть не хочу.

— Извините, а только есть очень большіе любители и любительницы. Поповскій фарфоръ не желаете?

— А есть поповскій?

— Двѣ ножки лошадиныя сохранились и подставка съ клеймомъ.

— Ну что вы предлагаете лошадиныя ножки, да еще только двѣ. Лошадь о двухъ ногахъ.

— Можно будетъ подобрать еще парочку ножекъ.

— Сохранившихся фарфоровыхъ вещей нѣтъ?

— Цѣлыхъ не имѣю, все продано въ Москву, Москва платитъ много дороже и болѣе понимаетъ. У меня недавно пріобрѣли амура съ львенкомъ... только половины львенка не доставало... тысяча рублей. Нумизматика васъ не соблазняетъ?

— Ничего рѣдкаго у васъ не вижу.

— Есть двугривенный, лѣтъ 900 ему... Я второго такого не видѣлъ. Хочу въ Лондонъ послать, тамъ платятъ страшныя деньги.

— Что новенькаго? спросилъ вошедшій полковникъ.

— Халатъ Аракчеева васъ не интересуетъ? — шепнулъ онъ ему.

Онъ указалъ на халатъ Волкова и Глинки.

— Вѣдь это вашъ халатъ! Вы прошлый разъ вышли въ немъ ко мнѣ.

— Продувало, такъ накинулъ на себя. Могу завѣрить, что съ Аракчеевскихъ плечъ, по начинкѣ ватной видно... совсѣмъ старинная стежка, и вата янтарная, а не бѣлая. отъ времени пожелтѣла.

— Не купите-ли шесть старинныхъ серегъ, двѣ ложки и четыре фигурки —раздался голосъ высунувшаго въ дверь свой носъ субъекта. Покупатели сдѣлали движеніе, какъ бы желая посмотрѣть эти вещи, но хозяинъ прошелъ въ уголъ, осмотрѣлъ вещи, оказавшіяся очень хорошими и тихо сказалъ продававшему ихъ.

Полтинникъ гуртомъ.

— А крестъ на груди носите?

— Сколько же... ну, хочешь шесть гривенъ?

— Десять рублей ..

— Сумасшедшій... пять рублей бери и убирайся.

— Ни гроша.

— Еще пожалуй краденое.

— Не берите, я напротивъ снесу.

— Ну, шесть хочешь!

— Ни копѣйки.

— Мерзавецъ, хочешь обобрать. У кого укралъ?

— Краденнымъ не торгую.

Вошелъ толстѣйшій господинъ, едва не завязшій между дверями...

— Чѣмъ могу служить?

— Я собираю историческіе предметы...

— Позвольте предложить халатъ боярина Матвѣева. — Онъ снова указалъ на халатъ Волкова Глинки и Аракчеева.

ШКОЛА

— Учительница школы изъ Мазухина прiѣхала съ вашего разрѣшенiя и проситъ ваше превосходительство принять ее... доложилъ Ивану Павловичу Червонину лакей.

— Вотъ ужъ не во время, -поморщился Иванъ Павловичъ, — у меня столько дѣлъ. Попроси ее завтра зайти?..

— Въ которомъ часу?

— Постой... ну хорошо, позови ее, а то неловко, я попечитель этой народной школы, а ни разу еще не былъ въ имѣнiи... можетъ быть назрѣли вопросы... попроси ее.

Иванъ Павловичъ подошелъ къ зеркалу, поправилъ галстукъ, погладилъ сѣдую бороду и снова сѣлъ къ письменному столу. Отворилась дверь и вошла учительница Сидорова въ скромномъ черномъ платьѣ застѣнчивая, робкая.

— Сидорова, ваше превосходительство.

— Ахъ, очень радъ... пожалуйста... прошу васъ.

Онъ пододвинулъ кресло, предложивъ ей сѣсть.

— Вы сегодня прiѣхали?

— Вчера вечеромъ, Иванъ Павловичъ, но не рѣшилась васъ безпокоить.

— Гдѣ же вы остановились... простите... забылъ ваше имя и отчество?

— Катерина Ивановна.

— Гдѣ же вы остановились, Катерина Ивановна?

— Въ Пушкинской. Дороги очень комнаты въ Петербургѣ... клѣточка, ваше превосходительство, рубль въ сутки.

— Это вы находите дорого, а вы бы спросили, что стоитъ комната въ хорошемъ отелѣ? двѣнадцать рублей... т. е. я говорю о комнатѣ средней, приличной... не хорошей, а только приличной! Катерина Ивановна, вы пожалуйста не стѣсняйте себя... въ кои-то вѣки пріѣхали въ Петербургъ и стѣснять себя... Я васъ выписалъ и прошу объ экономіи не думать.

— Да мнѣ отлично. Зачѣмъ мнѣ большая комната. Два-три дня пробуду, хочется столицу посмотрѣть.

— Вы возьмите таксомоторъ и прикажите васъ возить.

— Я никогда на нихъ не ѣздила, да и зачѣмъ мнѣ, на трамваѣ великолѣпно... чего же лучше... мечтать о лучшемъ сообщеніи нельзя.

— Мнѣ говорили, что на трамваѣ очень хорошо ѣздить и я даже собираюсь какъ-нибудь ознакомиться съ этимъ ощущеніемъ. Пожалуйста, Катерина Ивановна, возьмите таксомоторъ или я вамъ лошадей пришлю.

— Помилуйте, ваше превосходительство, зачѣмъ онѣ мнѣ. Я буду пѣшкомъ ходить. Столько интереснаго. Я первый разъ въ Петербургѣ.

— Тѣмъ болѣе надо все осмотрѣть.

— Музеи хочется осмотрѣть, всѣхъ, конечно, не успѣешь...

— Музеи у насъ, говорятъ, отличные... каюсь, что я, несмотря на мое желаніе, не имѣлъ времени ознакомиться съ этими просвѣтительными учрежденіями... но непремѣнно осмотрю музеи. Какъ у васъ погода?

— Въ Мазухинѣ весна полная... очень жаль, что вы не пріѣзжаете, забыли насъ.

— Не вырвусь... вѣдь я одинъ, жена все время заграницей... дѣла, масса вопросовъ неразрѣшенныхъ и назрѣвшихъ.

— А вотъ мнѣ поручили звать васъ пріѣхать... пятилѣтіе школы приближается... обрадовали бы, заглянувъ къ намъ...

— Хочется, очень хочется... мнѣ совѣстно... надѣюсь, на этотъ разъ я урвусь... А то, думаю, вы удивлены!—попечитель и глазъ не показываетъ.

— Мы такъ вамъ благодарны за вашу доброту, но всѣмъ учителямъ хотѣлось бы поблагодарить васъ лично, познакомиться.

— Приложу всѣ старанія... Надо, разумѣется, достойнымъ образомъ отпраздновать это пятилѣтіе... Обѣдъ надо устроить, представителей земства, администрацію пригласить...

— Мы васъ ждемъ, позвольте намъ привѣтствовать васъ...

Нѣтъ, нѣтъ, именно я желаю всѣхъ благодарить. Вотъ видите ли, Катерина Ивановна... я долженъ распредѣлить мое время... чтобы отпустить въ Мазухино моего повара.

— А зачѣмъ онъ намъ?

— Какъ же, обѣдъ и безъ повара?

— Что вы, Иванъ Павловичъ!.. у насъ кухарка въ школѣ очень порядочная... конечно, вамъ угодить ей трудно...

— Непремѣнно повара... ужъ вы позвольте мнѣ распорядиться... сервировку, все... все онъ привезетъ.

— Вы насъ только стѣсните, ваше превосходительство, развѣ мы привыкли къ такой роскоши, вѣдь мы люди простые, нетребовательные.

— Я готовъ быть у васъ, но, такъ сказать, оффиціальный обѣдъ необходимъ, и я долженъ чествовать васъ, какъ моихъ дорогихъ сотрудниковъ...

— Очень благодарны, но только...

— И запросто... безъ парадныхъ туалетовъ, безъ фрака и даже смокинга... по-деревенски.

— Да что вы, Иванъ Павловичъ!—у насъ фрака ни у кого и нѣтъ... фракъ можетъ сдѣлать себѣ богатый человѣкъ.

— Вотъ и отлично... пусть совсѣмъ по-домашнему... я люблю простоту. Этикетъ мнѣ здѣсь достаточно надоѣлъ!

— Ужъ пріѣзжайте...

— Я думаю, что пріѣду... мнѣ хочется. Я вотъ съ вами поговорилъ о школѣ, о народномъ образованіи, и меня потянуло... потянуло туда въ Мазухино Ахъ, какъ давно я не видалъ его. Еще со дня кончины маменьки... это почти шесть лѣтъ... мнѣ не пришлось заѣхать. Я даже не видѣлъ зданія моей школы! Ахъ, да... что-то я хотѣлъ еще вамъ сказать... Если обѣдъ?.. ну, положимъ часть провизіи мы найдемъ въ Мазухинѣ... Меню можно отпечатать здѣсь... вина отсюда, изъ моего погреба.

— Не страшите насъ, Иванъ Павловичъ... зачѣмъ намъ такая роскошь?.. два-три блюда, квасъ у насъ отличный, пиво можно подать... Только сами-то пріѣзжайте... Мы для васъ концертъ устроимъ, у насъ хорошій хоръ изъ ребятишекъ... отецъ діаконъ руководитъ имъ!

— Ну, а какъ у насъ вообще въ Мазухинѣ и въ частности въ школѣ?

— Что — вообще?

— Броженій не замѣтно?.. тихо?..

— У насъ всегда тихо... работаемъ, стараемся... занимаемся своими дѣлами...

— Проявленій этакихъ нѣтъ?.. знаете, слѣва?..

— Иванъ Павловичъ, ручаюсь вамъ... спросите у батюшки, у всѣхъ...

— Да, да, это отлично... вы знаете, какъ я сочувствую народному образованію, и было бы больно...

— Вотъ вы боитесь, ваше превосходительство, а сами не пріѣзжаете провѣрить, приглянуться ко всѣмъ и ко всему.

— Я вѣрю, я всѣмъ вѣрю... у меня управляющій очень порядочный человѣкъ.

— Макаръ Петровичъ навѣрное вамъ пишетъ?

— Самъ былъ недавно... онъ мнѣ разсказывалъ, что у васъ все поставлено отлично и вотъ именно васъ мнѣ одобрялъ... вы, говорилъ онъ, покоя не знаете и всѣ васъ любятъ. Очень, очень вамъ благодаренъ.

Онъ привсталъ и пожалъ ей руку.

— Мнѣ бы хотѣлось, Иванъ Павловичъ, обстоятельно разсказать вамъ о внутренней жизни школы, о занятіяхъ, объ учащихся, какъ всѣ благодарны, признательны вамъ!..

— Скажите, а что въ школѣ есть хорошій глобусъ?

Сидорова удивленно посмотрѣла на него.

— Обыкновенный глобусъ... какой же еще намъ нуженъ?

— Я былъ въ Германіи на выставкѣ и видѣлъ тамъ удивидительный глобусъ... такой большой и съ выпуклостями.

— Къ чему онъ намъ... вотъ для столярныхъ работъ полезно бы станокъ и инструменты пріобрѣсть... въ свободное время пріучать дѣтей къ ремеслу...

— Это необходимо... это вы составьте смѣту... если нужна постройка специально для этого, я прикажу выстроить. Физическій трудъ такъ важенъ, такъ нуженъ въ нашъ неврастеническій вѣкъ. Вотъ тоже танцы?

— Что танцы?

— У васъ не преподаютъ танцы?

— Зачѣмъ же деревенскимъ дѣтямъ танцы, ваше превосходительство! ни къ чему.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, я принципіально... я понимаю, что для нихъ танцы не нужны, но какъ вообще танцы развиваютъ тѣло и духъ человѣка. Я готовъ все сдѣлать для моей школы.

— А главное, обѣщайте пріѣхать, посмотрѣть лично. Васъ это заинтересуетъ, увлечетъ, нельзя не увлечься школьнымъ дѣломъ.

— Не сомнѣваюсь, но вы не знаете, Катерина Ивановна, моей жизни... вѣдь у меня шесть имѣній, вѣдь это цѣлое государство, и все я... я долженъ слѣдить, направлять... Здѣсь у меня чуть не десять благотворительныхъ обществъ, служба, комиссіи, засѣданія, театры. Я искусства люблю. Безъ искусства, Екатерина Ивановна, жизнь мертва. Они облагораживаютъ человѣка. У васъ въ школѣ театра нѣтъ?

— Мы устраивали любительскій спектакль, веселились на праздникахъ. Пріѣзжало много сосѣдей.

— Прекрасно, прекрасно... можно бы устроить постоянный театръ. Ахъ, вотъ кстати. Вы въ балетѣ никогда не были?

— Вѣдь я изъ деревни не выѣзжала никуда, ничего не видѣла. Музеи хоть бы осмотрѣть.

— Музеи осмотрите и въ балетѣ побывайте, я вамъ уступлю мое кресло... обязательно посмотрите. Мнѣ интересно знать, какое это произведетъ на васъ впечатлѣніе.

— Платья у меня хорошаго нѣтъ, у васъ для театровъ надо одѣваться пышно.

— Васъ никто не знаетъ... Можете вотъ въ этомъ туалетѣ идти въ балетъ... у меня хорошее кресло.

— Меня также интересуютъ здѣшнія городскія читальни и библіотеки, организація ихъ... можетъ быть современемъ у насъ откроемъ... система любопытна.

— Посмотрите... а балетомъ не брезгайте. Лучше пробыть въ Петербургѣ три-четыре дня лишнихъ, но видѣть все.

— Я васъ не задерживаю, ваше превосходительство, можетъ быть назначите мнѣ, когда придти и поговорить спеціально о школѣ?

— Вы меня такъ захватили вашимъ разговоромъ, что я готовъ слушать и слушать, а затѣмъ милости прошу... ну, хоть завтра, пріѣзжайте къ обѣду и будемъ говорить.

— Я вамъ прислала отчетъ о дѣятельности нашей школы, Иванъ Павловичъ... я все подробно написала.

— Какъ же, какъ же... я получилъ, глубоко признателенъ вамъ, Катерина Ивановна... къ сожалѣнію я не успѣлъ еще пробѣжать его...

— Четыре мѣсяца тому назадъ я отправила вамъ заказнымъ изъ Мазухина.

— Гдѣ онъ у меня, дай Богъ память? — вотъ тутъ гдѣ-то... помню, что онъ отложенъ къ спѣшнымъ бумагамъ... Куда я его заложилъ?.. вы видите, горы, буквально горы! Даю вамъ слово, я его завтра же утромъ прочту.

— Въ синенькой тетрадкѣ.

— Въ синенькой; я помню... вчера еще его видѣлъ, подъ руку попался вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Секретарь, необходимъ секретарь, иначе я съ ума сойду! все самъ, самъ... Да вотъ онъ... Это вашъ отчетъ?

— Нѣтъ.

— Это другое.. Ну, словомъ, я знаю его... такая маленькая синенькая тетрадка.

— Большая.

— Да, да, большая. Знаю, знаю. А вотъ и нашелъ.

— Не то, все не то...

— Нѣтъ, я говорю, что билетъ абонементный въ балетъ нашелъ. Первый абонементъ... прошу

васъ... послѣ завтра «Конекъ-Горбунокъ»... вотъ-съ, Катерина Ивановна!

— Если отчетъ пропалъ, я вамъ все разскажу подробно, ваше превосходительство.

— Позвоните мнѣ по телефону...

— Волнуюсь я, когда говорю по телефону, не привыкла. Я позвоню... у насъ нѣтъ телефоновъ.

— Удивляюсь, какъ люди могутъ жить безъ телефона!—я бы умеръ! Я вамъ устрою.

— Съ кѣмъ намъ говорить-то въ деревнѣ по телефону, Иванъ Павловичъ, съ волками? Такъ значитъ вы позволите придти къ вамъ и даете слово прiѣхать въ Мазухино?

— И переговоримъ, и прiѣду... А вотъ что... вы извините меня, у васъ деньги-то есть на расходы?

— Я взяла пятьдесятъ рублей, съ вашего разрѣшенiя...

— Ну, еще бы, я васъ выписалъ... только вѣдь этого мало!..

— Да зачѣмъ же мнѣ? Управляющiй давалъ мнѣ сто рублей, но куда такiя деньги?

— Прямо удивляюсь, какъ это вы умѣете жить на такiя маленькiя средства? Катерина Ивановна, вы гдѣ остановились-то?

— Пушкинская... вотъ я вамъ запишу, Иванъ Павловичъ... — Она передала ему записочку.

— Мерси. И такъ... сначала вы посмотрите балетъ, а потомъ мы посвятимъ время школѣ. Досидите спектакль до конца.

— Благодарю васъ.

— Досадно! Ахъ, какъ досавно!

— Что досадно?

— Прiѣзжай вы немного пораньше... ну, хоть за недѣлю...

— Вы были свободнѣй?

— Нѣтъ. Вы бы застали еще итальянскую оперу.

Черезъ часъ послѣ этого обстоятельнаго разговора о народной школѣ и ея нуждахъ, Иванъ Павловичъ Червонинъ былъ у Катерины Ивановны, и не заставъ ее дома, оставилъ визитную карточку.

Какъ воспитанный человѣкъ, онъ поторопился это сдѣлать.

КРЮШОНЪ

Это было въ 1914 году. Продажа спиртныхъ напитковъ была воспрещена.

Вечеръ у Селезенкиныхъ отличался, какъ принято выражаться, оживленіемъ.

Собралось человѣкъ пятнадцать гостей, самыхъ разношерстныхъ. Играли въ карты, въ лото и въ гусекъ.

Павелъ Ивановичъ Селезенкинъ заранѣе предупредилъ гостей, что у него не имѣется въ запасѣ ни одной бутылки вина, купить нельзя, а потому за ужиномъ поневолѣ придется ограничиться минеральными водами и дозволенными напитками.

— Впрочемъ,—оговаривался Павелъ Ивановичъ, —я попрошу дорогихъ гостей попробовать особенный напитокъ... Я самъ, по своему рецепту, готовлю крюшонъ и думаю, что меня ждетъ одобреніе.

— Павлуша,—обратилась къ нему жена, Вѣра Ивановна,—ты всегда придумаешь что-нибудь, ну къ чему это! Какое-то стремленіе къ оригинальности! Подай минеральныя воды, квасъ, виноградный сокъ!..

— Позвольте, Вѣра Ивановна, я протестую, — вмѣшался Теремовъ, оцѣнщикъ частнаго ломбарда, крюшонъ интересенъ, у Павла Ивановича много вкуса и онъ сумѣетъ изобрѣсть нѣчто пріятное... Ужъ если онъ берется...

— Ужъ если я берусь, Вѣра, то репутацію свою не уроню. Я вѣдь тебѣ ничего не говорю о твоемъ пирогѣ, которымъ ты собираешься насъ угощать? Сферы разграничены — мой крюшонъ, твой ужинъ съ пирогомъ и горячими закусками. Наконецъ, предоставимъ обществу самому рѣшить, насколько мы отличимся.

— Почему ты взялся за составленіе смѣси для крюшона? Потому что ревнуешь мои успѣхи въ кулинарномъ искусствѣ, хочешь отличиться! Я очень рада, что гости знаютъ, кто изъ насъ чѣмъ угощать ихъ будетъ.

— Вотъ и отлично.

— Нѣтъ, крюшонъ интересенъ! Очень, очень интересенъ и интригуетъ меня!—продолжалъ Теремовъ, пріѣхавшій спеціально для ужина, такъ какъ любитъ поѣсть и выпить.

Въ одиннадцать часовъ вечера Селезенкинъ лично отправился на кухню, гдѣ шли приготовленія къ ужину.

— Фрося!—крикнулъ онъ на толстую, круглую кухарку:—Гдѣ большая миска... Я приказалъ приготовить самую большую миску...

— Готова... вотъ она, вотъ разливательная ложка.

Ага!

Онъ снялъ сюртукъ, засучилъ рукава и принялся за приготовленіе своего крюшона.

— Первое дѣло льду... три куска льду... вотъ такъ...

Въ кухню вошла Вѣра Ивановна, но увидя мужа въ хлопотахъ, махнула рукой и удалилась.

— И отлично сдѣлала! сказалъ Селезенкинъ ей вслѣдъ, не поворачивая головы. Онъ былъ необыкновенно сосредоточенъ и серьезенъ.

— Ледъ есть! Фрося! Двѣ бутылки квасу! Откупоривай!

— Сейчасъ!

Кухарка съ исключительнымъ усиліемъ откупоривала бутылки, а Селезенкинъ, не безъ торжественности, вливалъ въ миску убѣгавшій, пѣнившійся квасъ.

— Хорошо! Теперь я его помѣшаю съ ледкомъ. Лимонаду двѣ бутылки! — скомандовалъ онъ. — Откупоривай.

— Лимонадъ не умѣю открывать! Сами откройте, очень крѣпко пробки сидятъ.

— Давай сюда! Разъ, два, три!

Онъ понатужился, и раздались послѣдовательно два выстрѣла.

— Такъ-съ... помѣшать надо! Теперь апельсинчиковъ пятокъ!

Онъ принялся разрѣзывать на кусочки апельсины и бросать ихъ въ миску, начавъ снова съ энергіей мѣшать ложкой и выдавливать сокъ апельсиновъ.

— Ну, а теперь что?—спросила Фрося, желавшая, видимо, отвертѣться скорѣе отъ надоѣвшаго ей Селезенкина.

— Не торопи, конецъ еще не скоро! Ваниль подай! Такъ! Это отлично! Земляничное варенье гдѣ?

— Передъ вами! Какую бурду придумали!

— Для того, чтобы ее придумать, надо голову на плечахъ имѣть, а не твою башку! шоколадъ сваренъ?

— Только двѣ чашки варила.

— Пока достаточно, лей въ миску.

— Горячій шоколадъ въ холодный квасъ!

Дѣлай, что я тебѣ предписываю. — Онъ помѣшалъ смѣсь и попробовалъ, облизавши языкомъ свои губы. — Чудодѣйственный напитокъ. Дай-ка немножко корицы для аромата.

— Корицы у насъ мало.

— Тутъ много и не потребуется, для привкуса только. Теперь, что теперь?

— Довольно.

— Молчи! Дай-ка содовой водицы бутылочку, я самъ откупорю! а потомъ ананасной... давай сюда.

— Отраву готовите.

— Райское питье! Теперь полбутылки виноградна го соку и одно яблоко кусочками искрошить... Мелкаго песочнаго сахара! Ну, вотъ и все, кажется? Нѣтъ, погоди, чего недостаетъ! Надо попробовать! Очень хорошо! Чего не хватаетъ? Квасу маловато и дай два лимончика тоже для аромата. Торжество, такъ торжество! Давай французскаго чернослива, вскипяти его сначала. Вотъ и все. Онъ попробовалъ. — Если это не крюшонъ, такъ ужъ не знаю, что лучше. Постой, у насъ былъ остатокъ вишневой наливки въ бутылкѣ?

— На донышкѣ, рюмки двѣ.

— Сюда, сюда ихъ! А потомъ всю миску за окно! Захолоди и пусть несутъ, когда я распоряжусь, къ ужину.

Утомленнымъ возвратился къ гостямъ Селезенкинъ, онъ самодовольно поглядывалъ на гостей.

— Крюшонъ готовъ, господа... Прошу къ столу. Пока будете кушать, онъ захолодится.

Гости потянулись хвостомъ въ небольшую столовую, гдѣ въ уголкѣ красуется маленькая елка.

Подали горячія закуски, пирогъ съ семгой, потомъ разную дичь. Послѣ дичи горничная тащила миску, а впереди шелъ съ разливательной ложкой Селезенкинъ. Онъ бралъ стаканъ каждаго гостя и наполнялъ богатою смѣсью своего изобрѣтенія.

Собственнаго разлива, прошу не отказать! Оцѣните художественное творчество по заслугамъ.

— Мнѣ не надо, — сказала Вѣра Ивановна, отодвинувъ свой стаканъ.

Гости начали пробовать. Одни очень хвалили, другіе молчали, третьи, восторгаясь, просили еще.

Въ концѣ ужина, нѣкто Карамышевъ, кажется изъ коммерсантовъ, всталъ и, подойдя къ хозяину, тихо шепнулъ:

— Салолцу!
— Чего?
— Салолцу у тебя нѣтъ дома? Салолу въ облаточкѣ. Жаль, что ты въ крюшонъ его для безопасности не положилъ.
— А вкусно?
— Ужъ такъ вкусно, что подъ ложечкой закололо! Салолцу...
— Я сейчасъ пошлю въ аптеку, а ты не болтай, а то другіе, глядя на тебя, скажутъ, что не вкусно...
Гости, особенно попалегшіе на крюшонъ, казались совсѣмъ угрюмыми, пропало все милое, доброе расположеніе духа.
Они начали понемногу подниматься, отказываясь отъ сладкаго.
Хозяинъ смекнулъ, что дѣло неладно, что смѣсь не удалась и всѣ недовольны.
Онъ растерялся и, желая всѣхъ мигомъ успокоить, громко произнесъ:
— Сейчасъ подадутъ салолъ въ облаткахъ.
Вѣра Ивановна, приблизившись къ мужу, произнесла ему въ упоръ:
— Ну, не подлецъ ли ты? Чего ты туда намѣшалъ?!.
Семь человѣкъ уѣхали домой, а остальные, уписывая салолъ, остались играть въ карты.
— Господа... по стаканчику... крюшону.
Всѣ замахали руками.
Селезенкинъ остановился въ раздумьи.
— Забылъ немножко мяты положить! — сказалъ онъ про себя. — А что если и я проглочу облатку съ салоломъ!
— Угостилъ! — возмущалась Вѣра Ивановна. За такое творчество тебя на цѣпь надо посадить.
— А я, матушка, думаю, что тутъ всему виной твои горячія закуски, испортившія впечатлѣніе.
Крюшонъ, по распоряженію хозяйки, убрали.

КОНКУРСЪ

Въ Петроградѣ, въ театрѣ придумали однажды конкурсъ на драматическія произведенія. Была назначена премія. Произведенія представляли подъ девизами.

Петра Ивановича, литератора, заваленнаго поденной работой, къ его несчастью выбрали въ судьи. Отказаться, по своей деликатности, онъ не рѣшился.

Въ одно прекрасное утро ему принесли тетрадей тридцать, предлагая прочесть поскорѣй. Потомъ еще подвалили.

— Что же это такое? — возмутился Петръ Ивановичъ. — Когда мнѣ это читать? Я долженъ заниматься своей работой, которая меня кормитъ... Ужасъ, одинъ ужасъ!

Онъ до того волновался, что на глазахъ блеснули слезы.

— Маня, — сказалъ онъ женѣ, — посмотри, какая гора выросла на столѣ?

— Я тебѣ говорила: откажись, а ты постѣснялся! Вотъ и читай!

— Нѣтъ времени! Чтобы быть добросовѣстнымъ, прочесть всю эту груду... Я съ ума сойду! Маня, Маничка, ты женщина со вкусомъ...

— Что же ты хочешь? Чтобы я читала за тебя! У меня своего дѣла довольно, я засѣдаю въ

трехъ благотворительныхъ обществахъ, у меня на рукахъ все хозяйство, у меня масса своего дѣла.

— Выручи, я умоляю тебя... я могу положиться на тебя, какъ на самого себя.

— Какое удовольствіе! Читать съ утра до ночи пьесы. Если ты не могъ какъ слѣдуетъ отнестись къ своей задачѣ, приличнѣй и порядочнѣй было совсѣмъ отказаться.

— Ты права, я сознаю это, но прошу тебя... спаси, прочти все это.

День спустя принесли еще кипу пьесъ. Маничка, наконецъ, согласилась придти на помощь мужу и прочесть за него пьесы.

— Ну, что, приступила? Пожалуйста, Маничка, записывай на листкѣ бумажки свои мнѣнія, чтобы можно было потомъ дать отзывъ.

— Я прочла двѣ пьесы подъ девизами «Дважды два — четыре» и «Голубые глаза»... ничего не стоятъ! Я положительно брошу это занятіе... Читай самъ.

— Повѣситься надо, я кончаю повѣсть, мы получимъ отличный гонораръ.

— Не лучше ли возвратить все не читая и написать, что есть вещи недурныя, даровитыя, но преміи не заслуживающія.

— Недобросовѣстно.

— Конечно недобросовѣстно, но я надѣюсь, что остальные члены жюри прочтутъ все.

— Если ты не можешь читать всѣхъ пьесъ, читай по нѣсколько сценъ изъ каждой. Съ твоимъ вкусомъ, Маничка, съ твоимъ художественнымъ чутьемъ, ты сразу почувствуешь, талантлива пьеса или бездарна.

— Возмутительное отношеніе.

Петръ Ивановичъ опять уговаривалъ жену читать пьесы, а самъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

— Миша!—позвала Марья Александровна сына, гимназиста 3-го класса.

— Что, мама?
— Ты что вечеромъ дѣлаешь?
— Хотѣлъ въ кинематографъ идти.
— Отложи до завтра. Ты любишь театръ?
— Обожаю.
— Возьми вотъ эту груду пьесъ, читай ихъ и скажи мнѣ, какія тебѣ понравятся.
— Ужъ очень много!.. Да я не прочь.
— Бери, читай, Мишенька... надо знать, какія интересныя и какія неинтересныя?
— Только, мама, завтра ты мнѣ за это дай на билетъ въ кинематографъ.
— Съ удовольствіемъ.
Ухъ, какая тяжесть!
Миша потащилъ въ свою комнату пьесы, присланныя на конкурсъ, и принялся ихъ добросовѣстно читать. Послѣ шестой драмы у него сдѣлался мигрень.
Въ это время къ Мишѣ пришелъ товарищъ Петровъ 3-й Валерьянъ.
— Валерьяша... ложись на диванъ, читай пьесы... мама просила прочесть ихъ, ей нужно знать, которыя получше и которыя интересны... я шесть прочелъ все хламъ.
— Не люблю я нынѣшней литературы, Миша... ну, да ладно. Для тебя прочту нѣсколько штукъ... а какъ же насчетъ кинематографа?
— Завтра сведу тебя на свой счетъ! мама обѣщала мнѣ дать денегъ.
— Дѣло! Давай пьесы...
Петровъ 3-й развалился на диванѣ и началъ читать комедію съ девизомъ «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста».
— Тоска смертная! Дай-ка другую.
Онъ бросилъ одну тетрадь и взялъ другую, перелиставъ нѣсколько страницъ.
— Ерунда! По моему все ерунда.
Прогляди нѣсколько.

— И глядѣть не стоитъ... скажи, что все скука.

— Скука! А можетъ быть попадется что-нибудь хорошее...

— Ничего хорошаго не ожидаю!

— Пускай мама сама читаетъ! Или пусть сестрѣ Катѣ поручитъ, она во второмъ классѣ гимназіи и любитъ читать.

Поздно вечеромъ Миша отнесъ кипу пьесъ обратно къ матери.

— Неужели ты успѣлъ прочесть?

— Прочелъ десятка два, а больше не въ состояніи! Вздоръ все!

— Но по крайней мѣрѣ, что на тебя произвело болѣе сильное впечатлѣніе?

— Все глупая болтовня!.. Вонъ и Петровъ Валерьянъ читалъ!.. Тоже бросилъ. Дай Катѣ прочесть.

— Катя совсѣмъ не интересуется театромъ.

— Ну, такъ сама читай, а у меня голова разболѣлась.

— Дай сюда эти пьесы.

Марья Александровна схватила въ охапку всѣ пьесы, принесла ихъ въ кабинетъ Петра Ивановича и брасила на диванъ.

— Читай самъ, я читать не буду!

— Но вѣдь ты, Маничка, обѣщала?

— Не буду! Напиши, что все это ерунда или читай. Ты вѣдь популярность любишь, тебѣ лестно, что тебя избрали жюри... Ну, вотъ и читай.

Черезъ день принесли еще шестнадцать пьесъ.

ВАЖНЫЙ ГОСТЬ

Въ городѣ Пыльномъ, около ветхаго, одноэтажнаго домика съ утра кипѣла работа. Маленькую площадку, близъ крыльца, очистили отъ показавшейся кое-гдѣ травки и посыпали пескомъ... Ступеньки лѣстницы, продырявившіяся отъ времени, украсились прибитыми заплатками и узенькимъ, бѣднымъ ковромъ. Словомъ, сдѣлано было все, что можно сдѣлать домашними средствами въ глухой провинціи, по случаю какого-либо торжества. Прохожій, проходя мимо, невольно задавалъ бы себѣ вопросъ,—«кого это они поджидаютъ?»

Приготовленія внѣшнія оказались самыми ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что происходило въ самомъ домикѣ и прилегавшемъ къ нему флигелѣ... Замки на дверяхъ блестѣли, въ кухнѣ жарили и варили, морозили шампанское, за которымъ пришлось посылать въ ближайшій городъ.

Все шампанское, имѣвшееся въ магазинахъ Пыльнаго, было выпито наканунѣ у купца Троекурова, справлявшаго серебряную свадьбу.

Въ домикѣ, гдѣ все и всѣ приготовлялись, помѣщалось училище для мальчиковъ, основанное на частныя средства, но находящееся въ вѣдѣніи казеннаго учрежденія. Во флигелѣ жилъ старшій преподаватель этого училища Корюшкинъ, маленькій человѣкъ лѣтъ тридцати семи, застѣнчивый, скромный и трудолюбивый... Жена его, сестра, старуха

теща и двѣ гостившія подруги жены — робкія существа, преданныя Корюшкину и во всемъ помогающія ему, составляли его семью и проживали въ томъ же флигелѣ.

Едва закончились занятія въ училищѣ, какъ уставшій Корюшкинъ сдѣлалъ необходимое наставленіе ученикамъ, въ виду предстоящаго пріѣзда, а затѣмъ побѣжалъ хлопотать во флигель, гдѣ суетились дамы. Все было готово... Корюшкинъ раза три выходилъ на пыльную дорогу, освѣщенную заходившимъ уже солнцемъ, и нетерпѣливо смотрѣлъ въ даль, не ѣдутъ ли?

Кого же они ожидали, въ самомъ дѣлѣ?

Въ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ ѣхалъ директоръ департамента изъ Петербурга, желавшій ознакомиться лично съ положеніемъ училища.

Чу, послышались колокольчики, и къ крыльцу училища, гдѣ находился уже въ сюртукѣ Корюшкинъ со своимъ помощникомъ, подкатила бѣлая отъ пыли коляска, изъ которой вышелъ господинъ лѣтъ пятидесяти, въ коломянковой парѣ и соломенной шляпѣ, а за нимъ франтоватый молодой человѣкъ, состоящій при немъ по службѣ и сопровождающій его въ командировкѣ.

— Имѣю честь представится, ваше превосходительство,—Корюшкинъ... Получилъ телеграмму вашего превосходительства, въ которой вы изволили воспретить встрѣчу на вокзалѣ.

Илья Петровичъ, — такъ звали директора департамента,—протянулъ Корюшкину и его помощнику руку, и потомъ представилъ имъ Теноревича, состоявшаго при немъ.

— Отлично сдѣлали,—продолжалъ Илья Петровичъ,—что не явились на вокзалъ: съ какой стати трястись и пылиться! Да и вообще, никакихъ встрѣчъ и ничего торжественнаго я не люблю... Вы намъ покажите ваше училище и дайте ночлегъ, а завтра

мы рано утромъ направимся далѣе... Да... вотъ еще умыться бы, пыль глаза ѣсть...

— Угодно будетъ сначала вашему превосходительству пожаловать ко мнѣ... тамъ приготовлена уборная... одеколонъ и все такое...

— Нѣтъ, прежде всего училище, а то поздно будетъ...

Илья Петровичъ пошелъ въ классъ, гдѣ выстроены были ученики. Его сопровождалъ Корюшкинъ, а позади слѣдовалъ, прихрамывая, Теноревичъ, около котораго вертѣлся помощникъ Корюшкина.

Онъ поминутно краснѣлъ, потому-что Теноревичъ не слушалъ его и вмѣсто отвѣтовъ только мычалъ себѣ подъ носъ.

Илья Петровичъ остался недоволенъ помѣщеніемъ училища, требующимъ ремонта, нашелъ нужнымъ обновить нѣкоторыя учебныя пособія и замѣнить старыя изданія учебниковъ новыми.

— Я давно хлопоталъ объ этомъ, ваше превосходительство, но за отсутствіемъ свободныхъ суммъ, ходатайства и старанія мои уважены не были...

— Просите снова, я вамъ помогу...

Илья Петровичъ бесѣдовалъ съ учениками и съ Корюшкинымъ, а также и съ помощникомъ послѣдняго. Поблагодаривъ всѣхъ и простившись съ учениками, онъ сказалъ:

— Теперь ведите насъ умываться.

— Не угодно-ли пожаловать чрезъ парадный входъ, ваше превосходительство.

— Все равно, что за церемоніи...

— Осмѣлюсь просить позволенія предложить откушать, чѣмъ могу... съ дороги...

— Очень вамъ благодаренъ... что-нибудь съѣсть я пожалуй... дорога вызываетъ аппетитъ, но только запросто, безъ всякихъ «примёровъ» и дорогихъ напитковъ...

Илья Петровичъ наскоро умылся, причесался и вышелъ въ столовую, а Теноревичъ еще душился и фабрилъ себѣ усы.

— А гдѣ же дамы, гдѣ ваша жена, вѣдь вы женаты? Дамское общество — это моя слабость.

— Онѣ по хозяйству, ваше превосходительство, я не хотѣлъ утруждать васъ и представить своихъ не рѣшался... За чаемъ, если позволите...

— Очень радъ буду...

— Одна изъ дамъ мила, — шепнулъ Ильѣ Петровичу конфиденціально Теноревичъ, вошедшій при послѣднихъ словахъ.

Вскорѣ начался обѣдъ, во время котораго въ щелку двери изрѣдка поглядывали на начальника дамы. Корюшкинъ, не безъ усилій, лично откупорилъ бутылку шампанскаго.

— За ваше здоровье, — обратился Илья Петровичъ, поднимая бокалъ, — хотя это вы совсѣмъ напрасно, мнѣ очень непріятно, что вы такъ угощаете...

— Хорошо... — произнесъ Теноревичъ, прихлебывая Редереръ — съ ледкомъ люблю!

Илья Петровичъ на него покосился.

Корюшкинъ принесъ было вторую бутылку, но Илья Петровичъ категорически воспретилъ раскупоривать.

— Ваше превосходительство, стаканчикъ...

Нѣтъ... довольно, оставьте... Однако, вы здѣсь загорѣли!..

Отобѣдавъ, утомленный Илья Петровичъ, забывъ о дамахъ, съ которыми хотѣлъ познакомиться, просилъ проводить его, гдѣ-бы можно отдохнуть.

— Налѣво первая комната, а для нихъ — онъ указалъ на Теноревича направо.

— Мы васъ стѣснимъ... вы слишкомъ любезны, но зачѣмъ-же... мнѣ просто стыдно, и если-бы я

зналъ, что вы такой гостепріимный, я-бы не остался ночевать...

Въ комнатѣ Ильи Петровича стояла кровать съ тремя перинами, покрытая новымъ байковымъ одѣяломъ.

Простившись съ Корюшкинымъ и помощникомъ послѣдняго, онъ просилъ разбудить его въ шесть часовъ утра, и посовѣтовалъ Теноревичу тоже ложиться спать.

— Ложитесь... надо рано вставать, и пожалуйста, не пейте еще вина... Бѣдный человѣкъ, надо его пожалѣть... видите, какъ онъ любезенъ... не знаю, чѣмъ и вознаградить!..

— Награды заслуживаетъ!..

— Я подумаю послѣ... если ему подарить что-нибудь — обидится... Прислать что-нибудь изъ Петербурга...

Онъ зѣвнулъ, и Теноревичъ моментально исчезъ въ свою комнату.

Илья Петровичъ скоро заснулъ, его примѣру послѣдовалъ и Теноревичъ... Часы пробили двѣнадцать, но Корюшкинъ съ женой и сестрой не спали и даже не думали спать... такъ ихъ взволновалъ пріѣздъ сановника. Корюшкинъ, казалось, обрекъ себя на дежурство и поминутно подходилъ къ дверямъ комнаты, гдѣ почивалъ Илья Петровичъ, и прислушивался, а потомъ дѣлился впечатлѣніями съ семьей. О Теноревичѣ онъ забылъ-бы совсѣмъ, если бы сильный храпъ послѣдняго не раздавался громко. Въ часъ ночи Корюшкинъ опять подкрался къ дверямъ спальни Ильи Петровича. Онъ внезапно ухватилъ себя за голову и шепталъ:

— Можетъ быть, мнѣ кажется? Нѣтъ, не кажется... ворочается, ворочается... тюфякъ или перина... Я говорилъ Маничкѣ, что скверная перина, скверная... Охаетъ, какъ-будто... говоритъ что-то...

можетъ быть бредитъ?.. Нѣтъ... проснулся... очевидно безпокоитъ что-нибудь...

Еще съ минуту онъ слушалъ...

— Онъ говоритъ самъ съ собой, но что, — не разберу... вѣроятно сердится... Свѣчку зажегъ... Ахъ...

При словѣ «ахъ» Корюшкинъ, совсѣмъ удрученный, побѣжалъ на цыпочкахъ вонъ изъ комнаты...

— Что съ тобой, Петя, ты убитый совсѣмъ? — спрашивала его также взволнованная жена.

— И кто испортилъ все, кто нарушилъ спокойствіе, кто меня погубилъ?!

— Кто, что такое?

— Блоха... очевидно огромная блоха... укусила генерала и, можетъ быть, больно...

— Надо Степаниду послать...

— Да какъ, Маничка, вѣдь не смѣю-же я ночью ворваться... Говорилъ тебѣ — не пускай собакъ... блохи!

— Можетъ быть ты сочиняешь, ступай, прислушайся...

Корюшкинъ снова подкрался къ дверямъ, откуда послышался трескъ.. Не было сомнѣній, что Илья Петровичъ хотѣлъ повернуться, но кровать не выдержала, и онъ провалился...

— Несчастіе, какое несчастіе!

Онъ едва добрался до жены и въ безчувственномъ состояніи опустился на диванъ.

Все стихло, наступило утро, а несчастный Корюшкинъ мучился и томился: что-то будетъ, чѣмъ все это кончится... Въ половинѣ шестого Илья Петровичъ, одѣтый и причесанный, вышелъ въ ту комнату, гдѣ они обѣдали.

— Какъ, вы уже встали? — спросилъ онъ. — Здравствуйте... Я думалъ, что поднялся ранѣе дру-

гихъ... вамъ будить меня не пришлось! Прикажите-ка Теноревича потревожить.

Илья Петровичъ подошелъ къ зеркалу.

— Блоха скверная, такъ укусила за носъ, что даже распухъ кончикъ... Потомъ кровать провалилась... Совсѣмъ не спалъ! Однако все это нужно скрыть отъ хозяина, чтобъ не обидѣть его...

— Плохо почивать изволили, ваше превосходительство?.. у васъ лицо утомлено...

— Это съ дороги... напротивъ, я отлично спалъ... Только вставая, какъ будто сломалъ вамъ кровать... а впрочемъ не знаю, можетъ быть мнѣ показалось!..

Вошелъ Теноревичъ, подали чай, послѣ котораго гости простились и уѣхали.

Едва исчезла коляска, какъ супруги бросились въ спальню Ильи Петровича.

— Ну, посмотрите, пожалуйста... вся кровать провалилась, — съ отчаяніемъ проговорилъ Корюшкинъ, — его превосходительство на полу спалъ... Какой деликатнѣйшій человѣкъ, даже вида не подалъ...

Въ ту-же комнату вошла съ заплаканными глазами сестра Корюшкина, Женичка.

— Сестренка, что съ тобой... чего ты расплакалась... все благополучно, уѣхали веселые!..

— Молодой-то, — говорила она сквозь слезы, меня должно быть за горничную принялъ... Полтинникъ въ руку сунулъ!

Мѣсяцъ спустя Корюшкинъ получилъ отъ Ильи Петровича, тронутаго пріемомъ, оказаннымъ ему, подарокъ.

— Блоха, это еще ничего... пустяки... — говорилъ по дорогѣ Теноревичъ его превосходительству, — а вотъ, когда я въ Егорьевскѣ ночевалъ, такъ меня рубинчики одолѣли!

— Какіе рубинчики?

— Урядникъ мѣстный клоповъ рубинчиками называлъ.

ЗАГОТОВКА

«На стѣнѣ темной комнаты ясно обрисовывалась голова женщины, кивавшая Устрицыну.

Устрицынъ вскочилъ съ кровати. Капли холоднаго пота выступили у него на лбу.

Голова дѣлалась больше и больше.

На улицѣ завывалъ страшный вѣтеръ».

Кущенко, закончивъ этотъ разсказъ, положилъ перо и вытянулъ уставшую руку.

Иванъ Еремѣевичъ Кущенко литераторъ съ нѣкоторымъ именемъ, его знаютъ и читаютъ, но почему-то мало печатаютъ. Онъ вынужденъ цѣлый годъ пробиваться ничтожной работой и только въ концѣ года напоминаетъ о себѣ часто. Онъ сочиняетъ новогодніе и рождественскіе разсказы, приступая заблаговременно къ заготовленію ихъ.

Кущенко засѣлъ дома и пишетъ, пишетъ, почти никого не принимая. Однако пріятель его Василій Петровичъ проникъ въ его, такъ сказать, мастерскую и засталъ сочинителя у стола въ халатѣ. Онъ прихлебывалъ чай и отрывалъ листъ за листомъ исписанной бисернымъ почеркомъ бумаги.

Я, братъ, тебя не задержу, не бойся... Ты совсѣмъ скрылся отъ насъ, не видимъ тебя.

— А вотъ посмотри... писемъ пятнадцать уже на столѣ. Изъ провинціи, и отъ здѣшнихъ издателей. Просятъ рождественскихъ и новогоднихъ разсказовъ!..

— Да ужъ это твоя специальность... разныя привидѣнія.

— Безъ привидѣній невозможно... Посмотри... готовы уже «Зеленая женщина», «Чортъ въ Гороховой», «Встрѣча Новаго Года».

— Вѣдь у тебя, кажется, три года назадъ былъ разсказъ «Зеленая женщина!»

— Нѣтъ... была «Голубая женщина», а это совсѣмъ новая вещь и другое настроеніе.

Помню еще твою же «Бѣлую женщину»!..

— Да... да... «Бѣлая женщина», это юношеская вещь, давнишняя...

— Разноцвѣтныя женщины! ты можешь подъ такимъ заглавіемъ издать современемъ книжку!

— Изъ однихъ разсказовъ о нечистой силѣ можно бы томъ составить. Фантастическія вещи...

— Фантазіи у тебя хоть отбавляй!

— Сюжеты сами лѣзутъ... да вотъ вчера, легъ въ пятомъ часу утра. Слышу голосъ покойнаго дядюшки въ сосѣдней комнатѣ и кончено! Слышу, какъ онъ кашляетъ... у него бронхитъ былъ хроническій...

— И что же?

— А вотъ заканчиваю... «Неожиданный визитъ въ сочельникъ»... Выходитъ и страшно, и занимательно, и правдоподобно.

— Нехорошо однако, что ты сидишь дома, не выходя по недѣлямъ на воздухъ,

—Я гулялъ третьяго дня вечеромъ и встрѣтилъ Рагучина... Знаешь, милѣйшаго Павла Петровича... У него престранный случай въ семьѣ произошелъ, когда встрѣчали 1904-й годъ. Лопнуло зеркало...

— И кто-нибудь умеръ?

— Нѣтъ... въ этотъ моментъ племянникъ вывернулъ себѣ ногу. Разбитое зеркало, оказывается, не всегда влечетъ трагическую развязку...

— И, конечно, ты облечешь этотъ фактъ въ надлежащую форму и опишешь?

— Почти готовъ «Таинственный случай». Въ ноябрѣ и декабрѣ подобныя вещи буквально нарасхватъ...

— Опять «Таинственный случай»...

— Но изъ дѣйствительной жизни... Всѣ таинственные случаи, которые я описывалъ—я большею частью сочинялъ, а тутъ, пожалуйте, фактъ налицо! Имена могу назвать.

Въ это время позвонили, и старуха нянька принесла гелеграмму. Иванъ Еремѣевичъ прочелъ ее вслухъ.

«Жду отъ васъ таинственнаго случая или привидѣній по примѣру прошлыхъ лѣтъ. Пятнадцать копѣекъ строка!» Проситъ одесскій издатель. Предложу ему «Рождественскую ночь на кладбищѣ»... Тутъ у меня разговариваютъ между собой блуждающіе огоньки... Симоволическая вещь, поэтичная и не безъ страшныхъ картинъ. Ну, а ты какъ поживаешь?

— У меня все непріятности! Къ праздникамъ едва не лишился мѣста, жена моя не поладила съ женой инспектора нашего страхового общества и.. и конфликтъ!..

— Наканунѣ праздниковъ? Изъ-за чего же?..

— Изъ-за пустого... изъ-за сквернаго благотворительнаго спектакля... Каждой хотѣлось сыграть роль устроительницы, приписать себѣ всѣ заслуги... Спектакль не состоится! Что ты записалъ на клочкѣ?

— Хлѣбъ! все хлѣбъ! скушаемъ.

— Да что такое?

— А вотъ прочтешь въ свое время. «Благотворители передъ праздниками», бытовой очеркъ съ характерными картинами... Бѣдняжки ждутъ не дождутся елки съ хлѣбомъ, а тутъ бабій капризъ и ничего... все лопается!..

— Жена меня съѣстъ. Нельзя же все къ сроку!

— Замаскирую, не бойся... Наложу другія краски, перенесу дѣйствіе въ Москву и ты увидишь...

А чтобы женѣ не было обидно, я и тебя не забуду, ты у меня давно въ головѣ!

— Да я-то при чемъ? Что ты еще выдумалъ!

— У меня уже набросана твоя исторія съ Негодуевымъ, какъ онъ тебѣ подъ новый годъ отказалъ въ десяти рубляхъ, имѣя триста тысячъ годового дохода.

Негодуевъ отказывалъ мнѣ не разъ...

— Да, но когда? А вотъ онъ прочтетъ, каналья, мой очеркъ «Новогодній пиръ» и увидитъ, какіе я нарисую контрасты.

Вѣдь это тоже смѣшно, что ты все слышанное за годъ превращаешь въ беллетристическія произведенія...

— Что прикажешь дѣлать, если я существую на свѣтѣ, ѣмъ и пью благодаря зеленымъ женщинамъ, привидѣніямъ, чертямъ, разнымъ случаямъ. Они даютъ мнѣ возможность расплатиться съ мясниками, лавочниками, прачкой, хозяиномъ и остальными.

Опять звонокъ, и горничная принесла письмо, которое Иванъ Еремѣевичъ пробѣжалъ.

«Прошу что-нибудь позагадочнѣе и не очень печальное. Пришлите съ юморомъ и фантазіей. Не прочь взять двѣ штуки, въ цѣнѣ сойдемся». Вотъ оно что! и веселость, и юморъ, и фантазія, и умалчиваетъ о гонорарѣ! Нѣтъ, братъ, шалишь! Въ прошломъ году обѣщалъ по-царски наградить, а выдалъ по четыре копѣйки за строчку. Хочешь юмору, фантазіи, веселости—пятиалтынный плати. На нашей улицѣ праздникъ. Поклонись.

— Ты стиховъ не пишешь?

Только новогодніе и рождественскіе и притомъ длинные. Стихи давно приготовлены, нужно только почтовыхъ марокъ купить.

Еще телеграмму подали.

«Жду отъ васъ по обыкновенію что-нибудь волшебное, рублей на пятьдесятъ!» Это еще понятно

волшебное на 50 рублей можно дать, и даже очень волшебное. У меня есть много волшебнаго...

— Однако, спросъ большой.

— Спеціализація, братъ... Я удивляюсь, почему мы всѣ не спеціализируемся... Ну, какъ доктора, что ли. Одинъ пишетъ праздничные разсказы, другой лирическіе стихи, третій восторженные. Со мной, по моей спеціальности, никто не въ силахъ конкурировать. Я тутъ силенъ... Геркулесъ!

Подали письмо.

Еще. «Не забудьте дѣтишекъ, что-нибудь фееричное для маленькихъ читателей». Дамъ, дамъ, потому что дѣтей люблю! Дамъ «Золотую елку»...

«Серебряная елка» имъ была уже напечатана два года назадъ.

ЕЯ ПРАЗДНИКЪ

Уборная обтянута дешевымъ ситцемъ съ цвѣточками и увѣшена, полинявшими отъ времени, литографированными, вырѣзанными изъ старыхъ иллюстрацій, портретами: Шиллера, Островскаго, Рашель, Сары Бернаръ, Невѣжина и др. Направо отъ входа виситъ портретъ молоденькой красивой женщины, актрисы Спиридоновой, снятый лѣтъ двадцать назадъ. Рыночная кушетка и три кресла, жестяной грязный умывальникъ и зеркало, покрывшееся какой-то бѣлизной, точно туманомъ, очевидно отъ сырости, дополняли обстановку уборной.

Лариса Ивановна Спиридонова, лишенная таланта, но сознавая, что сцена ей необходима, какъ выгодная реклама, сидѣла у зеркала, любуясь своей солидной внѣшностью.

Въ то время, когда парикмахеръ Гриша ондюлировалъ ей волось, она заячьей лапкой румянила себѣ щеки.

По временамъ пахло паленымъ, а Лариса Ивановна нервно хваталась за голову, чувствуя, что куаферъ поусердствовалъ. Горничная съ благоговѣніемъ смотрѣла на свою барыню, справлявшую въ этотъ вечеръ бенефисъ.

— Что, цвѣты, Матреша, начали носить?

— Семь корзинъ, барыня, сама видѣла, одна съ зеленой лентой, на ручкѣ два прекрасныхъ го-

лубя, съ золоченными носиками. Подушку пронесъ мальчикъ, тоже вся въ цвѣтахъ.

Гриша, закончивъ уборъ головы, поспѣшилъ въ сосѣднія уборныя.

— Ты сказала — семь корзинъ? Значитъ, пяти еще нѣтъ. Затѣмъ мой портретъ должны принести, работы художника Пузыря, 60 рублей заплатила ему. Адресовъ ожидаю два, но все это, конечно пустяки, декорація, только необходимая mise en scène.

— Барыня, стучатъ въ дверь, слышите — тихій стукъ.

— Кто тамъ?—громко крикнула Лариса Ивановна. — Я одѣваюсь.

— Орфей! Газета «Жизнь въ иллюстраціяхъ».

— Ермолай Никифоровичъ! Васъ, конечно, приму! Матреша, дай мнѣ что-нибудь накинуть на плечи! Да вотъ зеленый коленкоръ, въ которомъ завернуто подвѣнечное платье. Войдите, Ермолай Никифоровичъ.

— Привѣтъ! Во-первыхъ, поздравляю васъ съ предстоящимъ праздникомъ, а, во-вторыхъ, торопился сообщить, что и я не дремалъ, сюрпризъ даю въ ближайшемъ нумерѣ нашего журнала.

— Мой портретъ?

— Мало того, портретъ вашего папаши и вашей мамаши. Папаша въ формѣ кондуктора, мамаша читаетъ книгу. Насилу добылъ эти рѣдкости, Ларчикъ. Вы мнѣ позволили васъ такъ называть.

— Ермолай Никифоровичъ... какъ бы вамъ это объяснить... я вамъ очень благодарна, но... отецъ въ формѣ кондуктора Курской дороги...

— Форма, конечно, не того, но, вѣдь, теперь поздно.

— Я люблю моего отца, страстно люблю, обожаю, но съ какой стати выдавать его скромное положеніе. Нельзя ли помѣстить карточку генерала и подписать, что это мой отецъ. Я вамъ дамъ карточку.

— Насъ могутъ уличить въ фальсификаціи.

— Никто не можетъ! Такого генерала на свѣтѣ не было, это покойный актеръ Угрюмовъ въ роли генерала!

— Извольте, это, конечно, можно и если хотите, болѣе идетъ къ вамъ, но портретъ придется отложить до слѣдующаго нумера.

Сдѣлайте это, дорогой, для меня.

Послышался звонокъ, извѣщающій о скоромъ началѣ спектакля.

— Орфей, уходите, мнѣ надо одѣваться.

Вбѣжавшему помощнику режиссера никакого замѣчанія не сдѣлали, потому что его за мужчину не считали.

— Лариса Ивановна, — произнесъ онъ восторженнымъ пискливымъ тономъ, — публика, ну — самая лучшая. Что ни ложа, то знать, что ни кресло — все замѣтныя, серьезныя лица. Подношеній море, наши актрисы губы съ досады кусаютъ, видѣлъ два футляра бархатныхъ, капельмейстеръ изъ рукъ не выпускаетъ, цѣнности тамъ. Черезъ пять минутъ даю занавѣсъ, вы въ началѣ дѣйствія выходите!

Онъ исчезъ.

— Давайте занавѣсъ! — отвѣтила она ему вслѣдъ.—Матреша, лакъ для ногтей, вотъ онъ.—Два футляра! Я знаю отъ кого! Отъ любителей классическаго репертуара колье въ двѣ тысячи и брошь въ 800 рублей отъ провинціальныхъ друзей. За любителей, сказала она про себя, поворачиваясь у зеркала, — заплатилъ Ахиллесъ, а за провиціальныхъ друзей, если онъ упрется, самой придется разсчитываться. А будь что будетъ, я рѣшила сегодня быть побѣдительницей, торжествовать: мнѣ нуженъ тріумфъ съ подношеніями. Славы, тріумфа хочу!

— Вашъ выходъ скоро! — прошепталъ прибѣжавшій снова помощникъ режиссера.

Нѣсколько минутъ спустя виновница торжества была на сценѣ, и знакомые неистово ей хлопали. Наиболѣе отличался въ этомъ спортѣ ея квартирный хозяинъ. Публика удивленно и терпѣливо смотрѣла, какъ на сцену таскали изъ-за кулисъ цвѣточные корабли. Затѣмъ весь садъ со сцены потащили въ уборную виновницы праздника. Туда же доставили два счета изъ цвѣточныхъ магазиновъ; опытная Матрена успѣла во-время спрятать счета въ карманъ, чтобы никто не видѣлъ. За Ларисой Ивановной въ антрактѣ пробрались въ уборную два рецензента, какая-то восторженая дама и молчаливый незнакомецъ, по опредѣленію актеровъ—грекъ, къ которому особенно льнула Лариса Ивановна, приговаривая страстно «мерси».

— Никогда не думала,—обращалась къ присутствовавшимъ въ уборной бенефиціантка,—что меня такъ любятъ. Меня особенно трогаютъ друзья, вспомнившіе сегодняшій день. Какъ это мило, искренно. Господа, взгляните портретъ, рисованный Пузыремъ, самимъ Пузыремъ. Не правда ли, удачно! Какъ это любезно съ его стороны, у Пузыря есть размахъ.

— Онъ немного скривилъ вамъ лѣвый глазъ! —указалъ рецензентъ № 1.

— Ай, нѣтъ, это восхитительно. Лариса Ивановна живая здѣсь,—впуталась восторженная дама. —Совсѣмъ живая. Вотъ живопись!

— Скорѣе правый глазъ кривитъ,—высказался рецензентъ № 2,—хотя Пузырь мастеръ. Въ его работы надо вглядываться. Сначала кажется скверно, очень скверно а потомъ съ каждымъ разомъ все лучше...

— Будущій Рѣпинъ!—продолжала восхищаться восторженная дама.

Рецензенты списывали текстъ двухъ адресовъ, начертанныхъ одной и той же рукою. Подписи совсѣмъ не могли разобрать. Виновница торжества

подошла къ нимъ и, сдѣлавъ масляные глаза, простонала.

— Не забудьте вашего обѣщанія дать въ центры Россіи спеціальныя телеграммы: Это важно для моихъ будущихъ гастролей. Скажите, — при этихъ словахъ она нервно жала имъ обоимъ руки, — скажите, неужели нельзя склонить телеграфное агентство на разсылку обстоятельной телеграммы? Неужели сегодняшняя овація не заслуживаетъ этого!

Драгоцѣнные подарки всѣмъ бывшимъ въ уборной показывались только издали, точно боялись выпустить ихъ изъ рукъ. Вскорѣ всѣхъ прогнали и Лариса Ивановна переодѣвалась.

Послѣ пятаго акта, по окончаніи пьесы, нѣсколько голосовъ, во главѣ опять-таки съ квартирнымъ хозяиномъ, который отъ добросовѣстности охрипъ, требовали бенефиціантку. Наконецъ, она возвратилась въ свою уборную, куда вошелъ также молчаливый незнакомецъ, вертѣвшій концы своихъ слегка посѣдѣвшихъ бакъ. Матреша сунула барынѣ пачку счетовъ и исчезла.

— Ахиллесъ, не правда ли, какъ мило, дружно все прошло! Душа во всемъ чувствовалась.

— Да, гладко, пріемъ немножко холоденъ, — зашевелилъ губами молчаливый грекъ.

— Ты правъ, но я не могу, не желаю, какъ другія, приглашать наемную клаку, мое артистическое самолюбіе не позволяетъ, я выше этого. Ты желалъ цвѣтовъ, адресовъ, портрета, но я бы лично не подумала объ этомъ. Тебѣ, конечно, лестно, что твою симпатію такъ чествуютъ. Тутъ, Ахиллесъ, вышла ошибка, я заказала пять лишнихъ корзинъ... рублей на четыреста. Ахъ, я еще не успѣла расцѣловать тебя за чудное колье.

— А брошь отъ кого? За цвѣты я отдамъ, но я желалъ бы знать, отъ кого брошь?

— Ты ревнуешь? Ты вскипѣлъ, Ахиллесъ!

— Не ревную, но такіе подарки... Кто эти провинціальные друзья?

— Ну, такъ успокойся, ты знаешь, какъ я дорожу твоимъ спокойствіемъ. Это тоже твой подарокъ.

— Мой?

— На 800 рублей, счетъ у меня дома. Если же ты откажешься, найдешь, что я не стою этого, я сама заплачу.

— Во сколько же вся овація обойдется?

— Безъ колье и твоихъ корзинъ?

— Разумѣется, мое въ счетъ не идетъ.

— Цвѣты, адреса, брошь, надо на чаи раздать, телеграммы... Не больше двухъ.

— Двѣ тысячи? А смѣту вы на сколько составили? Вѣдь она при мнѣ. Вотъ, не угодно ли, тутъ рѣшительно все вашей рукой внесено, даже клише портретовъ, устрицы для интервьюеровъ, афиши трехъ форматовъ, депеши въ главные города Россійской Имперіи.

Не омрачай, Ахиллесъ, торжественнаго дня, оставь эту смѣту. Вдохновеніе и смѣта — это двѣ такія крайнія противоположности. Послѣ творчества я хочу покоя.

Я, конечно, все отдамъ, но на эти затраты можно было сдѣлать не одну, а три оваціи. Хоть бы немножко экономіи! Къ чему устрицы для интервьюеровъ? Корзинъ довольно было.

Нѣтъ, мало!—вскрикнула она со злостью.— У насъ меньше десяти ни одна бенефиціантка не получала. Ты совершенная пила! Устрицы! — да надо же чѣмъ-нибудь привѣтствовать людей

— По пяти штукъ на человѣка... А вѣдь съѣдено около ста.

— Твоя меркантильность меня душитъ! не по одной ли устрицѣ лучше было имъ предложить?

Пререканія закончились, разумѣется, миромъ, и грекъ, выходя изъ уборной, былъ атакованъ плотниками, бутафорами, пожарными и другими. Всѣ поздравляли его съ успѣхомъ, и онъ роздалъ рублей сорокъ мелочью. Садясь въ карету, грекъ увѣрялъ Ларису Ивановну, что онъ принципіально противъ бенефисной системы.

ОТЪ ТРЕХЪ ДО СЕМИ

У извѣстнаго доктора внутреннихъ и нервныхъ болѣзней отъ трехъ до семи часовъ пріемъ больныхъ. Собралось человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ дамы. Въ гостиной для развлеченій паціентовъ разложены альбомы европейскихъ видовъ, достаточно засаленные, комплектъ «Нивы» за 1893 г. и театральныя афиши. Многіе явились за часъ и болѣе до пріема, потому смотрятъ изнуренными. Каждый помнитъ отлично, послѣ кого пришелъ, и нервно ждетъ момента, когда наступитъ его очередь. Докторъ отворяетъ дверь, кланяется и впускаетъ паціентовъ. Одни паціенты во время ожиданія весело болтаютъ, другіе сумрачны, молчаливы, съ тучами на лицѣ: эти заподозриваютъ, очевидно, у себя тяжелые недуги.

— Maman, — уговариваетъ мамашу взрослая дочка, отъ которой несетъ фіалками, — настойте непремѣнно, чтобы докторъ насъ въ Aix-les-Bains послалъ! Тамъ весело, музыка, наконецъ, Вольдемаръ туда же ѣдетъ, ему разрѣшенъ отпускъ.

— Я думаю, насъ сошлютъ въ Франценсбадъ...

— А вы заставьте его сдѣлать по вашему. Въ Aix-les-Bains отъ ревматизмовъ излечиваются прекрасно. Да вообще, и мой, и твой равматизмъ поддаются леченію легко. Принять облатку съ салициломъ, и все пройдетъ!

— Не скажи, у меня вчера руку очень ломало, но, конечно, я твоему отцу сказала, что въ глушь не поѣду.

— Я люблю путешествовать, maman.

— Охъ! — простоналъ худощавый субъектъ, нажимая себѣ правый бокъ подъ ребрами. Его желтоватое лицо выражало страданіе.

— Междуреберная невралгія? — спросилъ его сосѣдъ.

— Печень! — произнесъ онъ, тяжко вздохнувъ.

— Ревень помогаетъ.

— Все перепробовалъ, полное аптекарское меню скушалъ, и все то же самое.

— Что ощущаете?

— Давитъ, тяжесть... охъ!

— Что же говорятъ врачи?

— Ничего положительнаго... Одинъ пощупаетъ, говоритъ — уменьшилась, другой пощупаетъ — на два пальца выпираетъ. Никакъ въ норму не могу ее привести. Ясно, картина ясная.

— Что ясно?

Ясно, что ракъ, и скрываютъ его отъ меня. У семнадцати заграничныхъ знаменитостей былъ и ничего новаго — или выпираетъ, или уменьшилась.

— Хирургу показывались?

— Еще бы! ткнулъ пальцемъ, «немного, говоритъ, выпираетъ».

— А лицо у васъ здоровое и вообще хорошій видъ.

— Сорокъ девятая консультація сегодня!

— Вы, можетъ быть, мнительны.

— Не будь здѣсь дамъ, я бы попросилъ васъ самихъ пощупать у ложныхъ реберъ... Каменная! А у васъ что?

— Нервусъ тригеминусъ, невралгія въ затылкѣ, объ стѣну бьюсь. Начиная вотъ отсюда...

— Я знаю, и вотъ сюда, потомъ немного лѣвѣе и такъ идетъ... Я все это знаю.

Онъ провелъ нѣсколько линій по своей головѣ.
— Чѣмъ васъ лечатъ?
— Салициломъ, мигрениномъ, хининомъ.
— Палліативы...
— И при этомъ оглохъ я, такъ что обуреваютъ черныя мысли, представляется...
— Хотите, скажу, что вамъ представляется?
— Скажите!
— Необходимость трепанаціи черепа, и когда засыпаете, то чувствуете уже, что сверлятъ.
— Вы докторъ?
— Нѣтъ, но все испыталъ, шалости нервуса тригеминуса я электричествомъ остановилъ. Сначала электризировали доктора, потомъ вижу, что не тамъ, гдѣ нужно, они электризуютъ.. Отказался и самъ принялся за электричество... Какъ видите, отъ этого зла избавился, а другое нажилъ.
— Ушная раковина ноетъ даже иногда.
— Непремѣнно: по пути нервуса находится.. вездѣ заноетъ.

Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ авторитетомъ и какъ-будто желалъ сказать: пострадай и ты немножко, а я настрадался. Затѣмъ онъ вспоминалъ о печени и то и дѣло, оглядываясь по сторонамъ, незамѣтно надавливалъ ее черезъ сюртукъ.

— Вы вотъ коснулись печени, — вмѣшался въ ихъ бесѣду старичокъ,— а у меня, по словамъ врачей печень здорова, а боли въ ней отъ почки.
— Рефлекторность! — продолжалъ тотъ же знатокъ человѣческихъ страданій, заподозрившій у себя ракъ.
— А такъ — давишь и ничего!
— Рефлекторность бываетъ разнообразная, я знаю, что это такое!
— А вы страдали болѣзнью почекъ?
— Чѣмъ я не страдалъ, я все перенесъ, и вотъ теперь погибаю, ракъ. О-охъ!

Онъ вынулъ изъ кармана зеркальце и, высунувъ языкъ, посмотрѣлся въ него. Потомъ спряталъ зеркальце.

— Лѣтъ пять языка порядочнаго у себя не видалъ... О-охъ! У васъ, господа, пустяки.

— Почему же вы думаете, что только вы одни больны?

— Серьезнѣе, чѣмъ вы, во всякомъ случаѣ.

Онъ приложилъ лѣвую руку къ сердцу.

— Вотъ, вотъ... самъ слышу и чувствую.

— Да, вѣдь, печень направо, а вы налѣво.

— Сердце неважное... Постоянные перебои и шумъ.

Въ комнату вошелъ розовый, бритый господинъ, въ смокингѣ, надушенный. Ему лѣтъ за 50, но онъ молодится.

— Павлинъ Павлиновичъ! — протянула ему руку брюнетка подъ вуалью. — Чѣмъ вы больны?

— Вазомоторные нервы... Представьте себѣ, Ольга Ивановна, послѣ обѣда у меня одна щека дѣлается красной, совсѣмъ, какъ нарумяненная, и дамы подсмѣиваются... Другую-то, — говоритъ недавно старуха въ театрѣ, — забылъ нарумянить!

— Ну, а прежніе ваши недуги?

— Укрѣпилъ периферическіе нервы... Какъ видите, пополнѣлъ, похорошѣлъ!

— Вы вѣдь русскихъ докторовъ не признавали?

— Этотъ вотъ — мой другъ, потому я и пришелъ къ нему. Онъ человѣкъ выдающійся, а другихъ не жалую. Вы чѣмъ хвораете?

— Артритизмъ.

— Я вамъ дамъ пилюли покойнаго старика Кусмауля изъ Гейдельберга.

— Вы мнѣ столько пилюль надавали!

— Все первыхъ былыхъ свѣтилъ.

— Нѣтъ, я рѣшила не лечиться у дилетантовъ.

— Какъ вамъ угодно!

Онъ вынулъ изъ кармана коробочку.

— Что это у васъ за конфетки?

— Таблетки доктора Озера изъ Вѣны, возбуждающія дѣятельность желудка.

— Вѣчно съ пилюлями.

— Три сорта двадцать лѣтъ ношу при себѣ.— Безъ нихъ не могу! Оживаю.

— Зачѣмъ же вы пришли: чтобы вамъ прописали четвертый сортъ? Вы неврастеникъ.

— Да вѣдь и вы тоже, вѣдь кто же изъ насъ не неврастеникъ. Разница вся въ томъ, что у меня пошло на полное улучшеніе, а у большинства въ хронику превращается. Я изгоняю неврастенію, а другіе сживаются съ нею. Я вотъ думалъ одно время, что у меня ракъ!

При этихъ словахъ тощій субъектъ, заподозрѣвающій у себя ракъ, нѣсколько вытянулся.

Щупалъ себѣ печень, совѣтовался, стоналъ, то мнѣ казалось, что она у меня изъ-подъ реберъ лѣзетъ, то дѣлается меньше, то каменѣетъ. А теперь меня въ этомъ не увѣришь. Нѣтъ, шалишь! Пилюли-то спасли.

— Извините, но что это за пилюли? — обратился къ нему тощій субъектъ.—У меня рѣшительно тѣ же симптомы болѣзни печени, какъ у васъ.

— Каменѣетъ?

— Каменѣетъ! Ноетъ!

— Ахъ, и ноетъ! И потомъ что-то скребетъ?

— Скребетъ!

— Ну, вотъ это ракъ-то забрался туда и хочетъ выбраться! Вотъ вамъ моя карточка, приходите, я васъ даромъ вылечу!

Въ этотъ моментъ докторъ отворилъ дверь и, услышавъ слова Павлина Павлиновича, замѣтилъ громко, улыбаясь:

— Павлинъ Павлиновичъ, я на васъ разсержусь, вы опять у меня практику отбиваете.

— Типичный неврастеникъ! — подумалъ докторъ, хлопнувъ дверью.

РЕВНОСТЬ

Женщина выходитъ изъ себя, когда близкій ей человѣкъ относится къ ней съ полнымъ равнодушіемъ, не выноситъ она и мучительной ревности съ безпрерывными подозрѣніями и сценами. И въ томъ и другомъ случаѣ она страдаетъ. Не такъ страшенъ ей Отелло, который можетъ задушить, убить ее, какъ человѣкъ подозрительный, недовѣрчивый. Постоянная ревность, основанная на догадкахъ, на намекахъ, хуже ревности бушующей съ драматической, внезапной развязкой.

Василій Ивановичъ Кащеевъ ни на что бушующее рѣшительно неспособенъ. Эта пила, какъ назвала его одна женщина, острая пила, съ ужасными зубьями.

Василій Иванычъ влюбился въ Тосю, живую, нервную блондинку, очень извѣстную въ тѣхъ кругахъ, гдѣ веселятся, всегда веселятся. У Василія Иваныча хорошія деньги, онъ познакомился съ Тосей въ маскарадѣ, они ужинали и съ этихъ поръ сдѣлались близкими другъ другу. Онъ отдѣлалъ ей квартиру, купилъ лошадь, заплатилъ большіе счета портнихѣ, которая безсердечна, какъ голодная акула. Тося, благодаря такому положенію, сразу повысилась въ кругу подругъ и знакомыхъ. Василій Иванычъ, скучавшій до сихъ поръ, потому что никто ему не приглядывался изъ женщинъ, нылъ и жаловался на судьбу. Теперь онъ повеселѣлъ, нашелъ

свое счастье, за которое ухватился крѣпко-крѣпко, и оберегалъ это счастье; онъ боялся, чтобы какой-нибудь врагъ не вырвалъ его изъ рукъ. Тося нашла обезпеченность, избавилась отъ кредиторовъ, но начинала уже тяготиться ревностью Василія Иваныча. Онъ, будучи съ ней въ циркѣ, замѣтилъ, какъ она разговаривала въ антрактѣ съ молодымъ человѣкомъ, смотрѣла на многихъ, кто-то смотрѣлъ на нее. Возвращаясь изъ цирка, Кащеевъ былъ мраченъ, молчаливъ и надулся.

— Что это за молодой человѣкъ съ вами разговаривалъ сегодня?

Мой старый пріятель, другъ того господина, который такъ много для меня сдѣлалъ и о которомъ я вамъ говорила.

— Подозрительная личность! — сквозь зубы процѣдилъ Василій Иванычъ.

— У васъ всѣ люди, которые со мной говорятъ — подозрительные, всѣ мои знакомые.

— Общество, отъ котораго бѣжать надо.

— Пожалуйста моихъ знакомыхъ не трогайте! Въ прошлый разъ вы накинулись на Жеребенкова, который мнѣ конфетъ подарилъ... называли его жуликомъ, мошенникомъ...

— И все-таки онъ симпатичный и, можетъ быть, дѣйствительно я въ немъ ошибался.

— Вы это говорите потому, что видите около меня другого, начинаете симпатизировать болѣе тому, кого нѣтъ на глазахъ.

— Вы меня извините, но я ставлю васъ на извѣстную высоту и хочу, чтобы вы порвали связь съ этой дрянью, не умѣющей васъ цѣнить.

— Ради Бога не возвышайте и не спасайте! Не нужно мнѣ возвышеній, я такая, какая есть, какая была. Перестаньте злиться безъ причины.

— Вы мнѣ сами говорили, что эта жизнь вамъ въ тягость, что вы хотите порвать связь съ нею.

— Я подразумѣвала кредиторовъ. Поѣдемъ ужинать, скучно что-то...

— Въ кабакъ? Въ кабаки манитъ.

— Въ ресторанъ, а не въ кабакъ... дома скучно.

— Но вамъ полезно для здоровья лечь пораньше... у васъ малокровіе... Хотите, я почитаю вамъ что-нибудь?

Тося посмотрѣла на него и улыбнулась.

— Да что я, старая баба, что ли, а вы чтица. Я и безъ васъ могу читать. Ужинать хочу...

— Извольте! произнесъ онъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ: — будемъ ужинать, но съ условіемъ поздно не засиживаться. Найдемъ ли кабинетъ?

— Зачѣмъ кабинетъ, мы въ общей залѣ сядемъ, гдѣ люди, меня ваша пещерность давитъ.

— Я въ общую залу не пойду: вы начнете перемигиваться, я не выношу... пора передѣлаться.

— Ахъ, ужъ какъ вы, Василій Иванычъ, съ передѣлками этими мнѣ надоѣли, слушать противно.

— Вы знаете, я васъ глубоко уважаю...

Ну и что же? За это уваженіе въ темницу меня? На людей не смотри, къ себѣ никого не принимай, сиди одна и читай... Передѣлки!

— Я васъ считаю не такой, какъ другія.

— Что же я, сахарная, что ли!

— Васъ окружала дрянь, ничтожество.

— Опять всѣхъ бранить! Ѣдемъ ужинать.

— Кабацкое времяпрепровожденіе... впрочемъ, извольте, я еще ни въ чемъ вамъ, кажется, не отказывалъ.

Карета подъѣхала къ ресторану «Медвѣдь», гдѣ было людно, игралъ оркестръ, изъ оконъ отдѣльныхъ кабинетовъ, выходившихъ въ общій залъ, смотрѣли дамы и кавалеры. Доносился крикъ.

Тося желала незамѣтно кивнуть головой актеру съ женоподобнымъ лицомъ, а Василій Иванычъ подмѣтилъ это.

— Что это за хамъ?

— Вы сумасшедшій!

— Онъ вамъ поцѣлуй послалъ.

— Развѣ вы не видите, кто это... опереточный пѣвецъ Левкоевъ.

— Невоспитанные люди, невѣжи! Съ какимъ бы я удовольствіемъ вышвырнулъ всю эту оперетку изъ столицы... профанація искусства.

— И всѣ, кто въ ней участвуетъ, возмутительные люди! Ну-съ, доканчивайте!

Въ это время вблизи показался высокій блондинъ съ усами, лукаво посмотрѣвшій на Тосю. Тося нѣсколько взволновалась, потомъ явно, открыто поклонилась блондину.

— Наглое, нахальное лицо! — сказалъ Василій Иванычъ.

— Замолчите вы или нѣтъ, или я уйду, за нимъ уйду... слышите, Василій Иванычъ.

— Постыдитесь, вы краснѣете, волнуетесь, вѣдь тутъ сосѣди кругомъ, генералъ Самородиновъ смотритъ, онъ меня знаетъ.

Пожелтѣли отъ ревности, не знаете за кого ухватиться, весь міръ изъ-за меня ненавидите!

— Что же, вы находите, что этотъ господинъ прилично поступилъ, подмигнувши вамъ? Вонъ тотъ актеръ, и тотъ себѣ не позволитъ этого.

— Ну, вотъ, вотъ... начинаете теперь питать нѣжныя чувства къ актеру... А кто мнѣ нравится, не угадаете, — сказала она, оскаливъ бѣлые зубы.

— Извините меня, но это неприличныя штуки съ вашей стороны. Я васъ такъ уважаю, что не допускаю мысли, чтобы вамъ могли нравиться такія люди.

— Вы выше всѣхъ, вы одинъ достойный симпатіи, а всѣ остальные мелкіе, ничего не стоющіе людишки... глупые, пошляки, невоспитанные...

Она встала, чтобы уйти.

— Что это значитъ, куда вы?

— Что же, я не могу встать, вы видите, у меня пуговка отскочила на лифѣ, мнѣ дадутъ булавку... посидите минуту.

— Не лучше ли домой въ такомъ случаѣ?

Нѣтъ, посидимъ, здѣсь хорошо.

— Я пойду спросить булавку!

— Такъ принесутъ, я прикажу, останьтесь.

— Что же, я здѣсь буду прикалывать?

— Но...

— Сидите на мѣстѣ... наконецъ, я выйду изъ терпѣнія.

Она быстро ушла, а Василій Иванычъ старался выказать полное самообладаніе. Тѣмъ не менѣе въ душѣ у него былъ адъ, онъ ревновалъ и дѣлалъ всевозможныя предположенія, что Тося съ кѣмъ-нибудь разговариваетъ, что она пошла, по старой привычкѣ, навѣщать подругъ въ кабинетахъ. Онъ былъ блѣденъ и жегъ, а не курилъ папиросы. Василій Иванычъ не вытерпѣлъ и какъ бы желая прогуляться по залѣ, направился послѣдить за Тосей.

Тося стояла за пальмами съ незнакомцемъ во фракѣ, изъ петлицы котораго торчала хризантема. Василій Иванычъ быстро повернулъ, такъ что его не видѣли, и сѣлъ на свое мѣсто. Когда возвратилась Тося, онъ молча сидѣлъ и барабанилъ по столу. Минуту спустя онъ спросилъ:

— Булавку нашли?

— Нашла.

— Неужели вамъ не надоѣли эти цыганскіе вальсы?

— И вы ихъ любите, а только вы не знаете, на комъ злобу сорвать, и за музыку принялись.

Въ этотъ моментъ господинъ съ хризантемой проходилъ мимо и посмотрѣлъ на Василія Иваныча.

— Что-то фатальное есть въ этомъ лицѣ! произнесъ Василій Иванычъ.

— Красивое лицо, не молодое, но красивое,

— Усы какъ у кота, дерзкое, вызывающее выраженіе, не по душѣ мнѣ, милый другъ, вся эта публика.

— А кто вамъ по душѣ?

— Пора спрашивать счетъ!

— Посидимъ еще... дома опять пилить начнете!

— Не до утра же оставаться въ этомъ вертепѣ!

— До утра далеко, вонъ видите, еще пріѣзжаютъ только... вонъ Кремницкій, Греминъ, Зина Хвостикъ съ ними.

— Вы, кажется, весь Петербургъ по фамиліямъ и именамъ знаете... все это дрянцо...

— Одинъ только серьезный, рѣдкій человѣкъ, какъ надо заключить по вашимъ словамъ, это вы сами! Перестаньте... Зина идетъ сюда... съ ней Греминъ. Я вамъ его представлю...

— Нѣтъ, ужъ увольте...

— Онъ, кажется, навеселѣ, вы съ нимъ не шутите...

— Чортъ его возьми, я поговорю съ нимъ! Подойдетъ! Подойдетъ, когда вы сидите со мной!

— Онъ васъ знаетъ...

— Но я не желаю его знать! Я спрошу счетъ и мы поѣдемъ, это рѣшено.

— А я желаю, чтобы вы сидѣли...

— Я больше оставаться въ этомъ обществѣ не хочу... Онъ вамъ подмигиваетъ! Какая наглость.

— Не задѣвайте его — бросится! Платите счетъ...

Она быстро встала.

— Куда вы? Тутъ какіе-то звѣри.

— Платите счетъ!.. Я потеряла мое зеркальце...

— Позвольте!

— Сейчасъ.

Тося ушла, а растерявшійся, возбужденный Василій Иванычъ бросилъ на столъ деньги.

— Скорѣе, слышишь ты, скорѣе! — кричалъ онъ лакею.

— Въ одинъ моментъ-съ!

Кащеевъ ждалъ три минуты, пока лакей принесъ сдачи, а Тоси все не было. Онъ боялся отойти отъ стола, потому что она должна сейчасъ возвратиться, и находилъ неудобнымъ пойти ей навстрѣчу.

Тося не возвращалась. Василій Иванычъ вскакивалъ, ходилъ по залѣ, волновался, что-то шепталъ себѣ подъ носъ. Онъ рисовалъ въ воображеніи самыя мрачныя картины.

— Послушай, человѣкъ... пожалуйста, ты скажи барынѣ, которая со мной кушала... она тамъ ищетъ зеркальце... что мнѣ не совсѣмъ здоровится, я жду ихъ.

— Слушаю-съ!

Не дождавшись отвѣта, Кащеевъ самъ побѣжалъ за Тосей, но не нашелъ ея. Ему сказали, что она взяла извозчика и уѣхала домой, оставивъ ему карету.

Василій Иванычъ выскочилъ, какъ сумасшедшій, а она предпочла болѣе пріятное общество и укрылась въ кабинетѣ съ подругами, въ большой шумной компаніи.

— Уѣхалъ! — объявила Тося компаніи, стоя у окна, замучилъ меня! всѣ подлецы, одинъ онъ ненаглядный. Сегодня утромъ волосокъ у меня на перчаткѣ замѣтилъ, полчаса ворчалъ, увѣрялъ, что это изъ чьихъ-нибудь усовъ... Извелъ меня...

ЖЕРТВА

Застѣнчивый Эрастовъ, начинающій чиновникъ, получилъ 20-го числа жалованье и, вмѣсто того, чтобы ѣхать на дачу, гдѣ живетъ жена съ дѣтьми, остался ночевать въ Петербургѣ.

Онъ махнулъ вечеромъ въ увеселительный садъ, сѣлъ на эстрадѣ, гдѣ играли музыканты, одѣтые въ бѣлыя куртки съ красными кушаками.

Эрастовъ спросилъ стаканъ чаю.

Передъ нимъ, какъ изъ земли, выросла стройная женщина въ свѣтломъ платьѣ.

— Скучаете?—ласково спросила она.

— Только-что пріѣхалъ! — нѣсколько сконфуженно отвѣчалъ Эрастовъ, на котораго эта особа сразу произвела нѣкоторое впечатлѣніе.

Она была въ его вкусѣ. Онъ любилъ высокихъ и мускулистыхъ.

— Можно присѣсть къ вамъ? Вдвоемъ веселѣе.

— Прошу васъ! Чайку не угодно ли?

— Мороженаго лучше!

Она присѣла къ столу.

— Вы изъ здѣшнихъ? — интересовался Эрастовъ.

Солистка. Вы нашъ хоръ не слышали?

— Нѣтъ-съ, не удавалось... я очень рѣдко, всего первый разъ въ саду.

— Хоръ Клавдіи Агапитовны по концертной стройности первый. Насъ въ Санъ-Луи на выставку звали, но мы не поѣхали. Вы Санъ-Луи знаете?..

Слыхалъ, что очень далеко

— Клавдія Агапитовна даже для всѣхъ насъ костюмы корсаровъ заказала, но потомъ ее уговорили почитатели не плыть. Да вотъ она сама... хотите, я вамъ представлю ее?

Сконфуженный Эрастовъ замялся, а собесѣдница воспользовалась этимъ.

— Клавдія Агапитовна, позвольте представить вамъ любителя хорового пѣнія.

Эрастовъ, превратившійся неожиданно и противъ воли въ мецената, подставилъ почтенной дамѣ стулъ и спросилъ:

— Чайку не прикажете ли?

— Пожалуй, чашечку выпью, да прикажите пять-шесть бутербродовъ съ икрой.

— Велите десять подать, и я съѣмъ!—добавила хористка.

— Какія вы больше музыкальныя произведенія любите?—обратилась содержательница хора къ Эрастову.

Я... нельзя сказать, чтобы...

— Ну, ужъ у меня репертуаръ такой, что никто конкуренціи не выдержитъ. У меня репетиторъ хорошъ.

Въ этотъ моментъ, словно Мефистофель предъ Фаустомъ, выросъ мальчикъ съ розами въ рукахъ.

— Купите намъ по розѣ! — предложила хористка Эрастову.

— Теперь сезонъ розъ! — пояснила Клавдія Агапитовна, взявши розу.

— Сколько за пару? — крикнулъ Эрастовъ.

— Три рубля!—пропищалъ мальчикъ.

— Съ ума сошелъ... вѣдь имъ двугривенный цѣна.

Дамы перешепнулись, какъ будто желая сказать, что это за невоспитанный человѣкъ съ ними сидитъ. Торгуется! Эрастовъ заплатилъ. Подали чай и бутерброды. Дамы глотали бутерброды съ поразительной быстротой.

— Можно Пашу и Машу позвать къ столу? — нерѣшительно пробормотала хористка.

Эрастовъ промолчалъ, что было принято, очевидно, за знакъ согласія,—и къ столу сѣли еще двѣ хористки.

— Что вы хотите? — командовала сидѣвшая раньше, которую прозвали Заза.

— Глинтевейну развѣ.

— Послушайте, велите имъ глинтвейну принести.

А передъ столомъ опять выросъ мальчикъ съ розами. Эрастовъ подмигивалъ ему, чтобы проходилъ мимо, — мальчикъ не понималъ.

Берите себѣ тоже розы! дай имъ, Гриша, по розѣ.

Мальчикъ подалъ по цвѣтку.

— Три рубля-съ!

— Кусаются, братецъ, твои розы! За эти деньги можно оранжерею купить.

— Платите! — повелительно произнесла Заза... Хотите хоръ послушать? Пойдемте въ кабинетъ?

— Да вѣдь вы здѣсь на воздухѣ будете пѣть! — упрямился Эрастовъ.

— Ну, положимъ, какъ знатокъ, вы не должны судить о насъ по пѣнію на эстрадѣ, — компетентно объяснила Клавдія Агапитовна, — здѣсь звукъ разлетается, въ кабинетѣ онъ цѣльнѣе, полнѣе... акустика.

— Воздухъ... Я воздухъ люблю.

— Ну, такъ сперва послушайте здѣсь, а потомъ пойдемъ всѣ въ кабинетъ! — объявила Заза.

— Послушайте!—вмѣстѣ произнесли хористки, пившія глинтвейнъ. — Солистокъ много.

— У насъ есть очень нарядные кабинеты, — уговаривала Клавдія Агапитовна: — вотъ хоть бы стиль модернъ, гдѣ мы графу Кнехтъ поемъ. Есть турецкіе кабинеты, венеціанскіе... съ фонариками. Вы можете себя чувствовать совершенно въ Венеціи. Да вотъ управляющій.

Появился господинъ въ цилиндрѣ съ гибкой фигурой.

— Арнольдъ Семеновичъ, что венеціанскій свободенъ сегодня?

— Я обѣщалъ его по телефону, но впрочемъ... для интереснаго гостя...

— Нѣтъ, да вы пожалуйста... я вамъ потомъ скажу... чуть не шепотомъ произносилъ Эрастовъ, обтирая платкомъ лобъ.

— Дайте управляющему три рубля.

Заза крикнула такъ громко, что Эрастовъ испугался и передалъ новенькіе три рубля управляющему обнажившему голову. Арнольдъ Семеновичъ нагнулся и успокоительно произнесъ:

— Если пожелаете мавританскій кабинетъ, задержу для васъ.

— Послушайте, какъ васъ зовутъ? Меня зовутъ Заза, а васъ?

— Антипъ Ѳедоровичъ.

— Антипъ Ѳедоровичъ, дайте намъ по пяти рублей...

— Но... извините...

— Мы отдали платья въ краску... въ красную... теперь всѣ въ красныхъ будемъ... завтра будутъ готовы.

— Неправда ли, это красиво! вставила Клавдія Агапитовна. Неправда ли, красиво, когда весь хоръ въ красномъ! Вы любите красный цвѣтъ?

— Мнѣ рѣшительно все равно...

— Ну, давайте, Антипъ Ѳедоровичъ, по пяти рублей.

— Меня, пожалуйста, не причисляйте... я, какъ хозяйка, забочусь лишь о нихъ... вотъ если бы холодной осетрины, я бы, пожалуй, не отказалась...

— Номеръ пятнадцатый! — приказывала лакею Заза, — осетрины холодной для Клавдіи Агапитовны! Побольше раковыхъ шеекъ! Клавдія Агапитовна любитъ раковыя шейки. Антипъ Θедоровичъ, давайте намъ по пятеркѣ!

— Надо еще здѣсь счетъ оплатить!

— Счетъ пустой, не раззоритесь... по пятеркѣ скорѣе.

— Вѣдь я не ухожу еще...

— Давайте, давайте... сейчасъ давайте...

Эрастовъ чувствовалъ себя отвратительно, онъ видѣлъ, что сосѣди подсмѣивались надъ нимъ. Его бросало въ жаръ, онъ не зналъ, какъ выйти изъ этого положенія.

Пыхтя, отдуваясь, Эрастовъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ кошелекъ и отсчиталъ пятнадцать рублей, которые передалъ Зазѣ. Его благодарили, называли «милымъ», «любезнымъ».

— Мнѣ не надо, мнѣ ничего не надо! — повторяла безъ конца Клавдія Агапитовна.

Она встала и удалилась, будто бы для переговоровъ съ акомпаніаторомъ. На самомъ дѣлѣ это исчезновеніе входило въ заранѣе утвержденную программу: не успѣла она скрыться, какъ Заза, Паша и Маша набросились вмѣстѣ на Эрастова.

— Послушайте... Клавдіи Агапитовнѣ необходимо дать рублей пятнадцать.

— За что? — стукнулъ Эрастовъ кулакомъ по столу.

— Ахъ, какъ вы стучите, всѣ оглянулись... Ей необходимо дать за хоръ.

— Да вѣдь хоръ не пѣлъ еще?..

— Это положеніе: разъ мы сидимъ съ вами, такъ это все равно, что поемъ... надо ей дать что-нибудь.

— Ничего не дамъ! Ни гроша больше.

— Ну, такъ она отберетъ все, что вы намъ дали, и мы останемся безъ гроша!

— Человѣкъ, счетъ подай!

— Впрочемъ, вы не стѣсняйтесь,—успокаивала его Заза, — можете и послѣ ей дать, когда хоръ будетъ пѣть.

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю! Гроша мѣднаго больше не дамъ! Избави Богъ отъ этого концерта...

— Вы не сердитесь, не сердитесь!—уговаривали его всѣ хористки вмѣстѣ.

Снова подошла къ столу Клавдія Агапитовна, желавшая обрадовать Эрастова.

— Ранѣе васъ мы поемъ еще одному коммерсанту, а потомъ вамъ въ венеціанскомъ кабинетѣ...

Человѣкъ подалъ на тарелкѣ счетъ Эрастову.

— Это что такое? — спросилъ онъ, просматривая счетъ.

— Фрукты-съ.

— Ты, любезный, это что же? Приписывать вздумалъ! Какіе фрукты? Мы ихъ и не видѣли. Скотина ты.

— Виноватъ-съ... вчерашніе...

— Да я вчера и не былъ у васъ... Я первый разъ въ жизни здѣсь.. Могу доказать это... разбойникъ.

— Это наши фрукты! — объяснила Заза.—Мы вчера кушали съ Клавдіей Агапитовной... Я велѣла приписать къ вашему счету три груши и персикъ.

— Ну-съ, а икра... кто икру ѣлъ?

— Третьяго дня кушали...

— Тоже мы кушали! Это былъ день рожденія Клавдіи Агапитовны.

Эрастовъ заплатилъ деньги и всталъ. Онъ ничего не пилъ, но его какъ-будто шатало.

— Вы что же, хотите прогуляться — кричали хористки... — Прогуляйтесь, посмотрите акробатовъ.

— Викторинъ, о послѣдней нашей средѣ нигдѣ словомъ не обмолвились... Я хотѣла сама написать отъ имени неизвѣстнаго...

Я самъ думалъ. но собралась такая мелочь, что и перечислягь не стоило... А вѣдь какую индѣйку съѣли за ужиномъ!.. Собственно говоря, кормежки подобныхъ людей ни къ чему не ведутъ...

— Да, но общество было порядочное, чистое...

— А что мнѣ въ его порядочности?.. Мнѣ нужны имена, и въ эту среду я постараюсь затащить лицъ болѣе интересныхъ...

— Мы живемъ очень далеко, погода скверная, стѣсняются ѣхать.

— Можно взять двѣ четырехмѣстныя кареты и послать за ними, это расходъ вполнѣ производительный... Литературно-музыкальная часть у насъ въ совершенномъ упадкѣ... Игра на гитарѣ Пестрюкова и пѣніе твоей сестры всѣ нервы измочалили...

Хорошо бы затащить къ намъ Далматова!..

— Ты бы написала ему, что желаешь брать уроки драматическаго искусства. Взять одинъ урокъ, а потомъ просить сдѣлать честь пожаловать на вечеръ...

Наступила среда. На столѣ стоялъ ящикъ съ сигарами—удачная смѣсь гаванскихъ съ сигарами внутренняго приготовленія. Папиросы должны были обратить особенное вниманіе, такъ какъ на нихъ золотомъ напечатано: «По особому заказу В. П. Африканова». Два лакея во фракахъ темно-синяго сукна съ мѣдными пуговицами бѣгали изъ комнаты въ комнату, причемъ тотъ, который подлиннѣе, незамѣтно стянулъ три сигары. Африкановы въ этотъ вечеръ рѣшили напомнить о себѣ обществу и прибѣгли къ усиленному сбору гостей. Между прочимъ удалось залучить нѣсколько однофамильцевъ старыхъ графскихъ и княжескихъ родовъ. Про каждаго изъ нихъ можно было спросить это графъ? это князь? Нѣтъ, это просто N., это просто Z. Пригла-

шены были литераторы, артисты, финансовая аристократія въ лицѣ грековъ Пелопса Ѳіестовича Ѳракипопуло, Пизистрата Пандареевича Разарваки и еврея Моисея Берковича Шницеля, подумывающаго о переѣздѣ за границу, такъ какъ онъ достаточно разбогатѣлъ... Изъ литераторовъ ожидали поэта Клеща (псевдонимъ), извѣстнаго театральнаго критика и беллетриста Репейникова, романы котораго создали ему прочное положеніе въ обществѣ... Изъ артистовъ обѣщали быть всевозможныя извѣстности лучшихъ марокъ.

Въ половинѣ десятаго комнаты наполнились гостями, и хозяева сидѣли уже за зеленымъ столомъ, надѣясь покрыть расходы съ лихвой.

— Зе ву засюръ, сказалъ Пелопсъ Ѳіестовичъ, протягивая два пальца Шницелю, — сто ми будемъ есце хоросо стоять на бирзѣ...

— Мы сами црезъ насу грецескую политику теряемъ, но это партіотицеское движеніе... Оно утихнетъ...—добавилъ Пизистратъ Пандареевичъ.

— Ви заловаться не мозете, Шницель. Нагрѣли всѣхъ.

Хозяйка, продувъ въ макао сто рублей, обратилась къ гостямъ съ любезнымъ предложеніемъ купить билеты домашней лотереи: разыгрывались бронзовые часы, выбивающіе четверти... Цѣна билета десять рублей. Всѣ ухватились нехотя за бумажники и вынули по красненькой, только Шницель умышленно закашлялся и увильнулъ. Проигрышъ былъ скоро возстановленъ.

— Господа... представлю вамъ извѣстнаго французскаго артиста, фаворита публики, мсье Жанвье... Онъ далъ мнѣ слово прочесть сегодня стихи Мюссе... Мсье Жанвье... сигары, папиросы, налѣво фрукты, прохладительные напитки. Мосье Жанвье такой милый, что не забываетъ нашихъ вечеровъ.

— Пари держу, — говорила какая-то старая дама, лорнировавшая француза, — что насильно

затащили... Къ нимъ многіе не ходятъ, потому что горячихъ ужиновъ не даютъ...

— А почитайте, что въ газетахъ писали... Абиссинскіе князья у нихъ бывали...

— Сбродъ, страшный сбродъ! Сегодня, напримѣръ, посмотрите... какіе-то иностранцы... какіе-то дипломаты, которыхъ рѣшительно никто не знаетъ... Гдѣ тутъ лучшее общество?

Вскорѣ вышелъ изъ карточной комнаты веселый хозяинъ, хватившій пятьсотъ рублей и отказавшійся продолжать игру потому, что долженъ занимать гостей. Въ половинѣ одиннадцатаго роздали программу музыкальнаго вечера, отпечатанную на толстой бумагѣ золоченными буквами. Клещъ — стихотвореніе, Жанвье — поэзія Мюссе, Репейниковъ — отрывокъ изъ романа. Пестрюковъ — соло на гитарѣ, Скамейкина (сестра хозяйки) — «Не говори» и другіе цыганскіе романсы. Только при чтеніи этой программы многіе уже начали зѣвать.

— Концертъ начинается!—объявилъ Викторинъ Павловичъ и при этомъ заперъ входныя двери на ключъ, спрятавъ послѣдній въ карманъ.

Часъ сорокъ минутъ длилось чтеніе и пѣніе, причемъ успѣхъ имѣлъ только Жанвье, закрывавшій и закатывавшій глаза, мотавшій головой и приторно мягко и граціозно жестикулировавшій. Цыганское пѣніе г-жи Скамейкиной, которая нарядилась цыганкой и поражала рѣдкой толщиной, привело слушателей въ ярость. У одного изъ грековъ сдѣлался легкій астматическій припадокъ.

— Хорошенькаго понемножку! — сказалъ хозяинъ отворяя дверь, изъ которой пахнуло свѣжимъ воздухомъ.

Клещъ и Репейниковъ вызывали смѣхъ своей неуклюжестью. Первый страшно потѣлъ, не отнимая платка отъ лба, а второй ублажалъ семинарскую тучную фигуру водой съ сахаромъ, выпивъ графинъ.

— Я рѣдко читаю въ свѣтскомъ обществѣ! — сказалъ Клещъ Репейникову.

— Я на это имѣю свои причины и никогда не брезгаю салонами... Я списываю цѣликомъ эти аристократическія фигуры.

— Вы изъ жизнн бомонда мало писали?

— Отдѣльныя фигуры у меня часто мелькаютъ... Напримѣръ, графъ Ершинъ, князь Подоконниковъ и другіе. Какъ вы находите, у меня гладко прошло чтеніе?..

— О, да, а я — тоже, кажется, произвелъ впечатлѣніе?..

— У васъ прекрасная дикція, въ особенности въ страстныхъ сценахъ...

Лакей поднесъ имъ мороженное.

— Вотъ и онъ, — шепнулъ Репейниковъ Клещу. — попадетъ у меня въ романъ съ его фракомъ... Типичная фигура въ барскомъ домѣ.

Они думали, что дѣйствительно попали въ великосвѣтскій салонъ, потому что лакеи здѣсь носятъ синіе фраки, а гости всѣ во фракахъ.

Клещу, Репейникову и другимъ участвовавшимъ въ вечерѣ хозяйка собственноручно вручила по букетику цвѣтовъ, добавивъ мимоходомъ:

— Для сегодняшней среды изъ Ниццы выписывали. Какой запахъ.

Хозяйка отвела въ сторону супруга для интимнаго разговора.

— Викторинъ, ты это отлично придумалъ сегодня, заперевъ дверь во время концерта. Можно будетъ написать, что концертъ выслушанъ всѣми присутствовавшими съ наслажденіемъ до конца. Ахъ, да! У меня кто-то спрашивалъ: кареты развезутъ гостей?

Какія кареты?

— Которыя ты нанималъ, чтобы привозить гостей.

— Я давно ихъ отпустилъ, пускай на извозчикахъ ѣдутъ.

— Но многіе могутъ обидѣться, и мы ихъ не увидимъ у себя.

— Новыхъ подберемъ. Повѣрь, что скоро весь городъ будетъ жаждать попасть въ наши среды.

— Ужинъ въ которомъ часу?

— Въ три. Пускай поубавится гостей — не кормить же всѣхъ. Извини меня, Валентина, но я забрался въ твою область и нѣсколько видоизмѣнилъ меню.

— Неужели ты упразднилъ мой салатъ?

— Нѣтъ, я совершенно уничтожилъ разную дичь... Достаточно три холодныхъ блюда...

— Но вѣдь дичь изжарена, остужена, я сама видѣла.

— Она пойдетъ на обѣды и на завтраки... Повѣрь, что въ самыхъ лучшихъ салонахъ нѣтъ такой ширины, какъ у насъ... Да... тамъ приготовлены халва и рахатъ-лукумъ, прикажи подать грекамъ, мнѣ хотѣлось чѣмъ нибудь выразить имъ особенное вниманіе...

Въ гостиной въ отдѣльныхъ группахъ шли оживленные разговоры, причемъ гости посматривали по сторонамъ, нѣтъ ли вблизи хозяина.

— Знаете, когда зациталъ этотъ романистъ, я бросился къ двери! заперта.. — разсказывалъ Пелопсъ Ѳіестовичъ.—Я сидѣлъ близко къ нему, и онъ все брызгалъ меня, плевался... Цѣлую главу романа брызгалъ!

— Тоже и другой хоросъ,—добавиль Пизистратъ Пандареевичъ. Все рвется впередъ и какъ будто прыгнуть хотѣлъ на колѣнки ко мнѣ... Гитаристъ узасный...

— Я получилъ вчера приглашеніе на суаре съ уцастіемъ иностранныхъ и русскихъ знаменитостей и сто зе это...

— Теперь уже кончено, — произнесъ радостно Шницель, — все кончено... Человѣкъ, скоро ужинъ?

— Когда барабанъ забьетъ... У насъ по барабану двери столовой отворяются... сестрица хозяйки въ барабанъ бьютъ...

Пизистратъ Пандареевичъ даже вздрогнулъ.

Еще соло на барабанѣ... Но когда у васъ барабанъ бьетъ?

— Въ три часа-съ...

Гости замахали руками и схватились за шапки, но, словно выросшій изъ земли, хозяинъ дѣлалъ видъ, что удерживаетъ ихъ, обѣщая угостить необыкновенной осетриной, полученной, по его спеціальной выпискѣ, изъ Москвы. Но и это не соблазнило...

Викторинъ Павловичъ внезапно растерялся, что-то искалъ, а потомъ бросился къ женѣ.

— Валентина!

— Что, Викторинъ?

— Вообрази, кто-то изъ гостей унесъ съ собой весь ящикъ съ сигарами... Ты не прятала ихъ?

— Я видѣла, что Шницель выбиралъ самую большую...

— Однако болѣе семидесяти штукъ пропало... Прислуга не взяла ли... Человѣкъ, Герасимъ... ты сигары не видалъ?

— По карманамъ разобрали-съ... только что концертъ кончился, я у двери былъ. Одни сюда бросились, а другіе на сигары...

— Положимъ, тамъ гаванскихъ-то было всего восемь штукъ...

Подробности объ Африкановскихъ средахъ, вѣроятно, прочитаемъ своевременно въ газетахъ.

НА КАВКАЗСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДАХЪ

I

У источника

— Чудеса!.. — произнесъ про себя, но громко старикъ съ лицомъ, напоминающимъ обезьянку.

— Вы про здѣшнюю воду говорите? — обратилась къ нему толстая женщина, сидѣвшая рядомъ на скамейкѣ съ кружкой въ рукѣ.

— Что тамъ вода!.. Мы всѣ знаемъ, что эссентукскія воды № 4 и № 17 — славныя воды!.. А многимъ не помогаютъ.

— Я пью третью недѣлю.

— Шесть недѣль будете пить и безъ толку!.. А я пью три дня и себя не узнаю! Чудеса!..

— На всѣхъ по разному дѣйствуетъ...

Старикъ взглянулъ на нее и спросилъ:

— У кого лечитесь?..

— У доктора...

— Я знаю, что у доктора, но у котораго?

— У Штрюка, Петра Абрамовича... приватъ-доцентъ...

— Шарлатанъ!.. — Старикъ, махнувъ рукой, отвернулся.

— Что вы, батюшка, да у него пріемы только по записи... генераловъ въ гостиной встрѣтите. Ждутъ по часу и больше.

— Вы о Кузисѣ слышали?..
— О какомъ Кузисѣ?..
— Ѳемистоклѣ Ивановичѣ?..
— Кто онъ?..
— Первый профессоръ по внутренностямъ... его сочиненія давно переведены на всѣ языки заграницей... Вотъ у него побывайте...
— У меня печенка и подъ ложечкой стонетъ...
— А вотъ побывайте у него...
— Вѣдь мой докторъ Штрюкъ...
— А вамъ что дороже — свое собственное здоровье или докторъ Штрюкъ? Идите къ Кузису и въ недѣлю переродитесь. Я умиралъ, а Ѳемистоклъ Ивановичъ этакъ пожалъ меня и спросилъ: какой шарлатанъ васъ лечилъ? Чудеса дѣлаетъ!.. Вы сколько Штрюку платите?..
— Три рубля каждый разъ...
— И Кузису три дадите... Отправляйтесь сегодня на Суворовскую улицу, домъ Распопенко... Потомитесь, подождите... зато мнѣ до каблука поклонитесь...
— Изъ какихъ онъ?..
Ученый человѣкъ...
— Въ самомъ дѣлѣ, мой профессоръ все затягиваетъ...
— Умышленно!.. Да вѣдь это разбойники... Ему прямая выгода, чтобы вы скоро не выздоровѣли...
— Спасибо вамъ, батюшка, за вниманіе, я вѣдь изъ Ставрополя пріѣхала...
— Къ Кузису, обязательно къ Кузису!.. Всѣхъ къ нему направляйте. Если очень много народу, — суньте лакею Никандру полтинникъ и онъ васъ протащитъ живо...
Беретъ?..
— Не отказывается...
Толстая женщина покатилась по дорожкѣ парка, а старикъ съ лицомъ, напоминающимъ

обезьянку, подсѣлъ къ исхудавшему, желтому полковнику, ковырявшему тросточкой землю...

— Какъ чувствуете себя, полковникъ? Мы съ вами встрѣчаемся у 4-го номера, у стараго источника.

— Представьте, не важно... Ѣзжу еще изъ Эссентукъ въ Кисловодскъ брать ванны нарзана... самочувствіе не важное... Реакція это, что-ли?

— Полковникъ, извините... Кто вашъ докторъ?..

Кубиковъ, Антонъ Дмитріевичъ...

Съ Кузисомъ не совѣтовались?..

— Первый разъ слышу...

— Художникъ... Да вотъ примѣръ: я умиралъ! ну, просто живой водой спрыснулъ! Вамъ, говоритъ, воды эссентукскія очень полезны, но добавьте пилюльки.

— Какія пилюльки?

— Далъ рецептъ... Составъ удивительный! Все пошло на улучшеніе. Кузисъ смотритъ внутрь... Онъ видитъ, чего у васъ недостаетъ, и добавляетъ это въ пилюляхъ. Вообразите, меня здѣшніе шарлатаны на кашѣ держали, а Кузисъ прямо на шашлыкъ перевелъ. Волшебникъ, а не докторъ... Суворовская улица, домъ Распопенко. Не лечитесь у своего, а попробуйте только посовѣтываться! Бросьте синенькую, меньше пяти рублей не принимаетъ безъ удовольствія. У него первая практика здѣсь! Да торпитесь, а то онъ въ Лондонъ на медицинскій конгресъ ѣдетъ.

— Можетъ быть, загляну, а за участіе большое вамъ спасибо.

— Серьезный врачъ.

— Я вообще считаю всѣхъ ихъ за шарлатановъ.

Представьте, мы сходимся съ вами во взглядахъ, но Кузисъ... Сами убѣдитесь ничего не скажу!

Около кофейни хитрая обезьянка поймала судебнаго слѣдователя, жаловавшагося на ломоту въ правомъ глазу.

— Подагра!—опредѣлилъ старикъ.

— Въ глазу-то?

— Именно, въ глазу... отложенія... У меня у самого это было.

— Прошло?

— Кузисъ, дай Богъ ему здравія, спасъ.

— Кто?

— Өомистоклъ Ивановичъ... По подагрѣ ему принадлежитъ послѣднее слово. Въ языкѣ падагру открывалъ... Покажитесь ему... Добиться его не легко, но жизнь вдохнетъ. Ученый не изъ здѣшнихъ... пріѣзжій.

Старикъ подмигнулъ вертѣвшейся около нихъ дамѣ, которая впуталась въ разговоръ.

— Я слышу, вы о подагрѣ разсуждаете?—простите, что вмѣшиваюсь... Меня отъ подагры избавилъ Кузисъ, Өемистоклъ Ивановичъ... Какъ рукой все сняло!

— У нихъ подагра въ глазу.

— И у меня была подагра въ глазу! Кузисъ—это волшебникъ... Онъ гремитъ теперь.

— Вотъ извольте видѣть, господинъ слѣдователь!.. А вѣдь мы не сговаривались. Вы повторили, сударыня, мои слова. Я все время твержу о Кузисѣ.

— Попасть къ нему трудно, пріѣзжаютъ даже на автомобиляхъ, что здѣсь большая рѣдкость.

Судебный слѣдователь поддавался совѣтамъ рика и дамы и рѣшилъ полечиться у «знаменитости».

Старикъ, спустя минутъ двадцать, велъ подъ руку хромого адвоката, и многіе слышали, какъ онъ говорилъ ему:

— Вы бы къ Кузису... профессоръ... отгадываетъ всѣ недуги безъ промаха... идите къ Кузису.

Старикъ, съ лицомъ, напоминающимъ обезьянку, и дама, поддакивавшая ему, получали отъ Кузиса жалованье. Обязанность ихъ заключалась въ захватѣ паціентовъ и прославленіи невѣдомаго Ѳемистокла Ивановича.

II

Результаты

Въ Кисловодскѣ они встрѣтились во время музыки у кофейни.

— Глѣбъ Иванычъ, когда ѣдете въ Петербургъ?

— Завтра, купе въ карманѣ.

— Завтра? Ахъ, какъ я обрадованъ... представьте и я тоже.

— Василій Петровичъ, я тоже счастливъ. Ну, какъ закончили леченіе?

— А вотъ дайте вашу руку... возьмите за мой пиджакъ!—каковъ запасъ?—вотъ насколько я похудѣлъ, Глѣбъ Иванычъ.

— Я сбавилъ 30 фунтовъ, кажется, достаточно? Сегодня вѣшался.

— Я ровно пудъ... Да и вы похудѣли!

— Итакъ курсъ леченія закончевъ, польза налицо!

— Въ поѣздѣ можемъ покушать послѣ голодовки... Вы знаете, мяса мѣсяцъ не ѣлъ.

— Я только бѣлое ѣлъ, но въ малой дозѣ, а то молочко, да баклажаны!

— Послѣднее время я побилъ рекордъ: съѣдалъ по семь простоквашъ въ день, а вѣдь отъ простоквашъ не полнѣешь!

— Жена въ Петербургѣ не узнаетъ, скажетъ: что это за незнакомецъ явился.

— Меня массажъ поддержалъ... благотворное дѣйствіе! по часу въ день... меня мяли, одно удовольствіе.

— Вы гдѣ обѣдаете?

— Въ курзалѣ, можетъ быть и вы, Глѣбъ Иванычъ, раздѣлите компанію?

— Охотно, но помните! Хотя мы здѣшній режимъ и закончили, но сегодня еще слѣдуетъ подождать ѣсть тяжелую пищу и пить вино.

— Ну, разумѣется! Съѣдимъ что-нибудь легонькое... Знаете, такъ сразу набрасываться негодится... опасно. Надо переходить постепенно.

Не теряя дорогого времени, Глѣбъ Иванычъ и Василій Петровичъ поплелись въ курзалъ, гдѣ заняли на балконѣ столъ противъ музыкальнаго павильона.

Лакей изъ армянъ подалъ двѣ карточки, которыя съ жадностью принялись прочитывать Василій Петровичъ и Глѣбъ Иванычъ!

— Икорки зернистой съѣдимъ по порційкѣ?

— Да отчего же, съ лимончикомъ и лучкомъ. Вѣдь икру, Глѣбъ Иванычъ, умирающимъ даютъ.

— И балычку по кусочку можно, по тоненькому...

— Жирно, да по кусочку, конечно, ничего... Я сегодня минутъ пять любовался балыкомъ у магазина.

— Такъ вотъ, любезный, икры зернистой двѣ порціи и два кусочка балыка поянтарнѣй, золотистаго съ поволокой! Водки по рюмкѣ выпьемъ?

— По рюмкѣ пожалуй, но самой маленькой.

— Ступай—неси, а мы обсудимъ дальнѣйшее...

— Глѣбъ Иванычъ, а что если на шашлычекъ пойти по-карски, съ барбарисцемъ и всѣмъ прочимъ?

— Давайте! Здѣсь вѣдь шашлыки не то, что у насъ, легкіе, перевариваются отлично.

— Прекрасно, а потомъ? Или довольно?

— Я думаю, рыбное нужно. Какъ вы скажете, Глѣбъ Иванычъ, насчетъ осетринки на вертелѣ?

— Мысль вдохновенная... Здѣсь ее подаютъ на славу! Вкусно... въ нѣкоторомъ родѣ мѣстная спеціальность.

— Сладкаго не надо... толститъ... сахаръ.

— Маленькій дутый пирогъ... небольшой.

— Да ужъ развѣ что небольшой... со сливочками. Молоко надоѣло, хочется сливочекъ.

— Кахетинскаго легонькаго выпьемъ?

— Запить придется по рюмкѣ. Спрашивайте бутылку, а тамъ видно будетъ.

Въ семь часовъ вечера они приступили къ обѣду, а въ восемь съ четвертью потребовали бутылку шампанскаго.

— Мы даже какъ будто перехватили, Глѣбъ Иванычъ!..

— Одинъ разъ все можно... но какой барашекъ вкусный!.. Это карачаевскій!..

— Спинка, около ребрушекъ... кажется, повторилъ-бы!..

— А вотъ погодите, завтра въ вагонѣ... въ Ростовѣ-на-Дону прицѣпятъ вагонъ-ресторанъ, я съ татарами въ дружбѣ, насъ угостятъ на славу. Ваше здоровье...

— Ухъ, тяжело... Будьте здоровы... Люблю хорошую температуру вина...

— Вы много ваннъ нарзана взяли?

— Докторъ предписалъ 15, а я взялъ 25 и сегодня взялъ вмѣсто одной двѣ, утромъ и вечеромъ...

— Вы такъ не шутите... позвольте долить вашъ бокалъ...

Увѣряю васъ, все это ерунда... у меня есть пріятель съ слабымъ сердцемъ, ему предписалъ профессоръ взять десять ваннъ нарзана, оставаясь въ нихъ по восемь минутъ. Онъ взялъ шестьдесятъ и оставался по двадцать, и самочувствіе стало та-

кое, что флиртъ закрутилъ... За ваше! Чокнемся!.. Бутылки нѣтъ, какъ нѣтъ!..

— А если биссировать?

— Глѣбъ Иванычъ, можетъ получиться нежелательная реакція...

— Да ну ее къ чорту... дышется хорошо, о чемъ тутъ думать!..

— Кого къ чорту?..

— Да реакцію!.. Человѣкъ!.. Неси еще бутылку холоднаго... Но какъ я счастливъ, что неожиданно пріобрѣлъ столь пріятнѣйшаго спутника...

— И я тоже... Превкусно они приготовляютъ эту осетрину на вертелѣ. У насъ не умѣютъ... Дымкомъ пахнетъ, поджарена...

— Можетъ быть, вмѣсто ужина, одну порційку пополамъ съѣдимъ...

— Глѣбъ Иванычъ, есть у васъ крестъ на шеѣ!..

— Есть, а что?..

— Да вѣдь здѣсь ужины больнымъ совсѣмъ воспрещены...

— Василій Петровичъ!.. Мы были больными, а теперь мы здоровые... дайте руку!..

— Ну, вотъ вамъ моя рука...

— Нѣтъ, попробуйте... сколько я сбавилъ! Конечно, теперь я наѣлся—такъ кажусь толще...

— Не терплю этихъ стопокъ, люблю пить шампанское большими стаканами...

— Самое пріятное!.. человѣкъ... какъ васъ тамъ... наливайте въ большіе стаканы.

— Интересно знать, я завтра пойду свѣшаюсь: прибавится отъ такого обѣда вѣсъ или не прибавится?..

— Полфунта разницы...

— Слушайте, Глѣбъ Иванычъ... Дайте мнѣ слово... честное слово...

— Честное слово... въ чемъ дать слово?..

— Въ томъ, что мы больше трехъ бутылокъ шампанскаго пить не будемъ!.. А то понимаете... переворотъ можетъ случиться...

— Даю слово... больше трехъ... ничего...

ТЕАТРАЛЬНАЯ АРИСТОКРАТІЯ

Около балаганчика, по внѣшнему виду, въ дачной мѣстности, сидя на скамейкахъ, въ саду, разговаривали актеры. Часть труппы въ это время священнодѣйствовала на репетиціи, которая была единственной и въ то же время генеральной.

Съ тетрадкой вышелъ въ садъ помощникъ режиссера и громко спросилъ:

— А гдѣ же графъ де-Вильморъ?

Онъ искалъ актера, игравшаго во французской мелодрамѣ роль графа де-Вильмора.

— Де-Вильморъ поѣхалъ къ знакомому коммерсанту на дачу по близости! — отвѣтилъ равнодушно толстый, жирный комикъ.

— Да какъ же онъ смѣлъ? Я его оштрафую! Его выходъ!

— Поѣхалъ фракъ просить, вѣдь графъ-то во фракѣ.

— Нашелъ время! У него всегда исторія съ фракомъ! У всѣхъ проситъ, а рекомендовался исполнителемъ фрачныхъ ролей.

— Я говорилъ, что салонный репертуаръ намъ не по плечу,—высказалъ свое мнѣніе высокій актеръ въ коломянковомъ костюмѣ и въ черной фуражкѣ, сосавшій сигару.

— А какой же предпочесть, по вашему, репертуаръ?

— Бытовой!

— Бытовой! — передразнилъ онъ его. — Здѣсь публика обезпеченная живетъ, здѣсь и пьесы надо давать ковровыя.

— У васъ коверъ-то всего одинъ да и тотъ дырявый, по которому ходишь съ опаской, чтобы не растянуться!

— Скажите графу де-Вильмору, что я читаю за него роль, пусть играетъ безъ репетиціи.

Изъ театра выходитъ самъ директоръ театра съ лицомъ желтымъ, какъ бумага для истребленія мухъ, худой, длинный, съ цѣпочкой украшенной брилліантовымъ жетономъ съ цифрой XXXV.

— Какъ противно играть — и сказать не могу! произноситъ онъ, прикидываясь недовольнымъ.

— А зачѣмъ же вы, Лазарь Прохоровичъ, играете? Утруждаете себя! — вмѣшивается въ разговоръ комическая старуха.

Просятъ! Ничего не подѣлаешь!

— Кто проситъ-то? — удивляется толстый актеръ.

Публика проситъ, актеры многіе просятъ. Гдѣ у насъ бары-то для великосвѣтской гостиной? Не вы же? У васъ вонъ лакированныхъ ботинокъ нѣтъ. Зарѣзали въ пятницу на спектаклѣ!

— Чѣмъ же я васъ зарѣзалъ?

— Какъ же, играли кровнаго князя и вышли въ смокингѣ при желтыхъ ботинкахъ. Есть-ли на свѣтѣ князь, который надѣлъ бы желтыя ботинки при смокингѣ!

Вы на вашемъ барствѣ помѣшаетесь!

Да, могу сказать, что я дѣйствительно баринъ, остатокъ прежнихъ воплотителей барства на сценѣ!

— Все ваше барство въ томъ и заключается, что у васъ есть старый, лоснящійся шапоклякъ, да красный шелковый платокъ.

— Я всю жизнь изъ бѣлыхъ перчатокъ не вылѣзалъ! А графа де-Вильмора все нѣтъ? Гдѣ Петунниковъ?

Фракъ ищетъ!

— Только срамитъ труппу! Въ прошлый разъ даже у здѣшняго метродотеля фракъ просилъ.

— Откуда намъ гардеробъ-то брать? Вы сколько намъ платите? Все заложено.

Репитиція заканчивается, высыпаютъ всѣ актеры и актрисы.

— Вотъ кстати, госпожа Никудимова, — останавливаетъ антрепренеръ молодую, смазливую артистку, — у васъ необыкновенно грубые, незакругленные жесты... а вы, вѣдь, графиня по пьесѣ!

— Я училась въ школѣ у Евдокимова.

— Евдокимовское барство! Евтихій Евдокимовъ — рубашечный актеръ съ ногъ до головы! Нашли на кого ссылаться. Затѣмъ старайтесь французскія фамиліи произносить какъ можно больше въ носъ! — не забывайте, вы во Франціи, въ ея сердцѣ — въ Парижѣ!

— Я даже говорю немного по французски!

— А прононса настоящаго нѣтъ. Ужъ по части французскаго прононса спросите у меня! Затѣмъ, вы ходите быстро, графиня должна двигаться медленнѣе и плавнѣе, павлинообразно.

— Ишь, мудритъ каналья! — говорилъ актеръ съ пухлымъ лицомъ потихоньку товарищу.

— Баринъ, а всегда завитъ, какъ мерлушка.

— Больше на оффиціанта изъ барскаго дома похожъ.

— Кирилловъ! — крикнулъ Лазарь Прохоровичъ молодому актеру, садившемуся на велосипедъ.

— Что нужно?

— Вы кого играете?

— Виконта де-Мурэ.

— Такъ-съ, ну такъ имѣйте въ виду: виконтъ никогда себѣ не позволитъ барабанить пальцами

по столу, какъ вы дѣлали. Вы — потомокъ родовой аристократіи... не забывайте. И не торопитесь садиться!.. Нельзя такъ бросаться въ кресла. Спокойно опускайтесь.

— Медленный темпъ взять?

— И больше гордости! Берите примѣръ съ меня! Я гордъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простъ. Въ салонахъ именно необходимо опрощеніе человѣка. Да не вздумайте плюнуть, какъ вы плюнули на репетиціи.

— Буду стараться. Я привезъ шапо-клякъ.

— Имъ тоже нужно владѣть умѣючи. Господа!.. теперь общее замѣчаніе! Многіе изъ васъ надѣваютъ перчатку на правую руку, а лѣвую оставляютъ обнаженной. Нужно, согласно этикету, дѣлать наоборотъ.

— Да будетъ вамъ курсъ хорошаго тона проходить съ нами,—ощетинился комикъ,—не дѣти мы начинающія, виды видали, слава Богу! Я у губернаторовъ на вечерахъ бывалъ, у предводителей дворянства гостилъ.

— Это еще не резонъ, вы сами лоску отъ этого не пріобрѣли. Бариномъ нужно родиться.

— А вы помните, кѣмъ вы родились?

— Я помню одно, что все свое дѣтство у отца на золоченныхъ стульяхъ сидѣлъ, да на серебрѣ кушалъ!

— Вотъ хорошо, что напомнили... Кушать пора, ко щамъ манитъ!

Возвратился съ потнымъ лицомъ актеръ, разыскивавшій фракъ для роли графа де-Вильмора.

— Раздобыли? — спросилъ антрепренеръ.

— Одинъ уѣхалъ, другой на балъ собирается, третій утюжить фракъ отдалъ. Не могъ достать.

— Въ чемъ же вы выйдете на сцену?

— Спрошу портного, не подошьетъ-ли онъ полы у сюртюка?.. Можетъ быть, не замѣтятъ.

— Вы зарѣжете меня! Вы съ ума сошли!

— Въ сюртукѣ позвольте играть.

— Графа-то! На объдѣ въ сюртукѣ! Гдѣ хотите достаньте, иначе я замѣню васъ кѣмъ-нибудь.

— Кѣмъ же вы замѣните? До Петербурга далеко, а здѣсь артистовъ нѣтъ.

— Берется за воспроизведеніе салоннаго жанра и не имѣетъ фрака! У лакея возьмите, но безъ фрака эта роль немыслима. Высшее общество во Франціи особенно чутко и требовательно къ туалету.

— Къ гробовщику что-ли пойти, можетъ быть, у него для факельщиковъ есть фраки.

Во время объясненія всѣ актеры разошлись и Лазарь Прохоровичъ остался одинъ съ графомъ де-Вильморомъ.

— Лазарь Прохоровичъ, вѣдь, мы съ вами на сценѣ не встрѣчаемся?

— Такъ что же-съ?

— Одолжите вашъ фракъ на выходъ... у васъ, дѣйствительно, барская вещь.

— Но имѣйте въ виду, если я и соглашусь одолжить вамъ свой фракъ, то лишь въ видѣ исключенія, чтобы не погубить общаго тона великосвѣтской картины. Но въ другой разъ я васъ, пока не покажете фрака, не займу въ спектаклѣ!

Лазарь Прохоровичъ громко крикнулъ проходившему бутафору...

— Помните стиль мебели второго акта.

— Людовика двадцатаго?

— Кажется, такого и не было! Словомъ, мебель Людовика, а котораго — это безразлично, ибо у насъ всего одна мебель!

ГАЗЕТЧИКИ

— Гдѣ вамъ дадутъ такія щи? Нигдѣ нѣтъ такихъ щей! — восторженно сказалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Глыба, обѣдавшій лѣтомъ съ полковникомъ и его супругой на верандѣ ресторана Дононъ

— Прежде публика здѣсь собиралась болѣе изысканная, — равнодушно замѣтилъ полковникъ, —а тепарь какая-то окроша.

— Н-да... теперь тутъ и актеръ, и газетчикъ... Ахъ, какія щи!

Глыба уписалъ всю тарелку щей и обмахивалъ себя салфеткой.

— Даже въ жаръ бросило! Фу! Да вотъ-съ... это два журналиста кушаютъ, это адвокатъ Амуровъ... напротивъ въ бесѣдкѣ пѣвица, исполняющая цыганскіе романсы...

— Она очень мило, очень хорошо поетъ! — произнесла молчаливая полковница, которая вытянула шею и лорнировала пѣвицу. — Романсъ «Я помню вечеръ» ей особенно удается.

— А газетчики — опаснѣйшій народъ! Терпѣть ихъ не могу, пристаютъ ко мнѣ... то свѣдѣнія о предстоящемъ юбилеѣ подай вѣдь скоро мой юбилей! — То какого я придерживаюсь мнѣнія о будущности Китая, то портретъ одолжи. Но вы меня знаете, — продолжалъ Глыба, рекламу я ненавижу, врагъ дешевой популярности.

— А между тѣмъ о васъ постоянно пишутъ и фотографіи ваши въ разныхъ видахъ помѣщаются, — удивился полковникъ.

Чортъ ихъ знаетъ откуда берутъ? Вѣроятно фотографовъ подкупаютъ или прислугу.

— При чемъ тутъ прислуга?

— Прислуга крадетъ у меня со стола различные снимки.

— Признаюсь, Акимъ Акимовичъ, я была съ Пьеромъ поражена, когда появился вашъ портретъ, на которомъ вы изображены въ рабочемъ кабинетѣ, въ халатѣ.

— Домашній снимокъ, и въ печать! Вы правы, Анна Леонтьевна.

— Отчего же вы ихъ не преслѣдуете?..

— Да когда-нибудь и придется, выведутъ изъ терпѣнія. Эти господа готовы все тиснуть! Святого —ничего. И что обидно, оскорбительно, — найдутся люди, не сочувствующіе тебѣ, которые истолкуютъ все это такъ, что я самъ себя рекламирую. Конечно, кто меня знаетъ...

— Васъ никто не заподозритъ, — успокаивалъ его полковникъ, — вы занимаете видное положеніе, вами интересуются, вы, такъ сказать, выпуклость, злоба дня! Весьма натурально, что газетчики треплютъ юбиляра.

— До извѣстной степени я, конечно, выпуклость... злоба дня... Но какъ хороша здѣсь вареная говядина. Съ жиркомъ — это объѣденье, восторгъ. Я злоба дня! — продолжалъ онъ снова: — но я не желаю рисоваться, я скроменъ по своей натурѣ, у насъ это наслѣдственная черта: про отца, бывало, напишутъ въ газетахъ, изъ себя выходитъ! Бумагомаракъ ненавидѣлъ.

— Даже насъ въ покоѣ не оставляютъ, — произнесла полковница, — описываютъ туалеты и проникаютъ на балы. Одинъ такой писатель у графини Изюмовой, какъ послѣ оказалось, разносилъ во вре-

мя раута на подносѣ стаканы съ прохладительными напитками.

— Вообще литературный спортъ идетъ впередъ!

— Вы правы, и рекламируютъ всѣхъ безъ разбора! Нѣтъ, чтобы разобраться.

Въ теченіе всего обѣда они разносили печать со страстностью Сквозника-Дмухановскаго. Реклама ихъ возмущала, они негодовали, выказывая далеко не обычную скромность.

Наконецъ, полковникъ, закурившій большую сигару, всталъ, предложилъ руку женѣ и простился съ Глыбой. Они торопились попасть засвѣтло на Елагинъ островъ, на «Стрѣлку», гдѣ всегда катаются, даже несмотря на дождь и непогоду

Глыба допилъ кофе, а потомъ направился въ уголокъ къ столу, за которымъ сидѣлъ сотрудникъ газеты «Равновѣсіе», пишущій подъ псевдонимомъ «Мрачный».

— Ваше превосходительство! — привѣтствовалъ Мрачный, вскочивъ съ мѣста, д. с. с. Глыбу.

— Милѣйшій, здравствуйте, хотѣлъ къ вамъ заѣхать еще вчера.

— Изволили читать сегодняшнюю бесѣду съ вами, ваше превосходительство?

— Не забуду этой услуги! — шепнулъ онъ Мрачному, оглянувшись предварительно по сторонамъ, не слѣдитъ ли кто-нибудь.

— Портретъ вашъ завтра даемъ.

— Остановите.

— Поздно! Въ машинѣ, ваше превосходительство.

— Машину остановите, у меня сюрпризъ для васъ.

— Ваше превосходительство, тронутъ, но...

— Никому, кромѣ васъ... — Онъ вынулъ изъ бокового кармана пальто конвертъ.

— Что это?

— Новый фотографическій снимокъ съ меня, юбилейный, такъ сказать... въ мундирѣ! Желательно бы видѣть именно этотъ снимокъ въ вашей газетѣ...

— На слѣдующей недѣлѣ мы его можемъ воспроизвести!

— Постойте, подвиньтесь-ка ко мнѣ!.. Кажется, насъ не видятъ? Я еще хочу кое-что вамъ показать. Узнаете?

Глыба вынулъ изъ кармана фотографическую карточку, пожелтѣвшую и выцвѣтшую отъ времени.

— Что это за милый мальчикъ, ваше превосходительство?

— Неужели такъ-таки и не узнаете?

— Въ штанишкахъ, курткѣ...

— Это я, когда мнѣ было пять лѣтъ... Хотите?

— Такой подарокъ, ваше превосходительство...

— Вы можете тиснуть его въ газетѣ, а затѣмъ возьмите себѣ. Гонораръ изъ редакціи можете взять также себѣ. Я думаю, что этотъ снимокъ заинтересуетъ общество. Вѣдь у васъ, кажется, принято давать снимки съ малолѣтнихъ?

— Какъ же-съ... да вотъ, ваше превосходительство, мы помѣстили М. Г. Савину въ колясочкѣ, которую везетъ няня, М. Ф. Кшесинскую, играющую въ мячикъ, будучи двухлѣтнимъ ребенкомъ.

— Такъ берите, я не прочь помѣстить у васъ!

— Все, что касается вашего превосходительства...

— И это кстати, юбилей на носу! Ахъ, да... чтобы не забыть, вы хотѣли заѣхать ко мнѣ, дорогой, на счетъ моего формуляра и вообще жизнеописанія...

— Непремѣнно-съ..

— Облегчаю вашу задачу... Вотъ вамъ цѣлая тетрадка... тутъ все обстоятельно изложено, а придать цвѣтъ, украсить, оцѣнить вы сумѣете лучше меня. Мнѣ вчера не спалось и я набросалъ.

Больше ради точности, потому что вы знаете, какъ я далекъ отъ всякаго самохвальства и желанія выдвинуться.

— Ваше имя, ваше превосходительство...

— Я понимаю, что я, въ нѣкоторомъ родѣ, злоба дня.

Ваше превосходительство, позвольте мнѣ, въ свою очередь, просить васъ до появленія моихъ статей не сообщать тѣхъ же свѣдѣній въ другія газеты.

— О, можете быть увѣрены, никому ни слова. А если и дамъ что-нибудь, то совсѣмъ не похожее... Вашихъ услугъ я не забуду, и если когда-нибудь... вы понимаете... не забуду васъ. Что нужно — заходите ко мнѣ, дверь для васъ всегда отперта. Вы знаете какъ я васъ люблю.

Глыба пожалъ руку Мрачному и веселый направился по верандѣ. Его остановилъ товарищъ дѣтства Сухаревъ, тоже человѣкъ съ положеніемъ, очень важный и завистливый, оставшійся, благодаря своей нервности, не у дѣлъ.

Съ кѣмъ это ты сидѣлъ тамъ, Глыба, въ углу? — спросилъ онъ его.

— А, Сухарь, здравствуй! Какой-то литераторъ, газетчикъ или что-то въ родѣ этого... Дрянцо большое. Нагоняй ему задалъ!.. Пишутъ обо мнѣ чортъ знаетъ что... дался я имъ! Подумаютъ, я самъ хлопочу. Покою подлецы не даютъ! Эта свобода ихъ разнуздала!

— Да такъ всѣ и думаютъ!

— Выведутъ они меня когда-нибудь изъ терпѣнія, задамъ я имъ!

— Прикажи имъ замолчать!..

Сухарь, по мнѣнію Глыбы, обогнавшаго его по службѣ, возмущался больше потому, что о немъ самомъ ничего не пишутъ и не помѣщаютъ его портретовъ.

ДОМИКЪ

Глухая, узкая, косая, плохо мощеная улица на Петербургской сторонѣ напоминала заброшенный провинціальный городокъ, отдаленный отъ желѣзной дороги. Когда кому нибудь приходилось проѣзжать по этой улицѣ, никто не вѣрилъ, что онъ въ столицѣ.

Лѣтомъ косая улица покрывалась слоями пыли, до которой никому не было дѣла. Маленькія деревянныя постройки утопали въ зелени садовъ.

Двѣ-три мелочныя лавки и трактиръ ушли какъ будто въ землю и ихъ почти не было видно.

И жители этой улицы совсѣмъ не походили на петербуржцевъ: одѣвались они по старому, моды Невскаго проспекта запоздали проникнуть сюда. Фонари съ керосиновыми лампами освѣщали кривую улицу, по которой стаями прогуливались собаки, коты, а иногда выползала жирная свинья, чувствовавшая себя здѣсь, какъ дома. Никто не обращалъ на нее вниманія и она никѣмъ не интересовалась.

Подъ праздникъ обитатели улицы ходили въ церковь, находившуюся на сосѣдней улицѣ, а затѣмъ съ узелками путешествовали въ старыя бани, изъ оконъ которыхъ валилъ паръ.

Около бань лѣтъ сорокъ старуха съ бородавками на пергаментовомъ лицѣ продавала яблоки и

баранки. Ее обдавало паромъ изъ дверей бань. Ароматы пареныхъ вѣниковъ ничего, кромѣ наслажденія, старухѣ не доставляли.

По срединѣ улицы свободно расположился домикъ стараго судейскаго чиновника Агафона Титыча Корытова, прожившаго здѣсь съ женой Евдокіей Павловной безвыѣздно полвѣка. Въ палисадникѣ предъ ветхимъ двухэтажномъ домикомъ лѣтомъ стоялъ столикъ и кипѣлъ самоваръ, который старая Акулина иногда безъ церемоніи раздувала сапогомъ Агафона Титыча. Около самовара красовались голубенькія чашки съ бѣлыми пятнами, образовавшимися отъ времени на мѣстахъ какихъ-то рисунковъ. Агафонъ Титычъ ходилъ больше въ халатѣ, а супруга въ коричневомъ платьѣ и платкѣ съ цвѣточками. По праздникамъ онъ наряжался въ длинный-длинный сюртукъ, а она въ шелковое платье, отъ котораго несло запахомъ не то сырости, не то сундука, который никогда не провѣтривался.

Тогда не было еще постояннаго Троицкаго моста и только появлялись въ газетахъ краткія извѣстія о возможности постройки его. Зная, какъ долго думаютъ у насъ о постройкахъ мостовъ и какъ долго ихъ сооружаютъ, никто не придавалъ серьезнаго значенія слухамъ.

Да и постоянный мостъ мало кого интересовалъ въ косой улицѣ, потому что она далека онъ него.

Такъ вотъ и жили здѣсь люди своей жизнью, патріархальной, старой, оторванной отъ культурнаго міра столицы. На Невскій ѣздили отсюда, какъ за границу. Вагонъ конки ползалъ по рельсамъ тоже далеко отъ косой улицы; онъ считался сильнымъ проявленіемъ цивилизаціи. Тишина на косой улицѣ переносила случайно попавшаго туда петербуржца на кладбище. Обитатели улицы знали поименно другъ друга и, посѣщая одинъ другого,

занимали у сосѣдей на вечеръ стулья, посуду, ножи и вилки.

Всѣ были счастливы и довольны.

Если кто-нибудь умиралъ, то вся косая улица провожала покойника на кладбище и горевала, горевала, какъ одинъ человѣкъ.

На всей косой улицѣ жилъ единственный еврей изъ солдатъ, портной. Онъ одѣвалъ почти всѣхъ мѣстныхъ жителей. Фамилія его была Берковичъ.

Какъ-то передъ обѣдомъ, часа въ два дня, Агафонъ Титычъ, ходившій для примѣрки брюкъ къ Берковичу, возвратился домой блѣднымъ и взволнованнымъ.

— Фоша, что ты, нездоровъ? — встрѣтила его Евдокія Павловна.

— Здоровъ.

— Ужъ что-нибудь, да тебя разстроило.

— Ничего!

— Говори мнѣ прямо, я тебя насквозь вижу.

— Встрѣтилъ Бирюкова, нашего сосѣда... Ну... онъ говоритъ, что продалъ свой домъ и взялъ здоровыя деньги.

— Такъ что-же тебѣ до него за дѣло?

— Да вѣдь для чего у него купили за большія деньги домъ? Чтобы снести и построить здѣсь большой... Это все ожидаемый мостъ надѣлалъ. Ну, каково намъ будетъ жить, если рядомъ выростетъ такой слонъ.

— А намъ что за дѣло?

— Лишимся покоя, всю жизнь выворотятъ на изнанку, стукъ подымется, шумъ, рабочіе станутъ кричать... Жили пятьдесятъ лѣтъ безъ каменныхъ домовъ!.. Подлецъ этотъ Бирюковъ.

— Почему-же онъ подлецъ?

— Потому что мы здѣсь всѣ—семья, вся улица одна семья, и не спросившись, не поговоривъ со

всѣми, нельзя продавать домъ. Удивительно пріятно... пыль будетъ отъ постройки, всѣ задохнутся.

— Когда выстроютъ большой домъ, все улучшится, и мостовыя...

— А зачѣмъ онѣ намъ — мостовыя, куда мы ѣздимъ? Еще электричество вздумаютъ провести, ночь отнимутъ... вонъ, на Невскомъ, всю ночь свѣтло. А когда-же ночь-то? Лѣтомъ и безъ того свѣтло, а зимой то-же самое будетъ. Нѣтъ, ужъ не надо намъ.

— Брюки мѣрилъ у Берковича?

— Не до нихъ мнѣ! Горько, до слезъ горько, когда на старости лѣтъ начинаютъ разрушать твою жизнь.

— Одинъ каменный домъ еще ничего.

— Да вѣдь зачѣмъ онъ выростетъ рядомъ съ нами? Ну пусть-бы его строили гдѣ-нибудь подальше. Ты пойми, вѣдь не будетъ покою, и все будешь думать, спать ляжешь, и будешь думать, что подъ бокомъ у тебя такая громада стоитъ, что ты муха передъ ней!.. Въ одно прекрасное утро упадетъ этотъ домъ... вѣдь ихъ такъ строятъ, что они падаютъ... и раздавитъ насъ!

— Пугаешь ты меня, почему непремѣнно упадетъ?

— Вѣдь теперь Вавилонскія башни строятъ, а не дома. Нѣтъ, Бирюковъ подлецъ, и я его къ себѣ не пущу и къ нему не пойду. Задатокъ получилъ и мало того... намъ совѣтуетъ продать мѣсто, взять деньги и купить новый домъ. Ну, не подлецъ-ли?

— Можетъ быть, онъ и правъ.

— Авдотья, что ты говоришь, тутъ вся жизнь счастье наше, печаль наша, каждый уголокъ, каждая паутинка извѣстна намъ, привыкли мы къ нимъ, и вдругъ лишиться всего. Я одного просилъ и прошу у Бога, чтобъ отсюда, кромѣ могилки, никуда не переѣзжать. Ну, отчего не подождать, умремъ мы, тогда все равно. Я всегда говорилъ, что Бирю-

ковъ подлецъ и святого у него ничего нѣтъ! Птички Божьи, галки, собачка Дружокъ, всѣ привыкли къ нашему домику, и вдругъ начнутъ строить... Погоди еще... кабаки откроются, драки начнутся, испортятъ всю прекрасную улицу. Не надо намъ этихъ домовъ, наши лучше!

— А ты мнѣ такъ и не сказалъ, что же Берковичъ?

— Не готово, завтра пойду мѣрить... заваленъ работой... праздники близко.. всѣ къ нему лѣзутъ... лучше его никто не шьетъ.

Агафонъ Титычъ закурилъ трубку и, насупившись, сѣлъ въ халатѣ у окна.

— Не хочу, не хочу! — ворчалъ онъ. — Ни за какія деньги, за сто милліоновъ не продамъ нашего дома.

— И не надо, мы останемся, не волнуйся... пусть Бирюковъ...

— Подлецъ Бирюковъ. Вотъ, напримѣръ, смотрю я на этого бисернаго турку, который съ поджатыми ногами виситъ сорокъ восемь лѣтъ на стѣнѣ, на одномъ мѣстѣ—развѣ не грѣшно его потревожить? Вѣдь покойная тетенька, Екатерина Савельевна, собственноручно вышивала турку своими длинными тонкими пальчиками.

— Турку нельзя трогать...

— Бирюковъ подлецъ!

Агафонъ Титычъ всплакнулъ про себя, а Евдокія Павловна обняла, поцѣловала его и тоже прослезилась.

Старики замолчали.

На другой день Корытовъ опять пошелъ къ знаменитому на косой улицѣ Берковичу, мѣрить брюки, и опять его ударило, какъ громомъ, даже еще сильнѣе.

— Часъ отъ часу не легче! — жаловался онъ женѣ и стоналъ, буквально стоналъ отъ новаго горя.

— Не убивайся, Фоша, что еще такое? — Неужто опять Бирюковъ?

— Бирюковъ подлецъ, а Сугубовъ распроподлецъ! Представь, онъ тоже свой домъ на сносъ продалъ.

— Господи, да что же у нихъ, ничего завѣтнаго нѣтъ!

— Вотъ ты и представь себѣ: и справа и слѣва насъ стиснутъ, стиснутъ нашъ домикъ... вотъ этотъ самый, съ крылечкомъ, съ садикомъ. Деньги все разрушаютъ, въ соблазнъ вводятъ людей! Зачѣмъ бы Сугубову на 80 году жизни продать домъ, доставшійся послѣ отца. Ну, отчего бы не умереть спокойно въ своемъ насиженномъ гнѣздѣ? Нѣтъ, конецъ, всему наступаетъ конецъ.

Затосковалъ Агафонъ Титычъ, загрустилъ, и такъ его настроеніе повліяло на жену, что она въ короткое время осунулась. Голова у нея стала трястись еще больше прежняго.

Выходили они въ палисадникъ и смотрѣли то направо, то налѣво, какъ любуясь въ послѣдній разъ тѣми игрушечными домиками сосѣдей, которые скоро снесутъ... Ничего отъ нихъ не останется, съ землей сравняютъ и начнутъ возводить современныя постройки, притащутъ машины, запоютъ рабочіе, вбивая сваи...

Быстро пролетѣли два мѣсяца, и стало извѣстнымъ, что три дома на косой улицѣ еще проданы. Это добивало Корытовыхъ.

Они ждали свѣтопреставленія.

Оно приближалось. Какъ-то, просыпаясь, Корытовы услышали страшный грохотъ. Они позвали Акулину, которая сообщила, что рядомъ у Бирюкова и напротивъ начали ломать дома, что съ ночи вывозили послѣднее имущество, а утромъ приступили къ разборкѣ крышъ.

— Погибаемъ! — стоналъ Агафонъ Титычъ. Подойдя къ окну и увидя собственными глазами

разрушительную человѣческую работу напротивъ своего дома, онъ махнулъ морщинистой, съежившейся ручкой и отвернулся.

— Валите, валите, — бормоталъ онъ, — все въ одну кучу валите! и людей бы вмѣстѣ съ обломками придавили, имъ легче бы было! Варвары. Авдотья, пора!

— Что пора?

— Умирать намъ пора! Вся тишина пропала, вся жизнь разбита...

— Ахъ, подлецы, безсердечные, что дѣлаютъ! Посмотри, Фоша.

— Не хочу смотрѣть.

Всѣ деревья вырубаютъ... Бѣдныя деревья, если они чувствуютъ, да сказать не могутъ, какъ они страдаютъ.

— Всю улицу обезобразятъ, словно драконъ какой съ огненными глазами, и громадной пастью пожираетъ все Ничего имъ не жаль.

Нѣсколько домовъ косой улицы снесли втеченіи трехъ недѣль и начали свозить обломки, возить кирпичъ. Вмѣсто ненарушимаго спокойствія создавался адъ.

Корытову тоже сдѣлали выгодное предложеніе продать домъ, но онъ наотрѣзъ отказался.

Агафонъ Титычъ увидѣлъ страшный сонъ. Ему снилась вѣдьма съ двумя чудовищными зубами, между которыми одного зуба не хватало, а остался только одинъ гнилой корешокъ, уродливый корешокъ, который торчалъ.

Сонъ этотъ объяснили такъ, что два чудовищныхъ зуба это новые дома, которые выростутъ по обѣимъ сторонамъ дома Корытиныхъ, а гнилой корешокъ — это домъ Корытиныхъ.

Берковичъ принесъ брюки Агафону Титычу и плакался, что его старинная, славная фирма выброшена на улицу, что пока не выстроютъ новыхъ домовъ, негдѣ устроиться въ косой улицѣ, что это

грозитъ ему разореніемъ. Еврей догадывался, что растеряетъ всю кліентуру, что всѣхъ заказчиковъ въ этой суматохѣ расхватаютъ другіе портные. Наконецъ, заказчики разъѣдутся по разнымъ концамъ города и не соберешь ихъ.

Собачка Дружокъ все время выла у домика Корытиныхъ, какъ бы предвѣщая бѣды. По крайней мѣрѣ такъ объясняли это явленіе.

Корытины почти не выходили изъ домика.

Бѣдные жильцы выѣзжали ежедневно изъ домовъ косой улицы, имъ предлагали очистить помѣщеніе въ кратчайшій срокъ. Одни подчинялись безропотно, другіе бранились, а третьи только плакали.

Стало извѣстно, что въ будущемъ по косой улицѣ пройдетъ конка, соединяющая какія-то двѣ важныхъ линіи.

Непріятности сгущались, сгущались и добивали Корытиныхъ, у которыхъ не было никакой жизни: старики просто растерялись, не зная, какой выходъ найти изъ нахлынувшаго тяжкаго положенія.

Когда направо отъ нихъ и налѣво выростали каменныя стѣны, они чувствовали себя совсѣмъ придавленными.

— Вотъ они, зубы вѣдьмы! выросли! вотъ этотъ сонъ ужасный исполняется!—повторилъ Корытинъ.

Сосѣдніе дома не успѣли еще показаться на косой улицѣ во весь свой великанскій ростъ, какъ разыгралась драма.

Маленькій домикъ и Акулина сдѣлались свидѣтелями ея.

Внезапно умеръ Корытинъ, а чрезъ одиннадцать—минутъ послѣ него скончалась Евдокія Павловна.

Сошли въ вѣчность послѣдніе борцы за неприкосновенность косой улицы, и маленькій домикъ по наслѣдству достался единственной родственницѣ Корытиныхъ, которая выгодно продала

его спустя три мѣсяца, оставивъ себѣ на память о старикахъ только бисернаго турка съ поджатыми ногами.

Косую улицу теперь никто не узнаетъ. На мѣстѣ домика Корытиныхъ выросъ сѣрый, неуклюжій, невзрачный трехъ-этажный домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣстился кинематографъ.

Въ окнѣ кинематографа виситъ полотно съ крупной надписью: «Исторія одной улицы», трагедія.

Палисадники, игрушечные домики, еврей Берковичъ, старички, старушки и гулявшая свинья пропали безслѣдно.

Около винной лавки, пріютившейся на косой улицѣ, постоянное веселье и слышно, какъ разбивается и жестоко звенитъ стекло, ударяясь о булыжную мостовую. Пьютъ и посуду бьютъ.

РОЯЛЬ

Они необыкновенно нѣжно относились другъ къ другу... Этой нѣжности всѣ завидовали.

— Куку, — обратилась Клавдія Ивановна къ своему супругу Константину Сократовичу, — ты мнѣ обѣщалъ, еще годъ тому назадъ, устроить домашній концертъ, созвать нашихъ друзей...

— Ты прекрасно знаешь, Клавдія, какъ мы были запутаны и какъ насъ тревожили судебные пристава и кредиторы... Положимъ, теперь коекакъ поправились, но все-таки...

— Остались мелкіе. долги, о которыхъ не стоитъ думать...

— Сегодня срокъ уплаты нѣмцу настройщику за купленный у него въ разсрочку рояль, а я сижу съ десятью рублями въ карманѣ... Онъ требуетъ безусловной аккуратности...

— Подождетъ! И не такіе кредиторы да ждали... ему заплачено больше половины... Куку, позови гостей и знакомыхъ артистовъ. Ужасно хочется развлечься! Вѣдь ты, чуть не каждый день, по театрамъ ѣздишь, а я все дома съ ребятишками сижу.

— Да изволь, Клавдія, если тебѣ такъ хочется я приглашу кой-кого въ пятницу. Придется ужинъ подать, надо перехватить сотню-другую и обсудить меню.

— Куку, закуски ты самъ у Смурова купи, ты вѣдь мастеръ по части выбора всевозможныхъ закусокъ.

— Смурову я еще долженъ, а возьму лучше у Кузнецова. Сначала, конечно, надо денегъ достать,

но это не бѣда, поѣду приглашать гостей и у кого-нибудь изъ нихъ перехвачу.

Константинъ Сократовичъ вѣчно нуждается, вѣчно занимаетъ и живетъ безпечно, ни въ чемъ себѣ однако не отказывая. Когда у него есть деньги въ карманѣ, онъ бываетъ добръ и великодушенъ, одолжая ихъ кому угодно. Въ эти счастливые дни онъ превращается въ человѣка необыкновенно взыскательнаго, избалованнаго: все, что ему ни подадутъ ѣсть — скверно! На извозчикѣ его трясетъ — посылаетъ за коляской, заказываетъ платье у самаго дорогого портного, покупаетъ рѣдкія гравюры и скульптурныя произведенія. Въ дни ненастья, иначе говоря, безденежья, онъ пускаетъ предметы роскоши въ оборотъ за безцѣнокъ и спокойно ожидаетъ улучшенія обстоятельствъ. Константинъ Сократовичъ служитъ въ банкѣ, имѣетъ частное мѣсто и кромѣ того сочиняетъ пьесы для театра, вслѣдствіе чего состоитъ въ числѣ членовъ общества драматическихъ писателей.

Безпечность Константина Сократовича переходитъ всѣ границы, однажды онъ вмѣсто того, чтобы заплатить за дачу, купилъ роскошнѣйшій коверъ, и не будучи въ состояніи раздѣлаться съ хозяиномъ и перебраться въ городъ, прожилъ въ Коломягахъ до половины декабря. Разъ ѣздилъ онъ въ Парижъ, но не доѣхалъ, потому что всѣ деньги истратилъ въ Берлинѣ, откуда едва выбрался съ помощью телеграфа, посредствомъ котораго просилъ взаймы у пріятелей. И несмотря на все легкомысліе Константина Сократовича, его всѣ любятъ за хорошій добрый нравъ, за предупредительность и за желаніе каждому оказать услугу. Даже тѣ изъ пріятелей, которымъ онъ долженъ, встрѣчаютъ его радушно и не прочь дать еще. Бываютъ періоды, когда Константинъ Сократовичъ пачками показываетъ повѣстки мировыхъ судей и судебныхъ приставовъ... Думаютъ, что ему конецъ пришелъ, сожалѣютъ семью, а Константинъ Сократовичъ съ ко-

лоссальной сигарой въ зубахъ сидитъ зимой въ ресторанѣ Кюба и торгуетъ у хозяина тарелку свѣжей землянику.

— Такъ захотѣлось, — оправдывается онъ передъ пріятелями, — что не могу себѣ отказать... Ароматъ еще не тотъ, а очень вкусно...

— Что, дѣла уладились?—спрашиваютъ у него.

— Отсрочилъ все на двѣ недѣли... могу спокойно вздохнуть...

Поразительныя метаморфозы происходятъ съ Константиномъ Сократовичемъ, и только удивляешься его безпрерывной энергіи и терпѣнію.

— —

— Куку, много ты назвалъ гостей?

— Массу назвалъ, такъ что не знаю, гдѣ они и сядутъ... Закуски и вина купилъ, сейчасъ привезутъ... Взялъ фрукты, конфеты, печенье къ чаю... Сервируемъ на славу

Артисты соберутся?

— Обѣщали... хотя это будетъ, такъ сказать, сюрпризомъ для гостей. Я предупредилъ всѣхъ лишь о томъ, что Эрреросъ Адольфовичъ, передъ отъѣздомъ на родину, обѣщалъ играть на роялѣ... У него удивительно мягкое туше.

— Безподобно играетъ этотъ испанецъ изъ Одессы. Только бы онъ въ клубъ не заѣхалъ, сядетъ играть въ карты и мы его не дождемся...

Напомни мнѣ вечеромъ, чтобы я поговорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ адвокатовъ, у насъ три присяжныхъ повѣренныхъ будутъ, можно ли описанное имущество перевести на твое имя? Ты меня бранить будешь, а я...

— Что такое? Куку, говори, что ты еще придумалъ?

Купилъ цвѣтовъ изъ Ниццы, я знаю, что ты фіалки обожаешь...

— Судебные пристава и фіалки! Какъ у тебя все это не гармонируетъ... Если ты ждешь описи,

такъ зачѣмъ же цвѣты покупать, лучше внести часть долга.

— Цвѣты необходимы... я не могу безъ цвѣтовъ, и этотъ расходъ также свободно покроется закладомъ скунсовой шубы... погода совсѣмъ теплая.

— У тебя необыкновенно широкая натура, Куку...

— А что жъ ты хочешь, Клавдія, чтобы я позвалъ гостей, которые меня же бранили бы потомъ. Была у меня мысль пригласить оркестръ румынскихъ музыкантовъ и просилъ у кассира для этой цѣли жалованье за три мѣсяца впередъ, да онъ отказалъ.

— Ну, это было бы неблагоразумно послушать румынъ и потомъ три мѣсяца сидѣть безъ жалованья. .

— Зато какъ играютъ... Масса жизни...

— Куреніе принесли! — объявила господамъ вошедшая изъ передней горничная Зоя.

— Куку, какое куреніе ты купилъ?

— Взялъ мимоходомъ Амбръ-рояль... Ты знаешь мою слабость къ ароматамъ, Клавдія.

Баринъ, барыня, а за ними горничная прошли въ переднюю, чтобы посмотрѣть, то-ли куреніе принесли.

——

Въ четыре часа дня, когда Константинъ Сократовичъ и Клавдія Ивановна уѣхали вмѣстѣ еще за какими-то покупками, явился старикъ настройщикъ Карлъ Васильевичъ Миллеръ, чтобы привести въ порядокъ инструментъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить о наступившемъ уже и пропущенномъ срокѣ уплаты...

— Ну, Зоя, вы скажите барину — пора, давно пора... я къ мировому подамъ, если онъ не пришлетъ ..

— Заплатятъ, вы не горячитесь... Получатъ и отдадутъ...

— Они вездѣ получили и не отдали... Я дѣлалъ промахъ, продавалъ такой звучный инструментъ... Зачѣмъ я буду настраивать его, если мнѣ не платятъ!

— Почистите, у насъ сегодня гости собираются играть...

Гости? Хорошо, что вы сказали... такъ и быть, я настрою.

Зоя вышла вонъ, а Карлъ Васильевичъ взялъ нѣсколько громкихъ аккордовъ и съ восторгомъ произнесъ:

— Вотъ инструментъ, это для Рубинштейна, для Таузиха.

Полчаса онъ исправлялъ его, чистилъ и приводилъ въ порядокъ... Наконецъ, всталъ, собралъ въ бумагу свои ключи и прочее и ушелъ, усталый, тяжело вздыхая.

Зоя объявила возвратившимся господамъ, что настройщикъ исправилъ рояль и спрашивалъ, какъ на счетъ денегъ...

Подождетъ! — произнесъ Константинъ Сократовичъ. — Клавдія, ты, пожалуйста, до вечера не играй, не порти инструмента... Я запру его на ключъ .. Эрреросъ Адольфовичъ не любитъ плохихъ инструментовъ и откажется играть.

Онъ сунулъ ключъ отъ рояля въ карманъ.

— —

Клавдія Ивановна нарядилась въ свѣтлое платье, а Константинъ Сократовичъ надѣлъ смокингъ и, несмотря на эти нарядные туалеты, продолжали суетиться и даже сами перетаскивали мебель и на пять мѣстъ переставляли большую бронзовую статую Діаны.

— Куку, такъ будетъ картиннѣе, живописнѣе, такая группировка мебели красивѣе!..

— Я тоже думаю... Ахъ, вотъ забылъ, за эту статую еще надо платить!

— Куку, у тебя изъ кармана платокъ торчитъ...

— Это не платокъ, это еще привѣтъ отъ су-

дебнаго пристава... Предстоитъ опять бой съ исполнительнымъ листомъ...

— Хорошо, что по закону нельзя описывать, когда угодно, а то бы во время вечера, при гостяхъ, кредиторы пришли бы и описали имущество.

— Это невозможно... меня безпокоитъ совсѣмъ другое, сумѣютъ ли у Кюба приготовить салатъ изъ омаровъ именно такъ, какъ я этого желаю... Я всѣмъ объявилъ, что буду угощать салатомъ моего приготовленія.

— А я все-таки того мнѣнія, что статую лучше поставить на старое мѣсто, здѣсь она много теряетъ... Вѣдь это работа Карпо.

— Какъ знаешь!.. Шепни ты, пожалуйста, Аннѣ Львовнѣ Казятиной, чтобы она во время музыкальнаго отдѣленія не просила вальса Страуса играть... Это неприлично по отношенію къ такому виртуозу, какъ Эрреросъ Адольфовичъ...

— Она обожаетъ Шопена, ты всегда нападаешь на Казятину, которая тебя страшно любитъ...

— Чортъ ее возьми съ любовью... что ей Шопенъ, если она всю жизнь въ опереточномъ театрѣ сидитъ, да по маскарадамъ шляется.

— Вдова, ей скучно, она ищетъ развлеченій...

— Фу ты, какъ усталъ!.. Нѣтъ, больше вечеровъ давать не стану, и зачѣмъ я гостей назвалъ, не знаю... все ты...

— Куку, сойди со стула, не трогай картину, ты упадешь...

— Клавдія, да развѣ ты не видишь, печать отъ старой описи осталась, надо ее спрятать.

Звонокъ заставилъ ихъ вздрогнуть и Константинъ Сократовичъ съ испуга дѣйствительно чуть-чуть не полетѣлъ со стула.

— Гости начинаютъ съѣзжаться... Куку, иди встрѣчать...

— Ну, зачѣмъ я ихъ назвалъ.., изволь теперь развлекать и занимать ихъ... Ахъ, это Эрреросъ

Адольфовичъ... дорогой Эрреросъ Адольфовичъ, какъ это любезно съ вашей стороны.

Гостей въ теченіе часа набралось человѣкъ тридцать пять и, выражаясь словами бальныхъ репортеровъ, царило полное оживленіе. Куку предлагалъ всѣмъ фрукты и прохладительные напитки. Наконецъ, всѣ окружили Эрреросa Адольфовича, котораго хозяйка вела къ роялю подъ руку и приставала, чтобы онъ сыгралъ какую-нибудь красивую бездѣлушку...

Куку, дай ключъ отъ рояля...

Константинъ Сократовичъ пошарилъ въ карманахъ и, не найдя ключа, побѣжалъ искать его въ пиджакѣ, который снялъ передъ баломъ. Вскорѣ онъ лично открылъ рояль...

— Что-нибудь изъ Шопена?

— Вы не играете этотъ вальсъ... Забыла названіе!.. Ахъ, какой это вальсъ! прелесть.

— Бетховенъ... Шопенъ... — кричали съ разныхъ сторонъ...

— Я хотѣлъ сыграть испанскую вещь Рубинштейна...

— Торреадоръ... ахъ, это прекрасно, прелестно.. браво!

Эрреросъ Адольфовичъ немножко одернулъ рукава, приподнялъ голову и сдѣлалъ паузу, какъ бы припоминая ту пьесу, которую будетъ играть... Онъ ударилъ по клавишамъ и о, ужасъ... звука не было! Всѣ ахнули, хозяева растерялись и не могли понять причины молчанія инструмента. Эрреросъ Адольфовичъ вскочилъ съ мѣста и, осмотрѣвъ рояль, объявилъ:

— У васъ молоточки вынуты и унесены...

Оказалось, что настройщикъ вынулъ ихъ, дабы не играли на рояли, прежде чѣмъ не внесутъ по условію часть платы. Гости пробовали ударять по клавишамъ, но инструментъ безмолвствовалъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ
